INTERNATIONAL BESTSELLER

Думаю, как все закончить

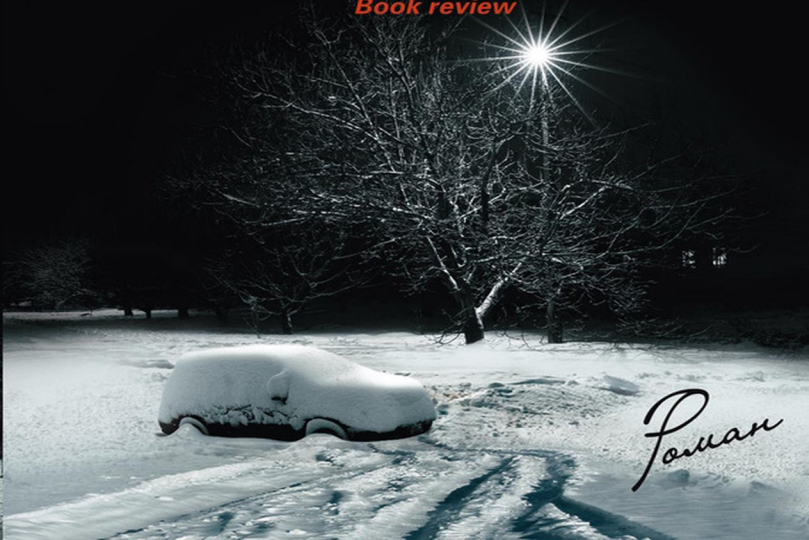
Думаю, как все закончить

WORLD SENSATION ★★★ МИРОВАЯ СЕНСАЦИЯ ★★★

Иан Рэйд

Интригующая история о том, что заставляет нас страдать: отношения, житейские проблемы, сама жизнь.

Book review



Роман

Думаю, как все закончить

Иан Рэйд

Аннотация

Иан Рэйд. Думаю, как все закончить

Аннотация

Джейк пригласил подругу на отдаленную ферму к своим родителям. У молодых людей все как будто хорошо складывается, но она почему-то уверена, что их отношения надо прекратить. Вот только как это сделать? Она постоянно получает странные, пугающие сообщения от незнакомца. Ей страшно, но она не решается рассказать о нем Джейку. В старом, темном доме в одной из комнат на ферме она увидела фотографию ребенка. На вопрос, кто это, ей ответили, что это Джейк. Но она вдруг понимает: на фото изображена маленькая девочка, и в этой девочке узнает себя. Дальше все становится еще непонятнее и страшнее…

МИРОВАЯ СЕНСАЦИЯ
WORLD SENSATION

Иан Рэйд
Думаю, как все закончить

Посвящается Дону Рэйду

Iain Reid

I'm Thinking
of Ending Things

By arrangement with Transatlantic Literary Agency Inc.

Copyright © Iain Reid 2016
© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2017
© Художественное оформление «Центрполиграф», 2017

Думаю, как все закончить.

Стоит такой мысли появиться, и она уже не отстает. Присасывается. Задерживается. Господствует. Я не в состоянии с ней справиться. Уж вы мне поверьте. Она все равно никуда не денется. Она со мной независимо от того, нравится это мне или нет. Она со мной, когда я ем. Когда ложусь спать. Она со мной, когда я сплю. Она со мной, когда я просыпаюсь. Она всегда со мной. Всегда.

Она появилась не так давно. Можно сказать, она новая. И в то же время кажется старой. Когда все началось? А может, эта мысль не родилась в моей голове, а была внедрена в мое сознание, разработана предварительно? Заимствована ли

невысказанная мысль? А может, на самом деле я все знаю с самого начала. Может быть, так это заканчивается всегда.

Джейк однажды сказал:

— Иногда мысль ближе к истине, к действительности, чем поступок. Сказать можно все, что угодно, сделать можно все, что угодно, но подделать мысль нельзя.

Подделать мысль нельзя. Вот о чем я думаю сейчас, в данную минуту. Меня это тревожит. Очень тревожит. Наверное, мне следовало знать, чем все закончится для нас. Может быть, конец был написан прямо с самого начала.

На дороге в основном свободно. Кругом тишина. Безмолвие. Здесь гораздо тише, чем можно себе представить. Здесь есть на что посмотреть, только не на толпы людей, не на многочисленные здания или дома. Небо. Деревья. Поля. Изгороди. Дорога и обочины, засыпанные гравием.

— Хочешь остановиться, выпить кофе?

— Нет, пожалуй, — говорю я.

— Здесь последняя возможность что-то найти, а дальше начинается настоящая глушь.

Я в первый раз навещаю родителей Джейка. Точнее, навещу их, когда мы доберемся до места. Джейк — мой парень. У нас с ним все началось не

слишком давно. Мы впервые вместе куда-то едем, впервые отправились в долгую поездку, поэтому странно, что я испытываю тоску из-за наших отношений, из-за него, из-за нас. Мне следовало бы испытывать радостное волнение, с нетерпением ждать первой встречи с его родителями, надеяться, что она станет не последней. А я не радуюсь. Совсем.

— Не хочу ни кофе, ни перекусывать, — повторяю я. — Лучше оставить место для ужина.

— Вряд ли сегодня нас ждет обычный пир горой. Последнее время мама очень устает.

— Но она ведь не против? Не против того, что я приеду?

— Нет, она будет рада. Она рада. Мои родители хотят с тобой познакомиться.

— Здесь одни коровники! Серьезно.

В самом деле, по пути сплошь попадаются коровники. Я столько коровников не видела много лет. А может, никогда в жизни. Все они похожи. Где-то коровники, где-то конюшни. Овцы. Поля. И коровники. И такое огромное небо.

— Здесь на шоссе нет освещения.

— Здесь не такое плотное движение, чтобы освещать дорогу, — говорит он. — Ты уже, наверное, заметила.

— Должно быть, ночами тут по-настоящему темно.

— Да.

У меня такое чувство, будто я знаю Джейка дольше, чем на самом деле. Сколько мы с ним знакомы… месяц? Полтора месяца, семь недель? А ведь мне следовало бы помнить точно… Пусть будет семь недель. У нас настоящий роман; мы испытываем редкую в наши дни и сильную привязанность. У меня в жизни не было ничего подобного.

Я разворачиваюсь на сиденье к Джейку, согнув левую ногу и подложив ее под себя, как подушку.

— И что же ты им обо мне рассказал?

— Кому, родителям? Я рассказал достаточно. — Он быстро смотрит на меня.

Мне нравится его взгляд. Я улыбаюсь. Я очень к нему привязана.

— Что ты им рассказал?

— Что познакомился с красивой девушкой, которая пьет слишком много джина.

— Мои родители не знают, кто ты такой, — говорю я.

Он думает, что я шучу. А я не шучу. Они понятия не имеют о его существовании. Я не рассказывала им о Джейке, не говорила даже, что познакоми-

лась с парнем. Ничего. Меня все время гложет мысль: надо было им сказать хоть что-нибудь. Возможностей у меня было достаточно. Просто я никогда не чувствовала себя настолько уверенной, чтобы что-нибудь сказать.

Джейк как будто хочет заговорить, но передумывает. Он включает радио. Негромко. Мы несколько раз крутили ручку настройки, но нам удалось поймать только одну музыкальную станцию с музыкой кантри. Там старые песни. Он кивает в такт и мурлычет себе под нос.

— Никогда раньше не слышала, чтобы ты напевал, — замечаю я. — У тебя неплохо получается!

Вряд ли мои родители узнают о Джейке — не только сейчас, но и потом, задним числом. При этой мысли мне становится грустно, а мы едем по пустынному шоссе на ферму его родителей. Так эгоистично, так эгоцентрично! Надо поделиться с Джейком своими мыслями. Но говорить о них очень тяжело. Как только я заикнусь вслух о своих сомнениях, пути назад уже не будет.

Я более или менее решилась. Я почти уверена, что положу всему конец. Даже перспектива знакомства с его родителями теперь не так на меня давит. Любопытно взглянуть на них, но, помимо всего прочего, я чувствую себя виноватой. Не со-

мневаюсь, он считает, что, согласившись поехать к его родителям, я принимаю на себя какие-то обязательства. Эта поездка — свидетельство того, что наши отношения развиваются.

Он сидит рядом со мной. О чем он думает? Он и понятия ни о чем не имеет. Придется нелегко… Я не хочу причинять ему боль.

— Откуда ты знаешь эту песню? Кстати, по-моему, мы ее уже слышали. Два раза…

— Это классика кантри, а я вырос на ферме. Такие песни я знаю по определению.

Он не согласился со мной, не подтвердил, что мы уже прослушали одну и ту же песню два раза. Ну и радиостанция! Крутить дважды одну и ту же песню в течение часа? Последнее время я нечасто слушаю радио; может быть, сейчас так принято. Может быть, все нормально. Или просто все старые песни кантри кажутся мне одинаковыми.

Почему я ничего не помню о последней поездке куда бы то ни было? Более того, не помню, когда была такая поездка. Я смотрю в окошко, но на самом деле ничего толком не вижу. Провожу время так, как принято в машине. В машине все пролетает мимо гораздо быстрее.

Что очень жаль. Джейк много рассказывал мне о здешних пейзажах. Он любит эти места. Он ска-

зал, что скучает по ним всякий раз, как уезжает отсюда. Особенно, по его словам, он скучает по полям и по небу. Уверена, здесь красиво, тихо. Правда, трудно судить, когда едешь на машине. Стараюсь разглядеть как можно больше.

Мы проезжаем мимо брошенной фермы; от бывшего дома остался один фундамент. Джейк говорит, что ферма сгорела лет десять назад. За домом обветшалый сарай, а в палисаднике качели. Но качели выглядят новыми. Не старые, не ржавые, не пострадавшие от непогоды.

— Откуда здесь новые качели? — спрашиваю я.

— Что?

— На сгоревшей ферме. Там ведь больше никто не живет.

— Если замерзнешь, сразу скажи. Тебе холодно?

— Нет, не холодно, — говорю я.

Стекло прохладное. Прижимаюсь к нему лбом. Чувствую вибрацию мотора, которая передается через стекло; чувствую каждую выбоину на дороге. Мягкий массаж мозга. Действует гипнотически.

Я не говорю ему, что стараюсь не думать об Абоненте. Вообще не хочу думать ни об Абоненте, ни о его сообщении. Особенно сегодня. Кроме того, я

не хочу говорить Джейку, что избегаю смотреть на свое отражение в окошке. Сегодня я не хочу видеть свое отражение. Как в тот день, когда мы с Джейком познакомились. Такие мысли я держу при себе.

Вечер викторины в пабе кампуса. В тот вечер мы познакомились. Паб в кампусе — не то место, где я часто бываю. Я ведь не студентка. Больше не студентка. Там я чувствую себя старой. Я никогда не ем в пабе. А тамошнее разливное пиво отдает пылью.

В тот вечер я не ожидала, что с кем-нибудь познакомлюсь. Сидела с подругой. Хотя в викторине мы не участвовали. Взяли кувшин пива и болтали.

По-моему, моя подруга предложила встретиться в пабе на кампусе, потому что рассчитывала, что там я познакомлюсь с парнем. Хотя она так не сказала, по-моему, так думала. Джейк и его друзья сидели за соседним столиком.

Викторины меня не особенно интересуют. Не настолько они забавные. Что называется, не мое. Предпочитаю ходить не в такие шумные места или сидеть дома. Дома пиво никогда не отдает пылью.

Команда Джейка называлась «Брови Брежне-

ва».

— Кто такой Брежнев? — спросила его я.

В пабе было шумно, и мы почти кричали, чтобы услышать друг друга на фоне музыки. К тому времени мы пообщались несколько минут.

— Он был советским инженером и работал в металлургии. В эпоху застоя. Вместо бровей у него были две чудовищные гусеницы.

Теперь вы понимаете, о чем я? Взять, к примеру, название команды Джейка. Оно должно было быть смешным, но вместе с тем достаточно непонятным, чтобы участники могли продемонстрировать свои познания в области советской коммунистической партии. Не знаю почему, но такие штуки меня бесят.

Команды всегда так называются. Или с явным сексуальным подтекстом. Еще одна команда называлась «Мой диван легко разложить и меня тоже».

Я призналась, что не в восторге от викторин, особенно в таких местах. Джейк ответил:

— Иногда здесь нужно знать очень многое, вплоть до мелочей. Здесь дух соперничества маскируется безразличием. Странная смесь!

Джейк не красавец — его трудно назвать красавцем. В основном он привлекает неправильно-

стью черт. Он был не первым парнем, которого я заметила в тот вечер, но оказался самым интересным. Я редко клюю на безукоризненную красоту. Он не слишком активно принимал участие в викторине. Мне показалось, что остальные силой затащили его на игру; возможно, другие члены команды рассчитывали на его ответы. И он сразу же привлек мое внимание.

Джейк высокий, сутулый. У него асимметричное лицо с выпирающими скулами. Он выглядит мрачноватым. Как только я увидела его скулы, похожие на скулы скелета, они мне сразу понравились. Но за голодающего его нельзя принять благодаря губам — толстым, мясистым, пухлым. Особенно пухлая у него нижняя губа. Волосы у него были короткие, растрепанные. Вроде бы с одной стороны они были длиннее или вообще лежали по-другому, как будто у него с двух сторон головы разные прически. Голова не выглядела ни грязной, ни недавно вымытой.

Он был чисто выбрит и то и дело рассеянно прикасался к правой дужке очков в тонкой серебристой оправе. Иногда он указательным пальцем сдвигал очки на переносицу. Кроме того, я заметила у него одну бессознательную привычку: когда он на чем-то сосредотачивался,

нюхал тыльную сторону одной ладони, во всяком случае, подносил ее к носу. Так он часто делает и сейчас. В тот день он надел простую серую футболку — серую или, может, синюю — и джинсы. Футболка выглядела застиранной. Он часто моргал. Я сразу поняла, что он застенчив. Мы могли просидеть за соседними столиками весь вечер, и он не сказал бы мне ни слова. Однажды он мне улыбнулся, но только и всего. Если бы я предоставила инициативу ему, мы бы так и не познакомились.

Я сразу поняла, что вряд ли он первый что-нибудь скажет, поэтому заговорила сама.

— Вы, ребята, молодцы, хорошо отвечаете. — Вот первые слова, которые я сказала Джейку.

Он поднял стакан с пивом:

— К счастью, у нас есть чем подкрепиться.

И все. Лед был сломан. Мы еще немного поболтали. Потом он как бы между прочим сказал:

— Я крестословец.

Я ответила уклончиво: «Хм…» или «Угу…» Я не поняла этого слова.

По словам Джейка, он хотел, чтобы его команда называлась «Солипсист». Значение этого слова я тоже не знала, но вначале решила притвориться, будто знаю. Несмотря на его осторожность и

замкнутость, сразу было заметно, что он необычайно умен. И совсем не напорист. Он не пытался меня «снять». Не говорил пошлостей. Ему просто приятно было со мной болтать. Мне показалось, что он нечасто встречается с девушками.

— Кажется, я не знаю этого слова, — сказала я. — И того, первого, тоже. — Я решила, что ему, как большинству мужчин, наверное, захочется тут же мне все растолковать. И так ему будет приятнее, чем если бы он думал, что я уже знаю эти слова и у меня такой же богатый словарный запас, как у него.

— Солипсист — это человек, который признает собственное сознание единственной несомненной реальностью; это от латинского solus, что значит «единственный», и ipse — «сам».

Знаю, его объяснения кому-то могут показаться педантичными, занудными и обескураживающими, но, поверьте, он вовсе не такой. Совсем нет! Джейку свойственны мягкость и подкупающая, естественная кротость.

— Я подумал, что такое название для нашей команды будет неплохо звучать, учитывая, что нас много, но мы не похожи ни на одну другую команду. А из-за того, что мы играем в одной такой команде, мы как будто сливаемся воедино…

Прости, не знаю, есть ли смысл в моих словах, и это определенно скучно.

Мы дружно рассмеялись, и мне показалось, что мы одни во всем пабе. Я выпила пива. Джейк показался мне странным. Но у него, по крайней мере, было чувство юмора. И все же вряд ли он был таким же странным, как я. Большинство моих знакомых мужчин не такие.

Позже он сказал:

— Люди в целом не слишком странные. Странность встречается редко… — Он произнес эти слова так, словно точно знал, о чем я думала раньше.

— Не знаю, так ли это, — возразила я. Мне понравилась определенность, с какой он говорил о «людях в целом». За его внешней сдержанностью таилась глубокая убежденность.

Когда стало ясно, что их команда собирается уходить, я подумала, не попросить ли его телефон. По крайней мере, можно было дать ему свой номер. Я отчаянно хотела попросить у него телефон, но просто не могла. Ни к чему, чтобы он считал себя обязанным позвонить мне. Хотя, конечно, мне хотелось, чтобы он захотел мне позвонить. Очень хотелось. И все же я решила, что рано или поздно мы с ним встретимся. Мы жи-

вем в университетском городке, а не в большом городе. Где-нибудь мы обязательно столкнемся. Как оказалось, ждать удобного случая мне не пришлось.

Должно быть, он сунул записку ко мне в сумочку, когда прощался. Придя домой, я нашла ее:

«Будь у меня твой телефон, мы могли бы поговорить, и я рассказал бы тебе что-нибудь забавное».

Внизу он приписал свой номер.

Перед тем как лечь спать, я посмотрела в словаре, что такое «крестословец». Я рассмеялась и поверила ему.

– И все-таки я не понимаю. Как нечто подобное могло случиться?

– Мы все в шоке.

– Здесь еще ни разу не происходило ничего столь же ужасного…

– Да, такого — нет.

– За все годы, что я здесь работаю…

– Да уж, это точно.

– Я вчера так и не заснул. Глаз не сомкнул.

– Я тоже. Никак не мог успокоиться. И аппетита не было. Видел бы ты мою жену, когда я ей сказал. Мне показалось, ее вот-вот стошнит.

– Кстати, как он это осуществил, с чего вдруг? Такие вещи не делаются случайно, по наитию. Это просто невозможно.

– Просто жуть что такое. Жутко и страшно…

– Значит, ты был с ним знаком? Вы с ним дружили?..

– Нет, нет. Не дружили. Мне кажется, друзей у него вообще не было. Он был одиночкой. Одиноким по натуре. Замыкался в себе. Был нелюдимым. Кто-то знал его чуть лучше, чем остальные. Но… ты ведь понимаешь.

– Безумие какое-то. Как будто не на самом деле.

– Да, это ужасно, но, к сожалению, все произошло на самом деле.

— Как дорога?

— Неплохо, — говорит он. — Немного скользко.

— Хорошо, что снега нет.

— Будем надеяться, он не пойдет.

— Похоже, сейчас холодно.

Ни одного из нас по отдельности не назовешь ярким. Это важно отметить. И кажется, что мы совсем не сочетаемся — Джейк долговязый, а я низкорослая. Когда я одна в толпе людей, меня будто сжимает, меня трудно заметить. Джейк, несмотря на свой рост, тоже не выделяется в

толпе. Зато, когда мы вместе, я замечаю, что на нас смотрят. Не на него или на меня, а на нас. По отдельности я сливаюсь с пейзажем. И он тоже. А вместе, как пара, мы выделяемся.

После нашего знакомства в пабе прошло всего шесть дней, а мы успели три раза пообедать вместе, два раза погулять, выпить кофе и посмотреть кино. Мы все время разговаривали. Сближались. Дважды после того, как Джейк видел меня голой, он говорил, что я напоминаю ему — как он подчеркнул, в хорошем смысле — молодую Уму Турман, так сказать, «компактную» Уму Турман. Он звал меня «компактной». Именно так. Его словечко.

Он никогда не называл меня привлекательной, но я не в обиде. Что неплохо. Он называл меня хорошенькой, а пару раз сказал «красавица» — типично по-мужски. Однажды он назвал меня «целительной». Раньше я ни от кого ничего подобного не слышала. Он сказал так сразу после того, как мы с ним занимались петтингом.

Я думала, что мы с ним будем обниматься, но, когда это произошло, все началось спонтанно. Мы просто начали обниматься на моем диване после ужина. Я приготовила суп. На десерт распили бутылку джина. Передавали ее друг другу и пили

прямо из горла, как школьники, которые пьют для храбрости перед танцами. Тогда дело зашло дальше, чем прежде, когда мы просто обнимались. Выпив пол бутылки, мы легли в постель. Он снял с меня майку, а я расстегнула на нем брюки. Он позволил мне делать все, что я хотела.

Он все повторял: «Целуй меня, целуй меня». Даже если я останавливалась всего на три секунды, он снова и снова просил: «Целуй меня». А кроме этого, ничего не говорил. Свет был выключен, и я почти не слышала его дыхания. Я не очень хорошо его видела.

— Давай руками, — сказал он. — Только руками.

Я думала, мы займемся сексом. Я не знала, что ответить. И согласилась. Раньше я никогда так не делала. Когда мы закончили, он упал на меня, и какое-то время мы лежали с закрытыми глазами, тяжело дыша. Потом он скатился с меня и вздохнул.

Не знаю, сколько прошло времени, но в конце концов Джейк встал и пошел в ванную. Я лежала, наблюдая за ним, глядя ему вслед. Потом он включил воду. Спустил воду в туалете. Он пробыл в ванной довольно долго. Я смотрела на пальцы ног, шевелила ими.

Тогда я подумала, что надо рассказать ему об Абоненте. И все же не рассказала. Не смогла. Я хотела об этом забыть. Мне казалось: если я расскажу, все будет выглядеть серьезнее, чем мне хочется. Тогда я действительно чуть не рассказала ему.

Я лежала одна и вдруг кое-что вспомнила. Когда я была маленькой, лет шести или семи, как-то ночью я проснулась и увидела у себя за окном мужчину. Я давно не вспоминала тот случай. Я нечасто говорю или даже думаю о нем. Воспоминание выцвело, стало расплывчатым. Но те части, которые все же воскресают в памяти, я помню четко и ясно. Такое не расскажешь на званом ужине. Что обо мне подумают? Я и сама не знаю, что обо всем этом думать. Не знаю, почему мне вдруг все вспомнилось в тот вечер.

Откуда мы знаем, что кто-то или что-то нам угрожает? Что намекает на нечистые намерения? Чутье всегда побеждает разум. Ночью, когда я просыпаюсь одна, то давнее воспоминание по-прежнему приводит меня в ужас. И чем старше я становлюсь, тем больше оно меня пугает. С каждым новым разом, когда воспоминание воскресает в памяти, оно кажется все более зловещим. Может быть, всякий раз, когда я об этом

вспоминаю, я невольно наделяю его все более зловещими чертами? Не знаю.

Тогда я проснулась среди ночи — вдруг, без всякой причины. Не из-за того, что мне захотелось в туалет. В моей комнате было очень тихо. Просыпалась я не постепенно, а сразу, резко, что для меня необычно. Мне всегда требуется несколько секунд или даже минут для того, чтобы полностью прийти в себя. А в тот раз я проснулась как от толчка.

Я лежала на спине, что тоже было необычным. Обычно я сплю на боку или на животе. Я была плотно укрыта одеялом, как будто меня подоткнули со всех сторон. Мне стало жарко, я вспотела. Подушка стала влажной. Дверь спальни была закрыта, а ночник, который я всегда оставляла включенным, был выключен. В комнате было темно.

Потолочный вентилятор работал на полную мощность. Хорошо помню, что лопасти крутились быстро. Можно сказать, стремительно. Казалось, вентилятор вот-вот улетит с потолка. Только этот звук я и слышала — мерное жужжание мотора и свист режущих воздух лопастей.

Дом был не новым, и, просыпаясь по ночам, всегда можно было слышать, как гудят трубы,

потрескивают полы — в общем, какие-то звуки. Тогда мне показалось странным, что я ничего такого не слышала. Я лежала и прислушивалась — встревоженная, сбитая с толку.

Тогда-то я и увидела его.

Моя комната находилась в тыльной части дома. Она была единственной спальней на первом этаже. Прямо передо мной было окно — самое обыкновенное, не слишком широкое, не слишком высокое. И тот тип просто стоял возле него. Снаружи. Лица его я не видела. Оно приходилось выше рамы. Я видела его туловище — вернее, половину. Он слегка покачивался. Живо помню его руки. Они все время двигались; время от времени он потирал их друг о друга, как будто пытался согреться. Он был очень высоким, очень костлявым. Его пояс — помню его вытертый черный пояс — был затянут так, что лишняя часть свисала вниз, как хвост, только спереди. Такого высокого человека я в жизни не видела.

Я долго наблюдала за ним. Я не шевелилась. Он тоже не сходил с места, так и стоял возле окна и все время потирал руки. Выглядел он так, словно отдыхает после тяжелой физической работы.

Но чем дольше я за ним наблюдала, тем больше мне казалось, вернее, ощущалось, что он тоже

может меня видеть, хотя его голова и глаза находились выше окна. Я ничего не понимала. Все вообще было странно. Если я не вижу его глаза, как он меня видит? С одной стороны, было понятно, что все происходящее — не сон. Но и явью это тоже нельзя назвать. Тот тип следил за мной. Вот почему он там стоял.

Снаружи доносилась тихая музыка, но ее я не помню отчетливо. Музыка была едва слышна. Я не замечала ее, когда проснулась. Услышала после того, как увидела того типа. Не знаю, что за музыка; возможно, играла запись, а может быть, он мурлыкал себе под нос. Так пролетело много времени — много минут; возможно, целый час.

А потом тот тип помахал рукой, чего я совсем не ожидала. Откровенно говоря, я не знаю, помахал он мне или просто дернул рукой. Может быть, его жест просто напоминал взмах.

Тот жест все изменил. Он стал доказательством злого умысла, как будто намекал на то, что больше я никогда не буду совершенно одна, он всегда будет рядом, он еще вернется. Неожиданно мне стало страшно… Дело в том, что сейчас то чувство для меня так же реально, как и тогда. И зрительные образы тоже реальны.

Я закрыла глаза. Хотела закричать, но не ста-

ла. Я заснула. Когда я наконец открыла глаза, наступило утро. А тот тип исчез. Но я знала, что тот раз не последний и он еще объявится. Будет стоять за окном и наблюдать за мной. Хотя этого не произошло. Во всяком случае, у моего окна.

Но мне всегда казалось, будто он рядом. Тот тип всегда рядом.

Иногда мне кажется, будто я его вижу. Бывает, ночью подхожу к окну и вижу высокого мужчину, который сидит, скрестив ноги, на скамейке у моего дома. Он сидит неподвижно и смотрит в мою сторону. Не знаю, как человек, сидящий на скамье, может излучать опасность, но он именно такой.

Он сидит достаточно далеко, так далеко, что трудно разглядеть его лицо. Невозможно даже понять, куда он смотрит — на меня или нет. Не люблю, когда он появляется. Такое случается нечасто. И все же я терпеть не могу такие явления. И ничего не могу с ним поделать. Он не делает ничего плохого. Более того, он вообще ничего не делает. Не читает. Не разговаривает. Просто сидит. Зачем он приходит? Вот что, наверное, хуже всего. А может быть, тот тип всецело у меня в голове. Такого рода абстракции иногда кажутся самыми настоящими.

Когда Джейк вернулся из ванной, я лежала на спине, в той же позе, что и до его ухода. Одеяло было смято. Одна подушка лежала на полу. Из-за того, что наша одежда кучками валялась вокруг кровати, комната напоминала место преступления.

Он стоял в изножье кровати и, как мне показалось, неестественно долго молчал. Я видела его голым, когда он лежал, но никогда не видела, как он стоит. Я притворилась, будто не смотрю. Он очень худой и жилистый, а кожа у него почти белая. Он подобрал с пола свои трусы, надел их и снова лег в постель.

— Хочу сегодня остаться здесь, — сказал он. — Здесь так хорошо. Я не хочу тебя покидать.

По какой-то причине именно в тот миг, когда он лег ко мне и задел меня ногой, мне захотелось вызвать у него ревность. Раньше у меня никогда не возникало такого желания. Оно появилось непонятно откуда.

Я посмотрела на него — он лежал на животе с закрытыми глазами. Головы у нас обоих вспотели. У него, как и у меня, раскраснелось лицо.

— Все было очень мило, — сказала я, щекоча его поясницу кончиками пальцев. Он застонал в знак согласия. — С прошлым парнем мы не… Настоя-

щая близость — большая редкость. У некоторых все сводится к чисто физическому влечению, только к физическому влечению. Это огромная физическая разрядка и больше ничего. Можно быть влюбленными по уши, но такого рода вещи долго не продолжаются.

По-прежнему не знаю, зачем я тогда так сказала. Это была не совсем правда, и зачем мне было в тот момент выдумывать другого парня? Джейк не реагировал. Совсем не реагировал. Просто лежал, повернув голову в мою сторону. Потом он сказал:

— Продолжай. Мне приятно. Мне нравится, когда ты меня трогаешь. Ты очень нежная. Оказываешь целебное воздействие.

— Мне тоже приятно к тебе прикасаться, — призналась я.

Через пять минут Джейк задышал по-другому. Он заснул. Мне стало жарко; я отбросила одеяло. В комнате было темно, но глаза мои успели привыкнуть; я еще видела пальцы ног. Услышала, как на кухне звонит телефон. Было на самом деле поздно. Слишком поздно для звонков. Я не встала, чтобы подойти. И не могла заснуть. Я ворочалась и металась. Телефон прозвонил еще три раза. Мы оставались в постели.

На следующее утро я проснулась позже обыч-

ного; Джейк уже ушел. Я лежала под одеялом. Голова болела, во рту пересохло. На полу стояла бутылка из-под джина — пустая. На мне были трусики и майка, хотя я не помнила, как надевала их. Тогда нужно было рассказать Джейку об Абоненте. Теперь-то я понимаю. О таком надо было рассказать, когда все началось. Мне следовало хоть с кем-то поделиться. Но я ничего ему не рассказала. До какого-то времени не считала происшествие важным, а потом оно стало играть значительную роль… Теперь-то я прекрасно это понимаю.

Первый раз, когда раздался звонок, я решила, что кто-то просто ошибся номером. Вот и все. Ничего серьезного. Не о чем беспокоиться. Мне позвонили ночью после того, как мы с Джейком познакомились в пабе. Нечасто попадаешь не туда, но такое и чем-то неслыханным не назовешь. Звонок вырвал меня из глубокого сна. Странным был только голос Абонента — он говорил как-то неестественно, сдавленно и с перерывами.

С самого начала, с первой нашей недели с Джейком и даже с первого свидания, я заметила в нем кое-какие странности. Мне не нравится, что я обращаю внимание на такие мелочи. Но я их замечаю. Даже сейчас, в машине. Я чувствую его

запах — хоть и слабый, в замкнутом пространстве он ощущается. Его нельзя назвать неприятным… Не знаю, как его описать. Просто запах Джейка. Мы узнаем о другом массу мелких подробностей за небольшие промежутки времени. После нашего знакомства прошло несколько недель, а не лет. Очевидно, есть много такого, чего я о нем не знаю. И есть много такого, чего он не знает обо мне. Например, он не знает об Абоненте.

Абонент — мужчина; это слышно. Мужчина среднего возраста, возможно, старше, но голос у него какой-то женственный, как будто он подражает женщине. Во всяком случае, старается сделать свой голос выше. Голос у него какой-то неприятно искаженный. Я его не узнала. Мне звонит не кто-то из моих знакомых.

Долгое время я снова и снова слушала самое первое сообщение, стараясь различить в нем что-нибудь знакомое, но так и не смогла. И не могу до сих пор. После того первого звонка, когда я объяснила Абоненту, что он не туда попал, он сказал своим скрипучим женоподобным голосом: «Извините». И еще через секунду нажал отбой. Вскоре я забыла о странном звонке.

На следующий день я увидела, что у меня два пропущенных вызова. Оба раза мне звонили сре-

ди ночи, когда я спала. Я просмотрела весь список пропущенных вызовов и увидела, что номер тот же, что и у человека, который накануне ошибся. Странно, подумала я. Зачем он перезванивал? Но по-настоящему странным и необъяснимым — я до сих пор расстроена — было то, что звонки поступили с моего собственного номера.

Сначала я не поверила. Даже не сразу узнала собственный номер. Реагировала как-то замедленно. Подумала, что посмотрела не туда. По-другому и быть не могло. Но потом все перепроверила и убедилась, что передо мной именно список пропущенных вызовов, а не что-нибудь другое. Да, я тогда определенно открыла список пропущенных вызовов. И вот, пожалуйста. Мой номер.

И только через три или четыре дня Абонент оставил первое голосовое сообщение. Тогда все в самом деле стало зловещим. Я храню то сообщение до сих пор. Я сохранила все его сообщения. Всего их семь. Не знаю, почему я их не стираю. Может быть, все-таки думаю рассказать о них Джейку. Я лезу в сумочку, достаю телефон, набираю номер.

— Кому ты звонишь? — спрашивает Джейк.

— Никому. Проверяю голосовую почту.

Я слушаю первое сохраненное сообщение. Первое голосовое сообщение, оставленное Абонентом:

«Осталось решить только один вопрос. Мне страшно. Кажется, что я схожу с ума. Не могу рассуждать здраво. Все предположения верны. Чувствую, как нарастает ужас. Настало время для ответа. Всего один вопрос. Ответить всего на один вопрос».

В сообщениях нет ничего откровенно агрессивного или угрожающего. Как и в голосе. Мне так не кажется. Правда, теперь я уже ни в чем не уверена. Сообщения определенно грустные. Голос у Абонента грустный, может быть, чуточку раздосадованный. Не знаю, что означают его слова. Кажется, в них нет никакого смысла, но и бредом их не назовешь. И они всегда одинаковые. Слово в слово.

Так что сейчас это, по существу, второе интересное событие в моей жизни. Итак, я встречаюсь с Джейком, а еще один человек, другой мужчина, оставляет мне странные голосовые сообщения. У меня нечасто бывают тайны.

Бывает, я лежу в постели и крепко сплю; вдруг просыпаюсь и вижу, что у меня пропущенный вызов, — часто такое случается около трех часов

ночи. Обычно Абонент звонит среди ночи. И звонок всегда поступает с моего номера.

Однажды он позвонил, когда мы с Джейком смотрели кино в постели. Когда высветился мой номер, я ничего не сказала, но притворилась, будто жую, и передала телефон Джейку. Он сказал, что звонила какая-то старуха, которая ошиблась номером. Мне показалось, что странный звонок его не заинтересовал. Мы продолжали смотреть кино. В ту ночь мне не спалось.

С тех пор как начались эти звонки, мне снятся страшные сны, по-настоящему страшные, и я уже два раза просыпалась среди ночи в приступе паники; оба раза мне казалось, что в моей квартире кто-то есть. Раньше со мной никогда ничего подобного не случалось. Ужасное чувство. Какое-то время кажется, будто кто-то стоит в комнате, в углу, очень близко, и наблюдает за мной. Ощущение настолько яркое и пугающее, что я не могу пошевелиться.

Сначала я полусонная, но вскоре полностью просыпаюсь и иду в туалет. В моей квартире всегда очень тихо. Я включаю воду, и она льется ужасно громко, ведь кругом так тихо. Сердце у меня бешено колотится. Я вся в поту; однажды мне пришлось переодеть пижаму, потому что

она насквозь промокла. Обычно я не потею — во всяком случае, не так. Ощущение не из приятных. Уже слишком поздно рассказывать обо всем этом Джейку. Просто я немного больше на взводе, чем обычно.

Однажды, когда я спала, Абонент звонил двенадцать раз. В ту ночь он не оставил сообщения. Но утром я увидела двенадцать пропущенных вызовов. И все с моего номера. Большинство людей наверняка что-нибудь предприняли бы после такого, но я ничего не делала. Да и что я могла бы сделать? Звонить в полицию бесполезно. Абонент не угрожал мне, не говорил ничего неправильного или вредоносного. Вот что, по-моему, самое странное: он не хочет разговаривать. Точнее, он не хочет общаться. Говорит только сам. Всякий раз, как я пробую ему отвечать, он бросает трубку. Предпочитает оставлять свои таинственные послания.

Джейк не обращает на меня внимания. Он за рулем, поэтому я снова слушаю сообщение:

«Осталось решить только один вопрос. Мне страшно. Кажется, что я схожу с ума. Не могу рассуждать здраво. Все предположения верны. Чувствую, как нарастает ужас. Настало время для ответа. Всего один вопрос. Ответить всего на

один вопрос».

Сколько раз я его слушала! Снова и снова.

И вдруг оказалось, что дело зашло слишком далеко. Очередное сообщение было таким же, как и всегда, слово в слово, только в конце появилось кое-что новое. Последнее полученное мною сообщение все изменило. Оно хуже всего. У меня от него мурашки по коже. В ту ночь, когда получила его, я не сомкнула глаз. Мне было страшно, и я чувствовала себя дурой из-за того, что не прекратила это раньше. Я чувствовала себя дурой из-за того, что ничего не сказала Джейку. Последнее не дает мне покоя до сих пор.

«Осталось решить только один вопрос. Мне страшно. Кажется, что я схожу с ума. Не могу рассуждать здраво. Все предположения верны. Чувствую, как нарастает ужас. Настало время для ответа. Всего один вопрос. Ответить всего на один вопрос».

И вдруг…

«То, что я сейчас скажу, тебя огорчит: я знаю, как ты выглядишь. Знаю, какие у тебя ноги, руки и кожа. Знаю, какая у тебя голова, какие волосы и какое сердце. Не грызи ногти!»

Я решила, что непременно сниму трубку в следующий раз, когда он позвонит. Я должна сказать,

чтобы он прекратил. Даже если он ничего мне не ответит, я ему скажу… Может быть, этого хватит.

Телефон зазвонил.

— Почему вы мне звоните? Откуда у вас мой номер? Так больше нельзя, — сказала я.

Я злилась и боялась одновременно. Мне уже не казалось, что он позвонил мне случайно, просто наугад набрав случайные цифры. Само собой все не прекратилось бы. Он не собирался отставать; ему что-то было нужно. Чего он хотел от меня? Почему именно от меня?

— То, что с вами происходит, — ваше дело. Я не могу вам помочь! — срывалась я на крик. — Но вы мне звонили, — сказал он.

— Что?!

Я нажала отбой, тяжело дыша, швырнула телефон на пол. Знаю, это была просто нелепая случайность, но я грызу ногти с пятого класса.

– В тот вечер, когда ты позвонил, у нас были гости к ужину. На десерт я приготовил открытый пирог с орехами пекан и соленой карамелью. И тут — звонок… После того, что мы узнали, вечер для всех был испорчен. Я до сих пор помню каждое твое слово.

– Когда я услышал обо всем, дети уже разошлись. Я сразу же позвонил тебе.

– Он был в депрессии или болен? И вообще, была ли у него депрессия?

– Судя по всему, никаких антидепрессантов он не принимал. Зато он хранил тайны. Не сомневаюсь, было и что-то другое.

— Да.

– Если бы мы тогда только знали, насколько все серьезно! Если бы только были какие-то знаки! Знаки есть всегда. Ни с того ни с сего так не поступают…

– Так разумный человек не поступил бы.

– Верно, неплохо подмечено.

– Он не такой, как мы.

– Да, да. Совсем не такой, как мы.

– Если у тебя ничего нет, тебе нечего терять.

– Вот именно. Нечего терять.

* * *

По-моему, многое из того, что мы узнаем о других, мы узнаем не из того, что они нам рассказывают, а из своих наблюдений. Говорить-то можно все, что угодно. Как однажды заметил Джейк, всякий раз, как человек говорит: «Рад с вами познакомиться», на самом деле он думает о чем-то другом, выносит то или иное суждение. На самом деле никто при знакомстве не чувствует

и не испытывает особой «радости», просто так говорят, а мы слушаем.

Джейк говорил, что у наших отношений собственная валентность. Да, *валентность* — такое слово он употребил.

Если так и есть, значит, отношения могут меняться с вечера до утра, от часа к часу. Лежать в постели — одно. Когда мы вместе завтракаем, особенно если еще рано, мы почти не разговариваем. Я люблю поговорить, пусть и немножко. Разговоры помогают мне проснуться. Особенно если они веселые. Ничто не будит меня лучше смеха, более того, хохота, лишь бы он был от души, искренним. Смех бодрит меня лучше кофеина.

Джейк предпочитает есть кашу или тост и читать — главным образом, в тишине. Он всегда читает. Последнее время он читает ту книгу Кокто. Наверное, успел перечитать ее раз пять.

Вообще, он читает все, что попадется под руку. Сначала я думала, что за завтраком он молчит, потому что сосредоточен на книге, которую читает. Такое еще можно понять, хотя у меня все по-другому. Я бы не стала читать так, как он. Мне нравится сознавать, что у меня впереди много свободного времени для чтения, чтобы по-настоящему проникнуться книгой. Не люблю есть и

читать одновременно.

Но больше всего меня раздражает чтение ради самого процесса. Джейк готов читать что угодно — газету, журнал, надпись на коробке с хлопьями, рекламную листовку, меню из ресторана навынос — все.

— Эй, как по-твоему, тайны в отношениях изначально нечестны, дурны и аморальны? — спрашиваю я.

Мой вопрос застает его врасплох. Он вскидывает на меня взгляд и тут же снова переводит его на дорогу.

— Не знаю. Все зависит от того, о каких тайнах речь. Важные они или нет? Тайна одна или их несколько? Сколько их? И что именно утаивают? Кстати, тебе не кажется, что тайны друг от друга есть у всех, в любых отношениях? Тайны есть даже у тех, кто всю жизнь вместе, даже у супругов, которые отпраздновали золотую свадьбу.

На пятое утро, когда мы завтракали вместе, я оставила попытки затеять разговор. Я не рассказывала анекдоты. Просто сидела и ела хлопья. Той марки, которую любит Джейк. Я оглядывалась по сторонам. Смотрела на него. Наблюдала за ним. Я думала: «Это хорошо. Вот как мы на самом деле, *по-настоящему* узнаем друг друга».

Он читал журнал. Я заметила у него под нижней губой тонкую белую пленочку или налет; пленочка прилипла к углам рта, в тех местах, где смыкаются верхняя и нижняя губы. Почти каждое утро я видела эту белую пленочку. После того, как он принимал душ, пленка обычно пропадала.

Может, там просто остаток зубной пасты? Или налет появлялся оттого, что он всю ночь дышал ртом? Может, его налет — то же самое, что гной из глаз? Когда читал, он жевал очень медленно, как будто хотел сберечь силы, как будто сосредоточенность на книге замедляла его глотательные способности. Иногда между движениями челюстей и глотательными движениями наблюдался большой разрыв. Проглотив очередную порцию, он немного выжидал, а затем брал из миски еще одну ложку с горкой и рассеянно подносил ее ко рту. Всякий раз, когда он набирал такую полную ложку, я думала, что он прольет молоко на подбородок, хотя ничего такого не случалось. И все это делалось машинально.

Мышцы на лице у него напряжены. Даже сейчас. Даже когда он сидит за рулем и ведет машину.

Как я могу запретить себе представлять, что мы с ним будем вместе завтракать и через двадцать,

и через тридцать лет? Будет ли у него каждый день такой же белый налет? Станет ли он хуже? Неужели все, у кого серьезные отношения, думают о такой ерунде? Я наблюдала за тем, как он глотает, как двигается его выступающий кадык, похожий на искривленную персиковую косточку, которую запихнули ему в глотку.

Иногда после еды, обычно после сытной еды, его организм издает звуки, похожие на те, что производит остывающая машина после долгой поездки. Я слышу, как внутри его тела перемещаются жидкости. Чаще всего такое бывает не после завтрака, а после ужина.

Терпеть не могу думать о таких вещах. Они не имеют значения и банальны, но необходимо подумать о них до того, как наши отношения перейдут на новую ступень. Правда, такие мысли меня бесят. Я с ума схожу из-за того, что думаю о таких вещах.

Джейк умен. Вскоре он станет настоящим профессором. Университет заключит с ним бессрочный контракт и все такое. Это приятно. Это делает жизнь хорошей. Он высокий и симпатичный — его неуклюжесть по-своему притягательна. Он привлекательный мизантроп. Именно о таком муже я мечтала, когда была моложе. Джейк мне

подходит по всем пунктам. Только я не уверена в том, что хочу этого, когда наблюдаю за тем, как он ест кашу, и слышу, как в нем переливаются жидкости.

— Как по-твоему, у твоих родителей тоже есть тайны? — спрашиваю я.

— Конечно. Даже не сомневаюсь. По-другому и быть не может.

Самое странное — и это беспримесная ирония судьбы, как сказал бы Джейк, — что я не могу поделиться с ним своими сомнениями. Все мои сомнения имеют отношение к нему, а он — единственный человек на свете, с которым мне неприятно об этом говорить. Я ничего ему не скажу, пока не буду уверена, что все кончено. Не могу. То, над чем я думаю, связано с нами обоими, имеет последствия для нас обоих, однако принять решение я могу только в одиночку. Что там говорят о серьезных отношениях? Еще одно в длинной веренице противоречий начального этапа отношений.

— Почему тебя так интересуют тайны?

— Просто так, — отвечаю я. — Я думаю, и все.

Может быть, надо просто наслаждаться поездкой, а не мудрить, не перегружать голову мыслями. Вылезти из собственной головы. Ра-

доваться; пусть все происходит естественным путем.

Не знаю, что это значит, но часто слышу: «Пусть все происходит естественным путем, пусть все идет как идет». Так часто говорят в связи с серьезными отношениями. Разве не это происходит у нас сейчас? Я позволяю себе задумываться, обдумывать такие мысли. Все естественно. Я не собираюсь подавлять сомнения. Разве это не было бы менее естественным?

Я спрашиваю себя, какие у меня причины для того, чтобы все закончить, — и мне не удается придумать ничего существенного. Но как можно не задаваться таким вопросом, если находишься в серьезных отношениях? Что придает им силу, позволяет продолжаться? Делает их достойными? Главным образом, я просто думаю, что мне будет лучше без Джейка, что так будет разумнее, чем продолжать. Правда, я ни в чем не уверена. Да и как я могу быть уверена? Раньше я еще ни разу не порывала с парнем.

В основном мои прошлые романы напоминали пакеты молока с истекшим сроком годности. Отношения доходят до определенной точки и скисают; хотя от них еще не тошнит, этого достаточно, чтобы заметить перемену во вкусе. Может

быть, вместо того, чтобы думать о Джейке, мне бы задаться вопросом, способна ли я испытывать страсть. Возможно, во всем виновата я сама.

— Я не против холода, мороза, — говорит Джейк. — Лишь бы небо было ясное. Всегда можно закутаться потеплее. Сильный мороз очень бодрит.

— Лето лучше, — говорю я. — Терпеть не могу холода. Но весна начнется через месяц, не меньше. Похоже, месяц будет тянуться целую вечность.

— Как-то летом я видел Венеру без телескопа. — Типичный ответ Джейка. — Это было однажды ночью, перед рассветом. Теперь Венеру нельзя будет увидеть с Земли больше ста лет. Тогда наблюдался очень редкий парад планет; Венера была видна на фоне Солнца в виде крошечной черной точки… Было по-настоящему круто.

— Если бы тогда мы с тобой уже познакомились, ты рассказал бы мне о параде планет. Я ничего не видела.

— В том-то и дело, — говорит он. — Обычно никто не смотрит на небо. Так странно! Можно наблюдать Венеру, а большинство людей смотрели телевизор. Не обижайся, если и ты тоже этим занималась.

Я знаю, что Венера — вторая планета от Солнца. А кроме этого, мне почти ничего о ней не известно.

— Тебе нравится Венера? — спрашиваю я.

— Конечно.

— Почему? Почему она тебе нравится?

— Один день на Венере — все равно что сто пятьдесят земных дней. Ее атмосфера состоит из азота и углекислого газа, а ядро у нее железное. Кроме того, на Венере много вулканов и отвердевшей лавы — она немного похожа на Исландию. Мне следовало бы знать ее орбитальную скорость, но я не помню, а выдумывать не хочу.

— Вот и хорошо! — говорю я.

— Но больше всего мне нравится то, что, если не считать Солнца и Луны, Венера — самое яркое небесное тело. Большинство людей этого не знают.

Мне нравится, когда он ведет такие разговоры. Мне хочется узнать больше.

— Ты всегда интересовался космосом?

— Не знаю, — отвечает он. — Да, наверное. В космосе у всего свое место. Космос — это сущность, да, но вместе с тем он безграничен. Чем дальше движешься, тем меньше плотность, и можно всегда продолжать двигаться. Не суще-

ствует четкой границы между началом и концом. Мы никогда до конца не поймем и не узнаем его. Мы не можем.

— Ты так думаешь?

— Большую часть всей материи составляет темная материя, что по-прежнему загадка.

— Темная материя?

— Она невидима. Доказательством ее существования является ее тяжесть — сила гравитации, которая, словно клей, сохраняет целостность Вселенной. Кроме того, доказательством существования темной материи стало ее гравитационное влияние на другие объекты, в том числе на траектории движения звезд и галактик.

— Я рада, что мы не знаем всего.

— Рада?!

— Что мы не знаем ответов на все вопросы, что мы не можем всего объяснить, как космос. Может быть, нам и не положено знать ответы на все вопросы. Вопросы — это хорошо. Они лучше ответов. Если хочешь больше узнать о жизни, о том, как мы функционируем, как движемся вперед, самое важное — именно вопросы. Вот что стимулирует и укрепляет наш интеллект. По-моему, благодаря вопросам мы не так одиноки и способны чувствовать связь с другими людьми.

И дело не всегда в знании. Хорошо, что я не все знаю. Незнание человечно. Так и должно быть — как космос. Он неразрешим, и он темен, — говорю я, — но не всецело.

В ответ он смеется, и я чувствую себя дурой из-за того, что я сказала.

— Прости, — говорит он, — я смеюсь не над тобой, это просто забавно, раньше я ни разу не слышал, чтобы кто-то так формулировал.

— Но ведь так и есть, да?

— Да. Темен, но не всецело. Все так. И по-моему, это замечательная мысль.

– Я слышал, некоторые помещения, так сказать, подверглись актам вандализма.

– Да, на полу краска, красная краска, и еще протечки. Ты знал, что он накинул цепочку на дверь?

– Почему он сделал это здесь?

– Может быть, для того, чтобы что-то доказать со своей извращенной, эгоистичной точки зрения. Не знаю.

– Он ведь не был похож на вандала?

– Нет, но вот что странно: раньше он рисовал граффити на стенах. Все знали, что рисует он. Его заставали за этим занятием. Он все отрицал, но всякий раз добровольно вызывался стирать

надписи.

– Очень странно.

– Самое странное даже не это.

— А *что?*

– Самое странное, что он всякий раз писал одно и то же. Граффити. Всего одно предложение.

– Какое?

– «Осталось решить только один вопрос».

– «Осталось решить только один вопрос»?

– Да. Именно это он и писал.

– Какой вопрос?

– Понятия не имею.

* * *

— Нам ведь еще ехать и ехать, да?

— Да, еще прилично.

— Как насчет рассказа?

— Рассказа?

— Ну да, чтобы скоротать время, — говорю я. — Я расскажу тебе историю. Историю из жизни. Ты ее никогда еще не слышал. Тебе должно понравиться… Да, по-моему, моя история тебе понравится. — Я немного прикручиваю звук в автомагнитоле.

— Конечно, — говорит он.

— История о том, когда я была моложе… была

подростком.

Я смотрю на него. За столом он часто горбится; видно, что ему не по себе. Кажется, что он слишком велик и для водительского кресла, но осанка у него нормальная. Фигура Джейка нравится мне больше благодаря его уму. Ум и осанка как-то связаны между собой. Во всяком случае, для меня.

— Я готов, — говорит он. — Рассказывай!

Я театрально откашливаюсь.

— Итак… Я укрывала голову газетой. Серьезно. Что? Почему ты улыбаешься? Лило как из ведра. Газету я взяла с пустого сиденья в автобусе. Мне дали очень простые указания: подходишь к дому в десять тридцать, и тебя встретят на дорожке. В звонок звонить не нужно. Ты меня слушаешь, да?

Он кивает, по-прежнему глядя вперед, на дорогу.

— Когда я добралась до нужного места, мне пришлось какое-то время ждать — несколько минут, а не секунд. Когда дверь наконец открылась, из-за нее высунулся мужчина, которого я никогда в жизни не видела. Он посмотрел на небо, а потом сказал, что он, мол, надеется, что я не слишком долго жду. Он протянул мне руку ладонью вверх. Вид у него был измученный, как будто он

несколько дней не спал. Большие темные мешки под глазами. Щетина на щеках и подбородке. Голова растрепана, как будто он только что встал с постели. Я старалась не смотреть на него. Дверь он только приоткрыл — совсем чуть-чуть… Он сказал: «Меня зовут Дуг. Дайте мне минуту, вот ключи», и он бросил ключи, которые попали мне в живот; я схватила их обеими руками. Потом дверь захлопнулась.

Я не двигалась… по крайней мере, вначале. Я просто оцепенела. Что за тип? Я в самом деле ничего о нем не знала. Мы с ним предварительно поговорили по телефону, и все. Я посмотрела на металлическое кольцо с ключами у меня в руках; на брелоке была большая буква «Д».

Я умолкаю и смотрю на Джейка.

— Тебе скучно, — говорю я. — Понимаю, я рассказываю слишком подробно, просто я все помню и хочу, чтобы ты все представил так же ярко, как и я. Тебе странно, что я запомнила столько мелочей? Тебе скучно, потому что я тебе все это рассказываю?

— Ты продолжай. В основном воспоминания — вымысел, к тому же они часто сильно отредактированы. Так что продолжай, и все.

— Не уверена, что согласна с тобой насчет

воспоминаний. Но я понимаю, что ты имеешь в виду, — говорю я.

— Продолжай, — подбадривает он. — Я тебя внимательно слушаю.

— Прошло еще восемь минут — я не меньше двух раз сверялась по часам, — прежде чем Дуг снова вышел из дома. Он с тяжелым вздохом опустился на пассажирское сиденье. Он переоделся в потертые джинсы с дырами на коленях и клетчатую рубашку. Сиденья в машине казались пятнистыми из-за кошачьей шерсти. Повсюду были рыжие кошачьи шерстинки.

— Казались пятнистыми?

— Да, пятнистыми в энной степени. Кроме того, Дуг надел черную бейсболку, сдвинутую на затылок, а впереди белыми наклонными буквами было вышито слово «ядро». Мне показалось, что он больше привык сидеть, чем стоять или ходить… Так как он ничего не говорил, я начала проделывать все то, что делала с отцом. Сдвинула сиденье вперед, трижды поправила зеркало заднего вида, отпустила ручник. Потом положила руки на руль в положении «без десяти два» и выпрямилась…

«Никогда не любил дождь», — произнес Дуг. Вот первое, что он сказал после того, как сел в

машину. Не дал никаких указаний, не спросил, давно ли я учусь водить. «Куда поедем?» — спросила я. «Дождь, — ответил Дуг, — он все портит. По-моему, нам придется его переждать». Без слов, только жестами Дуг велел мне заехать на первую парковку слева от нас, у кофейни.

Он спросил, не хочу ли я чего-нибудь — кофе или чаю, — и я ответила: «Нет, спасибо». Какое-то время мы молча сидели в машине и слушали, как капли дождя барабанят по крыше. Мотор по-прежнему работал, чтобы окошки не запотели, а «дворники» очищали стекло на медленной скорости. «Итак, сколько тебе лет?» — спросил он. Наверное, подумал, что мне семнадцать или восемнадцать. Я ответила, что мне шестнадцать. «Изрядный возраст», — сказал он. Ногти у него напоминали миниатюрные доски для серфинга: длинные, узкие, грязные миниатюрные серфы. А руки скорее подошли бы художнику или писателю, а не инструктору по вождению.

— Если тебе нужно сделать паузу, чтобы проглотить слюну, поморгать или подышать, не стесняйся, — замечает Джейк. — Ты похожа на Мерил Стрип — так же вживаешься в роль.

— Подышу, когда дорасскажу, — отвечаю я. — Он еще раз сказал, что шестнадцать — возраст

изрядный и что возраст — странный, неточный посредник зрелости. Потом открыл бардачок и достал оттуда небольшую книжку. «Я хочу тебе кое-что прочесть, — сказал он, — если ты не против, ведь мы сейчас все равно ждем». Потом спросил, известно ли мне что-нибудь о Юнге. Я ответила: «Вообще-то нет», что было не совсем правдой.

— Твой инструктор по вождению оказался юнгианцем?

— Подожди. Он не сразу нашел нужное место в книге. Откашлялся и прочел: «Смысл моего существования — это тот вопрос, который задает мне жизнь. Или, наоборот, я сам и есть этот вопрос, обращенный к миру, не ответив на него, я останусь с чужими ответами, и это уже буду не я».

— Ты все запомнила?

— Да.

— Как?

— Он подарил мне ту книгу. Я ее сохранила. Она у меня до сих пор где-то лежит. В тот день у него было настроение все раздаривать. Сказал, что опыт полезен не только в вождении, но и вообще во всем. «Опыт важнее возраста, — сказал он. — Нам придется найти способы научиться что-то переживать, потому что именно так мы

учимся, именно так мы познаем».

— Какой странный урок!

— Я спросила, почему ему захотелось стать инструктором по вождению. Он ответил, что не поставил бы такую работу на первое место, но вынужден заниматься ею по практическим причинам. Сказал, что постепенно полюбил сидеть в машине и разговаривать с учениками. Он сказал, что любит загадки. Сказал, что любит учить и вести в метафорическом смысле другого человека и водить и прокладывать маршрут с другим человеком как метафорой. Дуг напомнил мне Чеширского кота из «Алисы в Стране чудес», только он был застенчивый вариант кота.

— Забавно, — говорит Джейк.

— Что?

— Я тоже одно время *увлекался* Юнгом. Чтобы по-настоящему познать себя, мы должны усомниться в себе. Мне всегда нравилась эта мысль. Извини… Продолжай!

— Хорошо. Пока мы ждали, он достал из кармана две карамельки необычного вида. «Держи вот эту. — Он показал на одну из них. — Сохрани ее для еще одного дождливого дня». Вторую карамельку он взял себе и с хрустом развернул блестящую обертку. Потом щелкнул пальцами и

разломил карамельку на две части. Мне протянул ту, что побольше.

— И ты ее съела? — недоумевает Джейк. — Разве ты не удивилась, когда почти незнакомый человек угостил тебя карамелькой? И тебе не было противно, что он ее трогал?

— Я как раз об этом собираюсь рассказать. Да, я немного удивилась. Да, мне стало противно. Но я ее съела.

— Продолжай.

— По вкусу она была ни на что не похожа. Я перекатывала ее во рту языком, стараясь понять, сладкая она или нет. Трудно было даже сказать, вкусная ли она. По словам Дуга, карамельки ему дала одна ученица. Вроде бы она путешествовала по Азии, и там такие конфетки очень популярны. По его словам, его ученице конфетки нравились, хотя он от них не в восторге. Сам он грыз свою половинку, хрустел ею… И вдруг прорезался вкус. Неожиданно пикантный, островатый. Совсем неплохо. Мне даже понравилось. Он сказал: «Ты все еще не знаешь самого интересного… На всех обертках этих конфет напечатано по нескольку строчек на английском. Это пословный перевод, так что смысла в них немного». Он снова достал из кармана обертку и развернул передо мной… Я

прочла вслух то, что было напечатано на внутренней стороне. Даже сейчас я помню каждое слово: «Ты новый человек. Как вкусно невозможно забыть, особенный вкус. Верни обратный вкус». — Я перечитала надпись несколько раз — сначала про себя, потом еще раз вслух. Дуг признался, что время от времени разворачивает карамельки — не для того, чтобы есть их, а потому, что ему нравится читать надписи, размышлять над ними, стараться их понять. Он сказал: «В жизни есть определенные вещи — их немного, — которые на самом деле, реально исцеляют в дождливые дни. Они помогают справиться с одиночеством. Головоломки — они такие. Каждый из нас должен разгадать свою». Никогда не забуду его слова.

— Такое не забудешь. Я бы тоже не забыл.

— К тому времени мы просидели на парковке больше двадцати минут, а водить еще и не начинали. Дуг сказал, что ученица, которая подарила ему карамельки, — уникальная личность. За рулем она была безнадежна — ужасный водитель. Как бы он ей ни помогал, сколько бы раз ни повторял, куда ехать, она не справлялась. По его словам, он сразу, с первого же занятия, понял, что она ни за что не сдаст экзамен на права, что она — худший водитель на свете. Давать ей уроки бес-

смысленно и даже опасно для жизни… Правда, он признался: несмотря ни на что, он с нетерпением ждал уроков с той ученицей. Они с ней часто вели долгие, долгие беседы, оживленные дискуссии. Он рассказывал о том, что читает, и она тоже. Они обменивались опытом. По его словам, она иногда говорила такое, что у него крышу сносило.

— Например? — спрашивает Джейк.

Я сразу понимаю: хотя он сосредоточен на дороге, очень внимательно слушает меня. Он погрузился в мой рассказ больше, чем я от него ожидала.

Звонит мой телефон. Я достаю его из сумки, стоящей на полу у моих ног.

— Кто это? — спрашивает Джейк.

Я вижу на экране собственный номер.

— Всего лишь подруга. Отвечать не обязательно.

— Ну и ладно. Продолжай!

Зачем он снова звонит? Чего хочет?

— Ладно. — Я запихиваю телефон в сумку и возвращаюсь к рассказу. — Ну вот… Однажды, внезапно, эта ученица сказала инструктору по вождению, что она «целуется лучше всех на свете». Сказала с таким видом, будто считала, что он и так это знает. Она была очень в себе уверена; по

его словам, говорила убедительно.

Джейк меняет положение рук на руле, выпрямляет спину. Я слышу, как пикает мой телефон, значит, на мою голосовую почту поступило сообщение.

— Он сказал, что знает: говорить о таком довольно странно. Кажется, он даже извинился и признался, что больше ни с кем такими подробностями не делился. Ученица клялась, что талант дает ей больше власти, чем деньги, ум или еще что-нибудь. То, что она целуется лучше всех на свете, делало ее, по собственным словам, центром Вселенной… Он смотрел на меня, ожидая, что я отвечу или что-нибудь скажу. Я не знала, что сказать. Поэтому произнесла первое, что пришло в голову: для поцелуя нужны двое. Невозможно быть в единственном числе и целоваться лучше всех на свете. Поцелуй — действие, в котором участвуют двое. «Так что, — сказала я, — можно назвать кого-то лучшим, только если второй тоже лучший, а так не бывает… Это не то же самое, что играть на гитаре, например; на гитаре можно играть и в одиночку и знать, что у тебя хорошо получается. Целоваться в одиночку нельзя. Нужно, чтобы лучшими были двое»… Наверное, мой ответ его смутил. Во всяком случае, он расстро-

ился. Ему не понравилась мысль, что в одиночку невозможно целоваться лучше всех на свете, что одному приходится полагаться на способности своего партнера. А потом он сказал: «Тут надо слишком много преодолевать». По его словам, это значит, что нам всегда кто-то нужен. А что, если другого рядом нет? Что, если мы вообще одни? Я не знала, что ответить. Потом он вдруг посуровел, как будто мы с ним спорили. И сказал: «Глупо пережидать дождь». Он велел мне выезжать с парковки направо. Это было так странно. Он показывал, куда ехать, кивками головы. И в основном молчал.

— Любопытно, — замечает Джейк.

— Я почти закончила.

— Продолжай.

— До конца занятия Дуг ерзал на сиденье; мне показалось, что вопросы, связанные с вождением, его не занимают. Он дал мне несколько простейших советов по технике вождения, но в основном смотрел в лобовое стекло. Таким было мое первое и последнее занятие по вождению…

Так как дождь еще шел, он обещал высадить меня возле моего дома, чтобы мне не пришлось ждать автобус. Больше мы почти не разговаривали. Когда доехали до моего дома, я затормозила

и сказала, что дальше буду заниматься с отцом. Он ответил, что это хорошая мысль. Я вылезла из машины и побежала в дом… Примерно через минуту, не дольше, я выбежала на улицу. Дуг так и сидел в машине. Только пересел на водительское сиденье и держал руль обеими руками. Кресло было еще сдвинуто для меня, как и зеркало. Сначала он отодвинул сиденье назад, потом опустил стекла. В то время электроприводы стекол были редкостью… Не дожидаясь, пока стекло опустится до конца, я просунула голову в машину и мягко положила руку ему на левое плечо. Волосы у меня намокли. Я должна была кое-что сделать, кое-что доказать. Я велела ему на секунду закрыть глаза. Мое лицо было совсем рядом с его лицом. Он закрыл глаза и чуть подался ко мне. И тогда…

— Что? Не верю, что ты это сделала! — говорит Джейк. — Что на тебя нашло?

Более оживленным я его никогда не видела. Он ошеломлен и, похоже, злится.

— Сама не знаю. Просто показалось, что я должна это сделать.

— Так не похоже на тебя! Ты его после того раза еще видела?

— Нет, не видела. В том-то и дело.

— Угу, — кивает Джейк. — Значит, для того,

чтобы целоваться лучше всех на свете, нужен второй? Любопытно. Такого рода убеждения остаются в глубине души, о них все время думаешь, и постепенно они завладевают тобой. — Джейк обгоняет еле плетущийся пикап. Пикап черный, старый. Мы уже давно ехали за ним, почти все время, что я рассказываю. Помимо нас, на дороге довольно мало машин.

— Что ты имел в виду, когда говорил, будто в основном воспоминания — вымысел? — спрашиваю я.

— Воспоминание — вещь в себе всякий раз, как ты воскрешаешь его в памяти. Оно не абсолютно. Истории, основанные на действительных событиях, часто имеют больше общего с вымыслом, чем с фактами. И вымысел, и воспоминания можно вызвать в памяти и пересказать. И то и другое — форма историй. С помощью историй мы учимся. Истории — то, как мы понимаем друг друга. Но нечто подлинное случается лишь однажды. — В такие минуты, как сейчас, Джейк больше всего мне нравится. Когда он изрекает фразы вроде: «Нечто подлинное случается лишь однажды». — Довольно странно, если задуматься. Вот мы идем смотреть кино и понимаем, что там все происходит не на самом деле. Мы понимаем,

что актеры играют роли, произносят написанные реплики. И все же кино воздействует на нас.

— По-твоему, не важно, на самом деле произошло то, о чем я только что рассказала, или моя история — вымысел?

— Все истории — вымысел. Даже подлинные.

Еще одна типичная для Джейка сентенция.

— Мне придется подумать о том, что ты сказал.

— Помнишь песню «Незабываемая»?

— Да, — говорю я.

— А на самом деле бывает что-нибудь незабываемое?

— Не знаю. Я не уверена. Хотя песня мне нравится.

— Нет, не бывает. Незабываемого вообще нет.

— Что?

— В том-то и дело. Часть всего всегда можно забыть. Не важно, насколько это хорошо или примечательно. Так буквально должно быть.

— «Вот в чем вопрос»?

— Не надо, — говорит Джейк.

Я не знаю, что ему ответить. Понятия не имею, как реагировать. Довольно долго он молчит. Играет с волосами, наматывает прядь на затылке на указательный палец — он часто так делает, и мне это нравится. А потом, спустя какое-то время,

смотрит на меня.

— Что бы ты сказала, если бы я назвал себя самым умным человеком на свете?

— Что, прости?

— Я серьезно. Кстати, тут прямая связь с твоей историей. Ты ответь.

Мы в пути уже минут пятьдесят, а может, и дольше. За окнами темнеет. В салоне тоже темно, если не считать подсветки приборной панели и радио.

— Что тут скажешь?

— Вот именно. Ты посмеешься надо мной? Назовешь меня лжецом? Рассердишься? Или просто усомнишься в разумности столь дерзкого высказывания?

— Наверное, я скажу: «Что, прости?»

В ответ Джейк смеется. Не хохочет в голос, а просто усмехается, но искренне, на вдохе, очень по-своему.

— Серьезно. Я так считаю. Ты ведь хорошо меня слышала. И как ты ответишь?

— Насчет чего? Что ты самый умный парень на земле?

— Не так. Самый умный человек. Кстати, вовсе не утверждаю, что я такой; просто спрашивал, что бы ты ответила, *если бы я* так сказал. Не то-

ропись.

— Джейк, да ладно тебе!

— Я серьезно.

— Наверное, я бы сказала, что ты несешь полнейшую ахинею.

— Правда?

— Ага. Самый умный человек на земле? Это нелепо по многим причинам.

— Например?

Я поднимаю голову, которая лежала на руках, и оглядываюсь, как будто нас слушает огромный зал. Мимо окон проносятся размытые пятна деревьев.

— Хорошо, позволь задать тебе вопрос. По-твоему, ты самый умный из всех живущих на земле?

— Это не ответ. Это вопрос.

— А мне позволительно ответить в форме вопроса. — Я знаю, что мой ответ тянет на плохую шутку из викторины «Своя игра», но Джейк не понимает. Конечно, он не понимает.

— Почему я не могу быть самым умным человеком на свете? Ответ «это просто безумие» мы не рассматриваем.

— Даже не знаю, с чего начать…

— В том-то и дело. Ты предполагаешь, что такое умозаключение слишком неестественно, чтобы

ему можно было поверить. Ты не можешь допустить, чтобы твой знакомый, обычный парень, который сидит рядом с тобой в машине, был самым умным. А почему?

— Потому что… что ты, собственно, имеешь в виду, называя себя «самым умным»? Ты начитаннее меня? Возможно. А если, например, тебя попросят поставить забор? Или… знаешь ли ты, когда лучше спросить человека, как дела, проявить сочувствие или уметь сосуществовать с другими, общаться с другими людьми? Способность сопереживать — важное свойство интеллекта.

— Конечно, важное, — говорит он. — И все это входит в мой вопрос.

— Отлично. И все-таки… не знаю. То есть… существует ли вообще самый умный человек на свете?

— Наверное, да. Какой алгоритм ни создавай или что бы там, по-твоему, ни составляло ум, кто-то соответствует всем критериям лучше остальных. Кому-то необходимо быть самым умным на свете. А какая это тяжелая ноша! В самом деле, очень тяжелая.

— Какое это имеет значение? Зачем кому-то нужно быть самым умным?

Он склоняется ко мне:

— Самое симпатичное на свете — сочетание уверенности и застенчивости. Если они смешаны в нужных пропорциях. Если слишком много одного или другого, все пропало. Кстати, ты была права.

— Права? Насчет чего?

— Насчет того, кто лучше всех целуется, — говорит он. — Хорошо, что лучше всех целоваться невозможно в одиночку. Совсем не то, что быть самым умным. — Он отшатывается от меня, снова сжимает руль обеими руками.

Я смотрю в окошко.

— И всякий раз, как захочешь устроить соревнование по заборостроению, дай мне знать, — продолжает он.

Он перебил меня, и я не закончила рассказ. Я так и не поцеловала Дуга после нашего занятия. А Джейк решил, что поцеловала. Он решил, что я поцеловала Дуга. Но для поцелуя нужны двое, которые хотят целоваться, иначе будет что-то совсем другое.

Вот как все было на самом деле. К машине-то я действительно вернулась. Просунула голову в окошко и разжала руку. У меня на ладони лежала крошечная мятая обертка от карамельки — той,

что дал мне Дуг. Я развернула ее и прочла: «Мое сердце, одно мое сердце с набегающими волнами песни, жаждет прикоснуться к зеленому миру солнечного дня. Привет!»

Та обертка до сих пор у меня где-то валяется. Я сохранила ее. Сама не знаю почему. Прочитав Дугу вслух слова, я развернулась и убежала в дом. Больше я его не видела.

– У него были ключи. По графику он не должен был здесь находиться, но у него были ключи. Он мог делать все, что хотел.

– Разве в каникулы не должны были заново покрывать полы лаком?

— Да, *но работу проделали в самом начале каникул. Так что к тому времени лак уже наверняка высох. Запах лака бывает довольно резким.*

– Он токсичный?

– Опять-таки я не уверен. Может быть, да, если долго им дышать.

– Нам покажут результаты вскрытия?

– Я узнаю.

– Как он выглядел? Наверное, приятного мало?

– Можешь себе представить.

— Да, могу.

– Сейчас лучше не вдаваться в подробности.

– Я слышал, рядом с телом нашли дыхатель-

ный аппарат — противогаз?

– Да, но старый. Непонятно, функционировал он или нет.

– Мы еще столько всего не знаем о том, что там на самом деле произошло.

– А единственного, кто мог нам рассказать, уже нет.

Джейк заговорил о старении. Я не ожидала такого поворота. На эту тему мы раньше никогда не говорили.

— В нашей культуре старение — одно из понятий, которые понимают неправильно.

— Значит, по-твоему, стареть хорошо?

— Да. Так и есть. Во-первых, старение неизбежно. Оно только кажется негативным процессом из-за нашей всепоглощающей одержимостью юностью.

— Да, знаю. Они все позитивные. А как же твое мальчишеское обаяние? С возрастом все уходит. Ты готов растолстеть и облысеть?

— То, что мы с возрастом теряем в физическом смысле, возмещается тем, что мы приобретаем. Справедливый обмен!

— Да-да, я с тобой, — говорю я. — На самом деле я хочу стать старше. Серьезно, старость меня радует.

— Все время надеюсь, что у меня появятся несколько седых волос. Морщины. Хочу морщинки в уголках рта и глаз. Но, наверное, больше всего остального я хочу быть собой, — говорит он. — Я хочу быть. Быть мной.

— В каком смысле?

— Я хочу понять себя и понять, каким меня видят другие. Хочу, чтобы мне было уютно с самим собой. И не столь существенно, как добиться такого результата, верно? Его можно переносить из одного года в другой. Вот что существенно.

— По-моему, именно поэтому многие так скоропалительно женятся и остаются вместе, хотя им и паршиво, независимо от возраста. Им неуютно наедине с собой.

Я не могу сказать этого Джейку и не говорю, но, возможно, одиночество вообще лучше. Зачем изменять привычный распорядок, который каждый из нас разработал для себя? Понимаю, в создании семьи много хорошего, но лучше ли жить вдвоем, чем в одиночку? Когда я одна, я часто размышляю, способен ли кто-то другой обогатить мою жизнь, осчастливить меня. Но так ли это?

— Ты не против, если я немного приглушу звук? — спрашиваю я и, не дождавшись ответа,

нажимаю кнопку уменьшения громкости. Я уже много раз за поездку выключала музыку; Джейк все время снова ее включает. По-моему, он глуховат. Глухота проявляется не всегда, как и его тики. Иногда они очень заметны, а иногда почти совсем пропадают.

Однажды ночью у меня болела голова. Мы разговаривали по телефону; Джейк собирался приехать ко мне с ночевкой. Я попросила его захватить пару таблеток обезболивающего, эдвила. Я не была уверена, что он запомнит, хотя я и повторила просьбу. Сильные головные боли начались у меня недавно. Я решила, что он забудет. Джейк постоянно все забывает. Наверное, он может служить иллюстрацией типичного рассеянного профессора.

Когда он приехал ко мне, я ни слова не сказала о таблетках. Не хотела, чтобы он переживал из-за того, что забыл их. И он ничего не говорил. По крайней мере, вначале. Мы говорили о чем-то другом — уже не помню о чем, — и он вдруг воскликнул:

— Твои таблетки!

Он сунул руку в карман. Ему пришлось вытянуть ноги, чтобы рука достала до дна. Я молча наблюдала за ним.

— Вот, держи, — сказал Джейк.

Он достал из кармана не просто две таблетки, а протянул мне шарик из бумажного носового платка, аккуратно свернутый и запечатанный клейкой лентой. Его упаковка больше всего напоминала большую конфету «Херши». Внутри лежали мои таблетки. Три штуки. Одна лишняя, на всякий случай. Вдруг понадобится…

— Спасибо, — сказала я.

Пошла в ванную налить воды. Я ничего не сказала Джейку, но для меня было важно, что он упаковал таблетки. То, что он их обернул. Для себя он бы не стал так делать. Его поступок слегка ошарашил меня, заставил многое переосмыслить. В тот вечер я собиралась порвать с ним — может быть. Да, наверное, я бы порвала с ним. Я ничего не планировала заранее. Так могло случиться. Но он завернул мои таблетки в «Клинекс»…

Имеют ли решающее значение такие вот малые дела? Достаточно ли их? Такие поступки повышают нам настроение и позволяют лучше думать о других. Мелочи объединяют. Кажется, что они — все, что надо. От них зависит многое. Они чем-то похожи на религию и Бога. Мы верим в определенные построения, которые помогают нам понять жизнь. Не только понять жизнь, но и

создать определенный уровень комфорта. Мысль о том, что нам будет гораздо лучше, если мы всю жизнь проведем с одним определенным человеком, не свойственна нам по природе, хотя мы и хотим, чтобы было так.

Лишение одиночества, независимости — гораздо более серьезная жертва, чем считают многие. Гораздо труднее делить с кем-то естественную среду обитания, жизнь, чем жить в одиночку. Более того, жизнь в паре многим представляется с трудом. Можно ли найти такого человека, с которым захочется провести всю жизнь? Стареть вместе и вместе меняться… Встречать каждый день, приспосабливаться к его настроениям и потребностям…

Странно, что Джейк заговорил об уме, спросил, что я скажу, если он объявит себя самым умным человеком на свете. Джейк как будто знал, что я все время думаю о том же самом. Я все время думаю о таких вещах. Всегда ли ум — это хорошо? Вот интересно. Что, если ум растрачивается впустую? Что, если ум влечет за собой не удовлетворение, а одиночество? Что, если ум влечет за собой не плодотворность и ясность, а боль, уединение и сожаление? Ум Джейка… Я часто размышляю о нем. И не только сейчас. Я уже

давно об этом думаю.

Вначале его ум привлекал меня, но хорошо ли это для меня в серьезных отношениях? Легче или тяжелее было бы жить вместе не с таким умным человеком? Я имею в виду долгий срок, а не несколько месяцев или лет. Логика и ум никак не связаны с великодушием и способностью сопереживать. Или связаны? Во всяком случае, о его уме речь не идет. Он буквальный, прямолинейный мыслитель-интеллектуал. Способны ли его качества сделать привлекательными совместные тридцать, сорок или пятьдесят лет?

Я поворачиваюсь к нему:

— Я знаю, что ты не любишь говорить о своей работе, но я еще ни разу не видела твоей лаборатории. Какая она?

— Что ты имеешь в виду?

— Мне трудно представить себе место, где ты работаешь.

— Представь себе лабораторию. Примерно такая она и есть.

— Там пахнет химикатами? Там много народу?

— Не знаю. Наверное, да… обычно да.

— Сотрудники тебе не мешают? Не отвлекают, позволяют сосредоточиться?

— Обычно не мешают. Время от времени все

равно приходится отвлекаться, когда, например, кто-нибудь разговаривает по телефону или смеется. Однажды пришлось даже шикнуть на коллегу. Это совсем не забавно.

— Я знаю, какой ты бываешь, когда сосредоточен.

— Когда я о чем-то думаю, мне не хочется слышать даже тиканье часов.

В машине пахнет пылью или просто плохо работает вентилятор. В общем, почему-то у меня как будто пересыхают глаза. Я поворачиваю вентилятор, направляю струю на пол.

— Устрой мне виртуальную экскурсию.

— По лаборатории?

— Да.

— Сейчас?

— Можно же говорить и одновременно вести машину. Что бы ты мне показал, если бы я пришла к тебе на работу?

Какое-то время он молчит. Смотрит прямо перед собой, в лобовое стекло.

— Во-первых, я показал бы тебе кабинет кристаллографии белков. — Говоря, он не смотрит на меня.

— Ну да, — киваю я. — Отлично…

Мне известно, что он работает с кристаллами

льда и белками. Но больше ничего. Я знаю, что он учится в аспирантуре и пишет диссертацию.

— Я показал бы тебе двух роботов, которых мы используем для кристаллизации. Они работают с субмикронными размерами труднополучаемых рекомбинантных белков.

— Вот видишь, — говорю я, — мне приятно тебя слушать.

Мне в самом деле приятно.

— Возможно, тебя заинтересует кабинет с микроскопом, в котором находится основа для нашей TIRF-микроскопии или трехцветной флуоресцентной микроскопии полного внутреннего отражения, а также конфокальный микроскоп, который позволяет с точностью до нанометра отследить помеченные молекулы — как в искусственных, так и в естественных условиях.

— Продолжай.

— Я показал бы тебе инкубаторы, в которых поддерживается постоянная температура, — там мы выращиваем культуры дрожжей и кишечной палочки в больших количествах, больше двадцати литров. Эти культуры были созданы с применением генной инженерии, чтобы сверхэкспрессировать нужный нам белок…

Пока он говорит, я разглядываю его лицо, шею,

руки. Ничего не могу с собой поделать.

— Я показал бы тебе два прибора — хроматограф низкого давления АКТА, который позволяет очищать любой белок быстро и точно, применяя любую комбинацию очистки, ионного обмена, — и гельпроникающую хроматографию.

Хочу поцеловать его, хотя он и за рулем.

— Я показал бы тебе «комнату тканевых культур», где мы выращиваем и содержим различные колонии клеток млекопитающих либо для трансфекции специфических генов, либо для выращивания клеточного лизата… — Он умолкает.

— Продолжай, — говорю я. — А потом?

— А потом мне бы показалось, что ты заскучала и хочешь уйти.

Вот сейчас я могла бы ему кое-что сказать. В машине мы одни. Лучшего времени не придумаешь. Я могла бы сказать, что все время думаю о наших отношениях в контексте только себя и того, что они означают лично для меня. Еще можно спросить, имеет ли это какое-то значение, потому что отношения невозможно рассматривать разрезанными пополам. Или я могла бы с полной откровенностью заявить: «Я думаю, как все закончить». Но я ничего не говорю. Ничего из того, о чем думаю.

Может быть, встреча с его родителями, возможность понять, откуда он родом, где он рос, поможет мне решить, как поступить.

— Спасибо, — говорю я, — за экскурсию. — Я наблюдаю за тем, как он ведет машину. Смотрю на его спутанные, слегка вьющиеся волосы. На его до тошноты идеальную осанку. И вспоминаю три крошечные таблетки. Такие поступки все меняют. Так мило с его стороны было завернуть их для меня.

Мы были знакомы всего недели две, когда Джейк уехал из города на две ночи. После знакомства мы с Джейком виделись или разговаривали почти каждый день. Он мне звонил. Я писала эсэмэски. Потом я узнала, что сам он терпеть не может писать текстовые сообщения. Пошлет одну эсэмэску, в лучшем случае две. Если разговор углублялся, он звонил. Он любит говорить и слушать. Он высоко ценит дискурс.

Странно было снова оказаться совсем одной те два дня, пока его не было. Конечно, я привыкла к одиночеству, но оно было раньше, а после знакомства с ним казалось недостаточным. Я скучала по нему. Скучала по совместному существованию. Знаю, это банально, но мне казалось, будто уехала какая-то часть меня.

Постепенно узнавая кого-то, мы как будто складываем из кусочков нескончаемый пазл. Сначала соединяем самые мелкие кусочки и в процессе лучше узнаем друг друга. Подробности, которые я знаю о Джейке, — что он любит хорошо прожаренное мясо, что не любит ходить в общественные туалеты, что терпеть не может, когда люди после еды ковыряются ногтем в зубах, — самые обыкновенные и несущественные по сравнению с огромными истинами, которые раскрываются лишь с течением времени. Проведя столько времени в одиночестве, я начала думать, будто хорошо знаю Джейка — по-настоящему хорошо. Если постоянно с кем-то встречаешься, пусть даже всего две недели, как встречались мы с Джейком, отношения кажутся… прочными. Они и были прочными. Я думала о нем все время в ту первую пару недель, даже когда мы не были вместе. Мы часто вели долгие разговоры, сидя на полу, лежа на диване или в постели. Бывало, мы говорили часами. Один из нас заговаривал на ту или иную тему, другой подхватывал. Мы задавали друг другу вопросы. Мы обсуждали что-то, дискутировали. И не обязательно все время соглашались друг с другом. Однажды мы всю ночь не спали, а разговаривали. Джейк отличался от всех

моих знакомых. Наша связь была уникальной. Она уникальная, единственная в своем роде. Я до сих пор так думаю.

— Стараемся восстановить критическое равновесие, — говорит Джейк. — Вот о чем мы последнее время думаем на работе. Критическое равновесие необходимо для всего. Позавчера я думал об этом в постели. Все так… хрупко. Взять, к примеру, метаболический алкалоз — незначительное увеличение кислотно-щелочного баланса крови, нарушение кислотно-щелочного равновесия организма. Все просто… и вместе с тем крайне тонко. Вот лишь один пример, однако он имеет решающее значение. И подобных вещей много. Все невозможно хрупко.

— Да, многое хрупко, — говорю я. Как все, о чем я думаю.

— Иногда через меня как будто пропускают ток. Во мне появляется энергия. И в тебе. Такое полезно сознавать. Ты что-нибудь понимаешь? Извини, похоже, я заболтался.

Я сбрасываю туфли и задираю ноги на приборную панель. Поудобнее разваливаюсь в кресле. Кажется, я вот-вот задремлю. Шуршание шин, движение… В поездках мне всегда хочется спать.

— Что ты имеешь в виду, когда говоришь

«ток»? — спрашиваю я, закрывая глаза.

— Просто мне так кажется, когда мы с тобой, — отвечает он. — Своеобразная скорость потока.

— У тебя когда-нибудь бывает депрессия или что-то в этом роде? — спрашиваю я.

Мы только что повернули, что кажется мне важным. Довольно долго мы ехали по шоссе, а потом повернули налево — не у светофора, а у знака остановки. Светофоров здесь вообще нет.

— Извини, если мой вопрос звучит неожиданно. Я просто размышляю.

— О чем?

В течение многих лет моя жизнь была плоской. Понятия не имею, как ее лучше описать. Раньше я никогда в таком не признавалась. У меня нет депрессии — во всяком случае, мне так кажется. И говорю сейчас о другом. Раньше моя жизнь была плоской в том смысле, что мне было все равно. Многое казалось случайным, ненужным, произвольным. Моей жизни не хватало объема. Видимо, чего-то недоставало.

— Иногда мне грустно без всякой очевидной причины, — говорю я. — С тобой так бывает?

— По-моему, нет, — говорит он. — Хотя в детстве я часто тревожился.

— Тревожился?

— Да, из-за разных мелочей. Бывало, меня пугали какие-то люди, незнакомцы. Я плохо спал. У меня болел живот.

— Сколько тебе тогда было лет?

— Мало. Восемь или девять. Когда становилось плохо, мама давала мне, как она говорила, «детский чай»; наверное, он состоял в основном из молока с сахаром. Потом мы с ней сидели и разговаривали.

— О чем?

— Обычно о том, что меня тревожило.

— Ты помнишь что-нибудь конкретное?

— Я никогда не боялся умереть сам, зато боялся, что умрут мои близкие. В основном мои страхи были абстрактными. Какое-то время я боялся, что у меня отвалится рука или нога.

— Правда?

— Да, родители разводили на ферме овец, ягнят. Через день или два после рождения ягненка отец обматывал его хвост специальными резиновыми жгутами. Они очень тугие и перекрывают кровоток. Через несколько дней хвостик просто отваливался. Ягнятам не больно; они даже не понимают, что с ними происходит. И вот в детстве, гуляя в поле, я очень часто натыкался на отпавшие хвостики. Я невольно думал, не слу-

чится ли то же самое со мной. Что, если рукава рубашки или носки окажутся слишком тугими? А что, если я засну в носках, проснусь среди ночи, а нога отвалилась? Конечно, я думал и о более важных вещах. Например: неужели ягнятам не нужны хвосты? Или: сколько от тебя может отвалиться до того, как будет утеряно что-то важное? Понимаешь?

— Понимаю, что такие мысли способны выбить из колеи.

— Извини. Я очень подробно ответил на твой вопрос. Итак, к теме. Наверное, у меня нет депрессии.

— А грустно тебе бывает?

— Да, конечно.

— Почему так… как можно отличить одно от другого?

— Депрессия — это серьезная болезнь. Она причиняет физическую боль и истощает. Невозможно просто взять и победить депрессию, преодолеть ее, как невозможно просто взять и победить рак. А грусть — это нормальное человеческое состояние, такое же, как радость. Радость ведь не назовешь болезнью! Радость и грусть нужны друг другу. Не бывает одного без другого, понимаешь?

— Похоже, в наши дни большинство людей если не депрессивны, то несчастны. Ты со мной согласен?

— Не уверен, что я бы выразился именно так. Правда, сейчас гораздо больше размышляют о грусти и собственной недостаточности или неадекватности; кроме того, сейчас кажется, что все ощущают на себе давление из-за необходимости постоянно быть счастливым. Что невозможно.

— Вот и я о том же. Мы живем в грустное время, что мне непонятно. Почему так? Разве сейчас вокруг больше несчастных людей, чем раньше?

— В университете есть много студентов и преподавателей, для которых главная повседневная забота — учти, я не преувеличиваю — заключается в том, как сжечь нужное количество калорий для их конкретного организма на основе диеты и физических упражнений. Подумай об этом в контексте истории человечества, и ты поймешь, что грусть бывает разной. Что-то случилось в последнее время с системой ценностей. Произошел какой-то нравственный сдвиг. Может быть, всем недостает сострадания? Интереса к другим? Может быть, люди уже не так стремятся к общению? Все взаимосвязано. Как нам достичь

чувства значимости и цели, не ощущая связи с чем-то большим, чем наша жизнь? Чем чаще я об этом думаю, тем чаще мне кажется, что счастье и удовлетворение зависят от присутствия других, пусть даже одного другого человека. Так же как грусть требует радости и наоборот. В одиночку…

— Я понимаю, о чем ты, — перебиваю его я.

— Есть старый пример, который часто приводят на лекциях по философии для первокурсников. Он посвящен контексту. Примерно так: у Тодда в комнате маленькое растение с красными листьями. Он решает, что ему не нравится, как выглядит растение, и хочет, чтобы его растение было похоже на другие растения, которые есть у него дома. Поэтому он тщательно раскрашивает все листья в зеленый цвет. После того как краска высыхает, невозможно понять, что растение раскрасили. Оно кажется зеленым. Ты меня слушаешь?

— Да.

— На следующий день ему звонит подруга — она биолог — и спрашивает, может ли он на время дать ей зеленое растение для каких-то опытов. Он отвечает отказом. На следующий день еще одна подруга, художница, спрашивает, нет ли у него зеленого растения, которое она могла бы нарисовать. И он отвечает: «Да». Один и тот

же вопрос был задан дважды, но он дал на него противоположные ответы, причем оба раза был честен.

— Понимаю, о чем ты.

Мы снова поворачиваем, на сей раз на перекрестке.

— Мне кажется, что в контексте жизни, существования людей, отношений и работы может быть один верный ответ: испытывать грусть. Он правдив. Оба ответа верны. Чем больше мы твердим себе, что всегда должны быть счастливы, что счастье — самоцель, тем хуже все становится. И кстати, моя мысль не слишком оригинальна. Знаешь, сейчас я вовсе не пытаюсь блеснуть умом. Мы с тобой ведь просто разговариваем.

— Мы общаемся, — говорю я. — Мы думаем.

Тишину нарушает мой телефон; он звонит у меня в сумке. Опять.

— Извини, — говорю я, доставая телефон. На экране мой номер. — Снова та подруга.

— Может, сейчас ответишь?

— Мне как-то не хочется с ней разговаривать. Рано или поздно она перестанет мне названивать. Уверена, у нее ничего не случилось.

Я кладу телефон в сумку, но снова достаю, услышав сигнал о поступившем сообщении. Новых

сообщений два. Хорошо, что музыка снова включена на полную громкость. Не хочу, чтобы Джейк слушал сообщения. Правда, в первом сообщении Абонент ничего не говорит. Я слышу только звуки, скрипы, шум льющейся воды. Во втором сообщении вода шумит громче, и я слышу, как он ходит: шаги, потом снова скрип, как будто закрывают дверь. Это он. По-другому и быть не может.

— Что-нибудь срочное? — спрашивает Джейк.

— Нет. — Надеюсь, что я говорю небрежно, но меня обдает жаром.

Мне придется разбираться с этим, когда мы вернемся — рассказать об Абоненте кому-нибудь, кому угодно. Но сейчас, если я что-нибудь расскажу Джейку, мне придется признаться, что солгала ему. Так больше не может продолжаться. Не может! Вода все льется. Сама не знаю, зачем он так со мной поступает.

— В самом деле? Ничего срочного? Два звонка подряд, даже не эсэмэски. Мне кажется, там что-то важное.

— Некоторые люди склонны драматизировать, — пожимаю плечами я. — Поговорю с ней завтра. Все равно мой телефон вот-вот сядет.

Кажется, до меня Джейк встречался с аспиранткой с другого факультета. Время от времени она

попадается мне на глаза. Она красивая блондинка со спортивной фигурой. Бегунья. Он точно с ней встречался. По его словам, они остались друзьями. Неблизкими друзьями. Они не проводят время вместе. Но он признался, что за неделю до того, как мы с ним познакомились в пабе, они вместе пили кофе. Наверное, кое-кому покажется, что я ревную. Но я не ревную. Мне просто любопытно. Кроме того, я не люблю бегать.

Странно, но мне хотелось бы с ней поговорить. Выпить вместе чаю и расспросить ее о Джейке. Мне хотелось бы узнать, почему они начали встречаться. Что именно в нем привлекло ее? Мне хотелось бы знать, почему их отношения закончились. Кто все прекратил — она или Джейк? Если она, то долго ли думала перед тем, как все закончить? Разве не разумная мысль — поболтать с бывшей подружкой нового приятеля?

Иногда я спрашиваю его о ней. Он отвечает сдержанно. Почти ничего не говорит. Только признался, что их отношения не были долгими или очень серьезными. Вот почему мне нужно поговорить еще и с ней. Чтобы услышать ее версию случившегося.

Мы одни в машине в безлюдном месте. По-моему, сейчас самое подходящее время…

— Как же у вас все закончилось? — говорю я. — Я имею в виду — у тебя и твоей прежней подружки.

— Все и не начиналось по-настоящему, — отвечает он. — Все было неглубоким и временным.

— Но вначале ты так не думал.

— Ни в начале, ни в конце.

— Почему ваши отношения не затянулись?

— Потому что они были ненастоящими.

— Откуда ты знаешь?

— Такое всегда знаешь, — говорит он.

— Но откуда мы знаем, когда отношения становятся настоящими?

— Ты спрашиваешь в общем или конкретно о тех отношениях?

— О тех.

— У нас не было зависимости. Зависимость равняется серьезности.

— Вот тут позволь с тобой не согласиться, — говорю я. — Что значит «настоящее»? И как ты понимаешь, «настоящее» у вас или нет?

— А что такое «настоящее»? — спрашивает он. — Настоящее — когда есть ставки, когда что-то поставлено на карту.

Какое-то время мы молчим.

— Помнишь, я рассказывала тебе о женщине,

которая живет в доме напротив? — спрашиваю я.

По-моему, мы приближаемся к ферме. Джейк ничего не говорит, но мы в пути уже давно. Около двух часов.

— О ком?

— О пожилой женщине, которая живет напротив. Помнишь?

— Кажется, помню… да, — уклончиво отвечает он.

— Она рассказывала, как они с мужем перестали спать вместе.

— Хм…

— Я не имею в виду — заниматься сексом. Они перестали спать по ночам в одной постели. Оба решили, что крепкий сон важнее всех преимуществ сна в одной постели. Каждому захотелось получить свое спальное пространство. Им не хотелось слушать, как другой храпит, или чувствовать, как он переворачивается. Она сказала, что муж у нее страшный храпун.

По-моему, это очень грустно.

— Наверное, разумно, если твой партнер храпит, спать раздельно.

— Ты так думаешь? Мы почти полжизни проводим во сне.

— Ну да, вот почему так важно подобрать для себя оптимальный режим сна. Так тоже можно — вот и все, что я думаю.

— Но ведь вместе не только спят! В одной постели чувствуешь другого.

— В одной постели только спят, — настаивает он.

— В одной постели не только спят, — возражаю я. — Даже когда люди спят!

— Ты меня не поняла.

Джейк включает левый поворотник. Дорога, на которую мы свернули, гораздо уже. Определенно не скоростное шоссе. Скорее, это проселочная дорога.

— Разве ты не чувствуешь меня, когда мы спим?

— Не знаю. Я ведь сплю.

— А я тебя чувствую. Я знаю, что ты рядом.

Две ночи назад мне не спалось. В очередной раз не спалось. Я слишком много думаю — на протяжении нескольких недель. Джейк спал у меня третью ночь подряд. Спать рядом с кем-то… Джейк спал крепко, не храпел, но его дыхание было очень близко. Совсем рядом.

Мне хочется, чтобы кто-нибудь узнал меня. По-настоящему узнал. Узнал меня лучше, чем кого-то

другого и, может быть, даже меня самой. Разве мы не поэтому начинаем с кем-то встречаться? Не ради секса. Если бы дело было только в сексе, мы бы не создавали семью с кем-то одним. Мы бы все время искали новых партнеров.

Да, знаю, мы принимаем на себя определенные обязательства по многим причинам, но, чем больше я обо всем думаю, тем больше мне кажется, что долгие отношения предназначены для того, чтобы кого-то узнать. Я хочу, чтобы кто-то узнал меня, по-настоящему узнал — как будто проник ко мне в голову. Интересно, на что это похоже? Иметь доступ в чью-то голову, знать, как там все устроено. Полагаться на другого и позволить другому полностью полагаться на тебя. Речь не идет о чисто биологической связи, вроде связи детей и родителей. Такого рода отношения избирательны. Это наверняка что-то круче, труднодостижимее, чем связь, построенная на биологии и общей генетике.

Наверное, в этом дело. Может быть, именно так мы понимаем, когда отношения настоящие. Когда кто-то, кто раньше не был связан с нами, узнает нас так, как нам раньше не казалось возможным.

Мне это нравится.

В ту ночь в постели я смотрела на Джейка. Он выглядел по-детски решительным. Казался моложе. Во сне стресс и напряжение прячутся. Он никогда не скрипит зубами. У него не дрожат веки. Обычно он спит очень крепко. Когда спит, он кажется другим человеком.

Днем, когда Джейк бодрствует, в нем всегда заметна подспудная энергия, сила, которая бурлит в нем. Он то и дело дергается, у него бывают тики.

Но разве в одиночестве мы не ближе к себе настоящим? В одиночестве мы ни к кому не привязаны, не растворяемся в обществе других, не разделяем их суждения… Все мы так или иначе связаны с другими: друзьями, родными. Это хорошо. Такие отношения не меняют нас так, как любовь. Можно, конечно, ненадолго заводить любовников. Но только когда мы одни, мы можем сосредоточиться на себе, познать себя. Как можно познать себя без такого одиночества? И не только когда мы спим.

Скорее всего, у нас с Джейком ничего не получится. И прекратить все, скорее всего, придется мне. Просто невероятно, до чего многие стараются выстоять, терпят отношения, взваливают на себя обязательства и считают, что в конце концов у них все сложится. Джейк — неплохой парень.

Он идеально мне подходит. Вопреки статистике, согласно которой большинство браков заканчиваются разводами, многие по-прежнему считают семью нормальным человеческим состоянием. Многие хотят жениться или выйти замуж. Есть ли еще что-нибудь, что люди делают в таких огромных количествах и с такой низкой долей успешных попыток?

Однажды Джейк признался, что держит на рабочем столе в лаборатории свою фотографию. По его словам, это единственная фотография на его рабочем столе. На снимке он сам в пятилетием возрасте. В пять лет у него были кудрявые светлые волосы и пухлые щеки. Неужели он когда-то был пухлощеким? Джейк сказал, что фото ему нравится, потому что на нем он сам, хотя теперь он внешне совершенно другой, не такой, как ребенок на снимке. Он имеет в виду не только то, что теперь выглядит по-другому. С тех пор как его снимали, все клетки, запечатленные на снимке, умерли, отпали и заменились новыми клетками. Теперь он в буквальном смысле другой человек. Где же последовательность? Как он до сих пор сознает, что был маленьким, если с физической точки зрения он совершенно другой? Наверное, в ответ он начнет разглагольствовать о своих

любимых белках.

Наша телесная оболочка, наша, так сказать, физическая структура меняется и воспроизводится точно так же, как отношения. Она устает, увядает, стареет, истощается. Иногда мы болеем и выздоравливаем, а иногда болеем и умираем. Мы не знаем, когда, как и почему все происходит. Просто живем дальше. Что лучше — объединяться в пары или жить поодиночке?

Три ночи назад Джейк крепко спал, а я ждала, когда сквозь щели в жалюзи начнет проникать свет. В такие ночи, как тогда, а в последнее время бывает много ночей, когда мне не спится, я жалею, что рассудок невозможно выключить, как лампочку. Жаль, что я не могу выключить себя, как компьютер. Я давно уже не смотрела на часы. Я лежала, думала и жалела, что не могу спать, как все остальные.

— Почти приехали, — говорит Джейк. — Еще пять минут.

Я выпрямляюсь, потягиваюсь. Зеваю.

— А мне показалось, мы быстро доехали, — говорю я. — Спасибо, что пригласил меня.

— Спасибо, что согласилась со мной поехать, — отвечает он и вдруг говорит: — А еще ты понимаешь, что все по-настоящему, когда боишься

что-то потерять.

– Тело нашли в стенном шкафу.

– В самом деле?

– Да. В маленьком стенном шкафу. Там достаточно места, чтобы вешать рубашки и куртки, хранить кое-какую обувь, — вот и все. Он был скрючен. Дверь закрыта.

– От этого становится грустно… и еще я злюсь.

– Почему он не обратился к кому-нибудь, да? Он мог с кем-нибудь поговорить. У него ведь были сотрудники. Не похоже, чтобы вокруг него не было других людей. Рядом с ним все время кто-то находился.

– Понимаю. Все не должно было закончиться вот так.

– Конечно нет.

– Что нам известно о его прошлом?

– Немного. Он был умным, начитанным. Много знал. Раньше он был, кажется, ученым, даже защитил докторскую диссертацию… Но в конце концов очутился здесь.

– Он не был женат?

– Нет, он не был женат. Ни жены, ни детей. Никого. В наши дни редко бывает, что человек живет вот так, совершенно один.

* * *

Мы долго и медленно поднимаемся в гору по аллее, ведущей на ферму; дорога вся в рытвинах. По обе стороны деревья. Примерно минуту нас трясет и подбрасывает. Из-под колес летят земля и гравий.

Дом в конце аллеи сложен из камня. Издали он не кажется огромным. С одной стороны деревянная терраса с перилами. Мы паркуемся справа от дома. Других машин поблизости не видно. Разве у его родителей нет машины? Вижу свет в одном окне — по словам Джейка, там кухня. В остальных окнах темно.

Должно быть, в доме дровяная печь, потому что, едва выйдя из машины, я чувствую запах гари. Наверное, когда-нибудь здесь было очень красиво, но сейчас дом немного обветшал. Не мешало бы освежить подоконники и наличники. Крыльцо подгнило. Качалка на веранде заржавела.

— Я пока не хочу заходить внутрь, — говорит Джейк.

А я уже сделала несколько шагов в сторону дома. Останавливаюсь и оборачиваюсь к нему.

— Насиделся в машине. Давай сначала прогуляемся.

— А не слишком ли темно для прогулок? Мы сейчас ничего не увидим.

— Хотя бы воздухом подышим, — говорит он. — Ночь сегодня беззвездная, но летом, в ясную погоду, звезды здесь невероятные. В три раза ярче, чем в городе. Как же я раньше их любил! И облака. Помню, выходил дождливыми вечерами, а над головой плыли огромные пухлые облака. Мне нравилось смотреть, как медленно и плавно они плывут по небу, до чего все они разные. Наверное, глупо стоять и смотреть на облака. Жаль, что сейчас их не видно.

— Совсем не глупо, — возражаю я. — Вовсе нет! Как мило, что ты замечал такие вещи. Большинство людей не обращает на них внимания.

— А я раньше всегда обращал внимание на такие вещи. И на деревья тоже. Сейчас уже не так… Не знаю, когда все изменилось. Во всяком случае, понимаешь, что ужасно холодно, когда снег вот так хрустит под ногами. Он не рыхлый и влажный, из него не налепишь снежков, — говорит Джейк.

Он идет впереди. Жаль, что он без перчаток; руки у него уже покраснели. Дойдя до сарая, мы сходим с аллеи и поворачиваем на дорожку, мощенную камнем, — она неровная и осыпается.

Я радуюсь свежему воздуху, но здесь холодно; ничего свежего или хрустящего. У меня застыли ноги. Я думала, что ему захочется сразу же войти в дом и поздороваться с родителями. Именно этого я от него ожидала. На мне нет теплых штанов. И длинных панталон тоже. Джейк устраивает для меня, как он говорит, «сокращенную экскурсию».

Странно осматривать участок в морозную ночь. Я понимаю: он очень хочет, чтобы я все увидела. Показывает яблоневый сад, место, где летом разбивают огород. Мы подходим к старому амбару.

— Там овцы, — говорит он. — Наверное, час назад отец насыпал им зерна.

Он подводит меня к широкой двери, которая открывается сверху. Мы входим. Свет тусклый, но я различаю силуэты. Почти все овцы лежат. Некоторые жуют. Я это слышу. Овцы кажутся безжизненными, обездвиженными холодом; вокруг них поднимаются облачка пара от дыхания. Они равнодушно смотрят на нас. В овчарне тонкие фанерные стены и кедровые столбы. Крыша из рифленого железа или, может, алюминия. В нескольких местах стены потрескались или в них дыры. В таком месте не хочется задерживаться.

Овчарня совсем не такая, как я себе представляла. Конечно, Джейку я ничего не говорю. Мне

кажется, что здесь ужасно. И воняет.

— Это их жвачка, — говорит Джейк. — Они всегда так делают. Всегда жуют.

— Что такое жвачка?

— Полупереваренная пища; они отрыгивают ее, а потом жуют, как резинку. Время от времени попадаются куски непрожеванной пищи… а в общем, ночью в овчарне не на что смотреть.

Замолчав, Джейк выводит меня из овчарни. Кое-что не нравится мне даже больше, чем жвачка и постоянное жевание. К стене снаружи прислонены два скелета. Два скелета, покрытые шерстью.

Вялые и безжизненные, скелеты стоят у стенки. Такого я совсем не ожидала увидеть. Нет ни крови, ни внутренностей, ни мух, ни запаха, ничего, намекающего на то, что когда-то скелеты были живыми существами; нет признаков разложения. С таким же успехом они могли быть сделаны не из органического материала, а из синтетики.

Меня тянет рассмотреть их, но одновременно хочется отойти подальше. Я никогда еще не видела мертвых ягнят — только на тарелке, с чесноком и розмарином. Мне кажется, может быть, впервые, что есть разные степени смерти. Как есть разные степени всего: жизни, влюбленности,

обязательств, уверенности. Этим ягнятам пришлось несладко. Они не сдались и не больны. Они не думают о том, чтобы сдаться. Эти бесхвостые ягнята мертвы, мертвы в последней степени, в десятой степени из десяти возможных…

— Что будет с ягнятами? — кричу я Джейку.

Он идет впереди, удаляясь от сарая. Сразу вижу, что он голоден; он спешит, ему не терпится поскорее попасть в дом. Ветер усиливается.

— Что? — также кричит он, оборачиваясь через плечо. — Имеешь в виду — с мертвыми? — Да.

Джейк не отвечает. Идет дальше.

Я не знаю, почему он ничего не сказал о мертвых ягнятах? Ведь это я их увидела. Я предпочла бы их не заметить, но, раз уж увидела, не могу молчать.

— С ними что-нибудь сделают? — спрашиваю я.

— Не знаю. Что ты имеешь в виду? Они уже мертвые.

— Они останутся здесь, их похоронят, или что?

— Скорее всего, сожгут. На костре. Не сейчас, а весной, когда потеплеет. — Джейк продолжает на ходу: — А сейчас они все равно замерзли. По виду они мало чем отличались от тех ягнят, которые живы и здоровы, — во всяком случае, для меня.

Но те два ягненка мертвы. Они во многом похожи на живых и здоровых ягнят, но в то же время сильно отличаются от них.

Чтобы догнать его, мне приходится почти бежать по дорожке. При этом я стараюсь не поскользнуться и не упасть. Мы так далеко отошли от овчарни, что, обернувшись, я вижу не два скелета, а какую-то темную массу. Как будто к стенке прислонили мешки с зерном.

— Пошли! — зовет он. — Я покажу тебе старый загон, где раньше держали свиней. Теперь родители свиней не разводят: с ними было слишком много хлопот.

Я бреду за ним по дорожке. Джейк вдруг останавливается. Загон выглядит заброшенным; похоже, к нему несколько лет не прикасались. Так мне кажется. Свиней нет, но ограда осталась.

— Что же случилось со свиньями?

— Последние две состарились и почти не ходили, — говорит он. — Их пришлось прирезать.

— И родители больше не заводили ни взрослых свиней, ни маленьких поросят? Как обычно бывает?

— Ну да. Но, по-моему, они их так и не заменили. Со свиньями много хлопот, да и содержать их дорого.

Понимаю, что лучше промолчать, и все же мне любопытно:

— Почему им пришлось прирезать свиней?

— Так случается на ферме. Это не всегда приятно.

— Да, но… они что, заболели?

Он оборачивается и смотрит на меня:

— Забудь об этом. Не думаю, что правда тебе понравится.

— Нет, скажи! Мне нужно знать.

— Иногда на такой отдаленной ферме приходится тяжело. Здесь нужно много работать. Мои родители несколько дней не заходили в свинарник, чтобы осмотреть свиней, — просто бросали им корм снаружи, и все. Свиньи день за днем лежали в одном и том же углу, и через какое-то время отец решил, что надо взглянуть на них внимательнее. Он вошел и сразу понял, что вид у свиней нездоровый. Им явно было плохо… Отец решил их передвинуть. Он стал поднимать первую свинью. Чуть не надорвался, но все-таки перевернул ее. И увидел, что живот у нее кишит личинками. Их были тысячи. Как будто вся нижняя часть свиньи покрыта движущимся рисом. У второй дела были еще хуже, чем у первой. Обеих свиней буквально пожирали заживо. А ведь и

не догадаешься, если смотреть на них издали. На расстоянии казалось, что они всем довольны и просто отдыхают. Вблизи же все было совсем по-другому. Я тебе говорил: жизнь на ферме не всегда приятна.

— Ужас какой.

— Свиньи были старыми, возможно, у них ослаб иммунитет. Они подцепили какую-то инфекцию и гнили заживо. В конце концов, свиньи живут в грязи. Возможно, все началось с небольшой царапины у одной из них; рану облепили мухи… В общем, отец вынужден был прирезать свиней. Другого выхода у него не оставалось.

Джейк ведет нас вперед; снег хрустит под ногами. Я стараюсь ступать в его следы — там снег немного примят.

— Бедные создания, — говорю я. Но я понимаю. В самом деле. Их необходимо было прирезать и избавить от страданий. Такие страдания невыносимы. Даже если решение становится роковым. Два ягненка. Свиньи… Наверное, кое-что в самом деле необратимо. Возврата нет. Может быть, им повезло встретить такой конец после всего, что пришлось перенести. Их, по крайней мере, освободили от части страданий.

В отличие от замерзших ягнят в образе сви-

ней, который благодаря Джейку поселился в моем сознании, нет ничего успокоительного или человечного. Я невольно задумываюсь: что, если страдание не заканчивается со смертью? Откуда нам знать? Что, если оно не утихает? Что, если смерть — не выход? Что, если личинки продолжают питаться, питаться, питаться и их по-прежнему чувствуешь? Такая перспектива меня пугает.

— Ты должна посмотреть кур, — говорит Джейк.

Мы подходим к курятнику. Джейк отодвигает засов, и мы, пригнувшись, входим. Поскольку куры уже устроились на ночлег, мы не задерживаемся. Однако я, конечно, успеваю наступить в лужу жидкого, не замерзшего помета, почувствовать неприятные запахи и увидеть, как одна из последних еще не устроившихся на насесте кур поедает собственное яйцо. Здесь пахнет не так, как в овчарне, — внутри каждой постройки свой индивидуальный дух. Немного странно, когда столько кур смотрит на нас со своих насестов. Кажется, они еще меньше рады нашему приходу, чем овцы.

— Они иногда так поступают, едят яйца, если их вовремя не забрать, — поясняет Джейк.

— Фу, — говорю я, так как ничего другого не могу придумать. — У вас здесь нет соседей?

— В общем, нет. Все зависит от того, что понимать под словом «соседи».

Мы выходим из курятника, и я рада, что вонь больше не бьет в нос.

Мы обходим дом с тыла; чтобы согреться, я вжимаюсь подбородком в грудь. Мы сошли с тропы и прокладываем путь в снегу. Обычно я не испытываю такого голода. Но сейчас мне кажется, что я голодала целую вечность. Подняв голову, вижу фигуру в окне второго этажа. Сухопарая женская фигура смотрит на нас сверху. У нее длинные прямые волосы. У меня замерз кончик языка.

— Там твоя мама? — Я машу рукой.

Никакого ответа.

— Скорее всего, она тебя не видит. Здесь слишком темно.

Она стоит у окна, а мы идем, проваливаясь в снег почти до колен.

* * *

Ноги и руки у меня онемели. Щеки раскраснелись. Я рада, что мы, наконец, вошли. Я дышу на ладони, согревая их. За дверью маленькая прихожая. Пахнет ужином — каким-то мясом.

Кроме того, я снова чувствую запах гари и еще отчетливый запах, присущий каждому дому. Его собственный запах, который не чувствуют обитатели.

Джейк кричит: «Привет!» Его отец — должно быть, отец — отвечает, что они спустятся через минуту. Мне кажется, что Джейк смущен и даже обеспокоен.

— Хочешь тапочки? — спрашивает он. — Они тебе, наверное, будут великоваты, но без них будет холодно — полы у нас старые.

— Да, конечно, — говорю я. — Спасибо.

Джейк роется в плетеной корзине слева от двери; корзина заполнена шляпами и шарфами. Он выуживает оттуда вытертые синие тапочки.

— Мои старые, — поясняет он. — Так и знал, что они здесь. Хотя вид у них непрезентабельный, они очень удобные.

Он вертит их в руках, рассматривает. Со стороны кажется, будто он их укачивает.

— Люблю эти тапочки, — говорит он, обращаясь скорее не ко мне, а к себе самому. Потом со вздохом протягивает тапочки мне.

— Спасибо, — говорю я. Неужели мне придется в них ходить? В конце концов я их надеваю. Они мне велики.

— Ладно, пошли! — говорит Джейк.

Мы переступаем порог, поворачиваем налево и оказываемся в малой гостиной. Там темно, и Джейк на ходу поворачивает выключатели.

— Чем занимаются твои родители?

— Сейчас они спустятся.

Мы входим в большую комнату. В парадную гостиную. Внутри дом оказывается примерно таким, как я и ожидала, чего нельзя сказать о его внешнем виде. Старая мебель, ковры, много деревянных столов и стульев. Каждый предмет мебели и каждая безделушка неповторимы, индивидуальны. И интерьер… не хочу судить слишком сурово, но сразу видно, что предметы мебели не сочетаются. И все кажется старинным, даже антикварным. Похоже, последние двадцать лет хозяева ничего не покупали. В обстановке есть определенное очарование. Мы как будто переместились на машине времени на несколько десятков лет назад.

Музыка тоже поддерживает иллюзию путешествия во времени. Кажется, Хэнк Уильямс. Или Билл Монро. А может, Джонни Кэш? Похоже на виниловую пластинку, только я не вижу источник музыки.

— Спальни наверху. — Джейк показывает на

лестницу за гостиной. — Там особенно не на что смотреть. После еды я покажу. Я тебе говорил, что ничего особо модного тут нет.

И верно. Все старое, но поразительно чистое и опрятное. На столиках ни пылинки. Подушки не рваные и не в пятнах. На какой старой ферме нет пыли? Ни на диване, ни на креслах я не вижу ни собачьей или кошачьей шерсти, ни нитей, ни грязи. Стены увешаны картинами и набросками; их много. Рисунки в основном висят так, без рамок. Картины большие. Наброски разного размера, но большинство из них меньше, чем картины. В комнате нет ни телевизора, ни компьютера. Много ламп. И свечей. Джейк включает оставшиеся лампы.

Скорее всего, его мама коллекционирует декоративные статуэтки. В основном это дети, одетые в причудливые костюмы, шляпы и сапоги. Наверное, фарфоровые. Одни фигурки собирают цветы. Другие несут сено. Что бы они ни делали, они занимаются этим целую вечность.

В дальнем углу потрескивает дровяная печь. Я подхожу поближе, поворачиваюсь спиной к огню, греюсь.

— Люблю огонь, — говорю я. — Так уютно в холодную ночь.

Джейк садится на красно-коричневый диван напротив. В голову мне вдруг закрадывается подозрение, и я выпаливаю, не успев подумать:

— Твои родители знали, что мы приедем, да? Они нас пригласили?

— Да. Мы поддерживаем отношения.

Чуть дальше, за лестницей, я вижу поцарапанную, изрезанную дверь. Она закрыта.

— А там что?

Джейк смотрит на меня, как будто я задала по-настоящему глупый вопрос.

— Другие комнаты. А еще оттуда можно спуститься в подвал.

— А, ну да, — говорю я.

— Он не доделан. По сути, это просто нора, там стоит водонагреватель и все такое. Мы туда не ходим. Там пусто. Внизу ничего нет.

— Нора?

— Да забудь! Ничего там нет интересного или красивого. Вот и все. Ерунда.

Я слышу, как наверху закрывается дверь. Смотрю на Джейка, чтобы проверить, заметил ли он это, но он погрузился в раздумья и смотрит прямо перед собой, пытливо, хотя как будто в никуда.

— А почему та дверь исцарапана?

— Когда-то у нас была собака.

Я отхожу от печки к стене с картинами и набросками. Замечаю среди рисунков несколько черно-белых фотографий. В отличие от рисунков все фотографии в рамках. На снимках никто не улыбается. Лица суровые. На снимке посередине изображена девочка лет четырнадцати или младше. Она позирует в белом платье. Снимок выцвел.

— Кто это? — Я дотрагиваюсь до рамки.

Джейк не встает, но поднимает взгляд от книги, которую взял с кофейного столика.

— Моя прабабушка. Она родилась в тысяча восемьсот восемьдесят пятом году.

Она худая и бледная. И выглядит застенчивой.

— Ее жизнь не назовешь счастливой. У нее были проблемы.

Его тон меня удивляет. В нем намек на не свойственное ему раздражение.

— Наверное, ей трудно жилось? — предполагаю я.

— Ее трудности касались всех… Не важно. Я даже не знаю, зачем мы храним ее фото. Печальная история.

Мне хочется расспросить его о прабабке, но я этого не делаю.

— А там кто? — Я показываю на ребенка лет

трех-четырех.

— А ты не знаешь?

— Нет. Откуда мне знать?

— Это я.

Я наклоняюсь, чтобы получше рассмотреть лицо.

— Что? Не может быть! Это не можешь быть ты. Снимок слишком старый.

— Все только потому, что он черно-белый. Это я.

Мне не верится, что на снимке Джейк. Ребенок стоит босиком на грунтовой дороге рядом с трехколесным велосипедом. У него длинные волосы, он смотрит прямо в объектив. Я наклоняюсь еще ближе и чувствую, как у меня внутри все ёкает. Ребенок совсем не похож на Джейка. Ничуточки. Он похож на маленькую девочку. Точнее, он похож на меня.

– Говорят, он почти перестал разговаривать.

– Перестал разговаривать?

– Стал необщительным. Работать работал, но не говорил. Всем было неудобно. Бывало, я проходил мимо него в коридоре, здоровался, но видел, что ему трудно смотреть мне в глаза. Он краснел и отворачивался.

– В самом деле?

– Да, помню, я еще пожалел, что взял его *на работу. И не потому,* что *он не справлялся со своими обязанностями., нет. Все всегда было чисто и аккуратно. Он хорошо делал свое дело. Но дошло до того, что у меня возникло подозрение… понимаешь? Я что-то почувствовал. Как будто он не совсем нормален.*

– То, что произошло, вроде как подтверждает твои догадки.

– Да. Наверное, надо мне было что-то предпринять, прислушаться к своему чутью.

– После того, что случилось, уже поздно себя винить. Нельзя допустить, чтобы мы все чувствовали себя виноватыми из-за поступка одного человека. С нами это никак не связано. Мы нормальные. Дело только в нем.

– Ты прав. Хорошо, когда тебе об этом напоминают.

– Что же дальше?

– Постараемся все забыть. Найдем ему замену. И будем жить дальше.

За столом, к счастью, пахнет очень приятно.

Сегодня мы специально не стали обедать, чтобы оставить место для ужина. Я хотела проголодаться по-настоящему, и мне это удалось. Заботят меня только головная боль и слабый ме-

таллический привкус во рту, который я ощущаю последние несколько дней. Он появляется после того, как я ем что-то определенное; как правило, хуже всего мне бывает после фруктов и овощей. Появляется какой-то химический привкус. Понятия не имею почему. Когда я замечаю привкус, у меня пропадает желание есть то, что я ем; надеюсь, сейчас этого не произойдет.

Кроме того, странно, что мы до сих пор не видели родителей Джейка. Где они? Стол накрыт. Еда готова. За стеной слышатся шаги — скорее всего, там кухня. Беру себе булочку, теплую домашнюю булочку, разламываю ее пополам и щедро намазываю маслом. Запрещаю себе есть, вспомнив, что, кроме меня, никто еще не приступил к ужину. Джейк просто сидит на месте. Я очень изголодалась.

Я уже собираюсь в очередной раз спросить у Джейка, где его родители, как открывается дверь из коридора, и они входят в гостиную один за другим.

Я встаю, чтобы поздороваться.

— Сидите, сидите, — говорит его отец и машет рукой. — Рад с вами познакомиться.

— Спасибо, что пригласили меня. Еда пахнет восхитительно.

— Надеюсь, вы проголодались, — говорит мама Джейка, усаживаясь за стол. — Мы рады, что вы приехали.

Все происходит быстро. Никакого официального знакомства. Никаких рукопожатий. Наконец-то все в сборе, за столом. Наверное, это нормально. Мне любопытно, какие у Джейка родители. Сразу можно сказать, что его отец — человек сдержанный, почти нелюдимый. Зато мама часто улыбается. Все время улыбается с тех пор, как вышла из кухни. По-моему, Джейк не похож ни на отца, ни на мать. Во всяком случае, физически. Его мама накрашена гуще, чем мне представлялось. На ней столько косметики, что меня это немного нервирует. Правда, Джейку я бы в этом ни за что не призналась. Волосы у нее выкрашены в иссиня-черный цвет. Они резко контрастируют с ее молочно-белым лицом и ярко-красными губами. Кроме того, она как будто все время дрожит или просто хрупкая, как ваза, которая может в любой миг разбиться.

На ней давно вышедшее из моды синее бархатное платье с короткими рукавами, пышным кружевным воротником и такими же манжетами, как будто она только что пришла со званого вечера или собирается туда. Такие платья в наши

дни попадаются нечасто. Кроме того, она одета не по сезону; платье скорее летнее, чем зимнее, и слишком нарядное для простого ужина. На ее фоне мне кажется, что я одета слишком просто. Зато она ходит босиком. Ни туфель, ни носков, ни тапочек. Я расстилаю на коленях салфетку, мельком заглядываю под стол и вижу, что на большом пальце ее правой ноги нет ногтя. Остальные ногти выкрашены в красный цвет.

На отце Джейка носки и кожаные тапочки, синие рабочие штаны и клетчатая рубашка с закатанными рукавами. Очки висят на шее на шнурке. На лбу, над левым глазом, приклеена полоска пластыря.

Все передают друг другу блюда. Мы приступаем к еде.

— У меня проблемы со слухом, — объявляет мать Джейка.

Я отрываюсь от тарелки. Она смотрит прямо на меня и широко улыбается. Я слышу тиканье больших напольных часов, которые стоят у стены за столом.

— У тебя не просто проблемы, — отвечает отец Джейка.

— Тиннитус, — говорит она, кладя руку на плечо мужу. — Вот как это называется!

Я перевожу взгляд с Джейка на его мать и обратно.

— Извините, — говорю я. — Что такое «тиннитус»?

— Это не очень весело, — говорит отец Джейка. — Точнее, совсем не весело.

— Да, совсем не весело, — подхватывает его мать. — У меня звенит в ушах. Я слышу звон в голове. Не все время, но почти постоянно. Постоянный звон как фон всей жизни. Сначала думали, что это просто от ушной серы. Но дело не в ней.

— Ужасно, — говорю я, снова косясь на Джейка. Никакой реакции. Он продолжает отправлять еду в рот. — Кажется, я что-то такое об этом слышала.

— И слух у меня ухудшается день ото дня. Все взаимосвязано.

— Она все время то и дело переспрашивает, что я сказал, — подтверждает отец и отпивает вина.

Я тоже отпиваю.

— И еще голоса. Я слышу шепот.

Она снова широко улыбается. Я смотрю на Джейка, на сей раз многозначительнее. Ищу у него на лице хотя бы намек на ответ, но ничего не вижу. Он должен вмешаться и помочь мне. Но он не вмешивается.

И именно тогда, когда я смотрю на Джейка в поисках хоть какой-то помощи, начинает звонить мой телефон. Мать Джейка вздрагивает.

Я чувствую, как заливаюсь краской. Нехорошо. Телефон у меня в сумке, которая стоит под стулом.

Наконец Джейк поворачивается ко мне.

— Простите, это мой телефон. Я думала, он разрядился, — объясняю я.

— Опять та подруга? Она весь вечер тебе названивает.

— Может, вам лучше ответить, — предлагает мать Джейка. — Мы не против. А вдруг вашей подруге что-то нужно?

— Нет-нет. Ничего срочного.

— А может, все-таки… — продолжает она.

Телефон звонит и звонит. Все молчат. Наконец он умолкает.

— В общем, — продолжает отец Джейка, — по описанию ее симптомы хуже, чем все есть на самом деле. — Он снова тянется к жене и хлопает ее по плечу: — Такого в кино не покажут.

Я слышу пиканье — мне оставили сообщение. Еще одно. Я не хочу его слушать. Но знаю, что придется. Невозможно игнорировать их вечно.

— Шепоты, как я их называю, — говорит мать

Джейка, — на самом деле не такие голоса, какие есть у вас или у меня. Они не произносят членораздельные слова и фразы.

— Ей здорово достается, особенно ночью.

— Ночью хуже всего, — кивает она. — Я совсем перестала спать по ночам.

— А если она спит, то беспокойно. Мы оба не высыпаемся.

Я хватаюсь за соломинки. Сама не знаю, что сказать.

— Наверное, вам очень тяжело приходится. Чем больше исследуют сон, тем больше мы понимаем, насколько он важен.

Снова звонит мой телефон. Я понимаю, что так не может быть, но на сей раз кажется, будто он звонит громче.

— Серьезно, ответь. — Джейк трет лоб.

Его родители молча переглядываются. Не буду отвечать. Не могу.

— Мне в самом деле очень жаль, — говорю я. — Понимаю, как это всех раздражает.

Джейк смотрит на меня в упор.

— Такие вещи иногда доставляют больше неприятностей, чем подчас кажется, — замечает отец Джейка.

— Сонный паралич, — подхватывает его

мать, — это не шутки. Он очень изматывает.

— Вы о таком слышали? — спрашивает меня отец Джейка.

— По-моему, да, — отвечаю я.

— Я не могу пошевелиться, но при этом не сплю. Я в сознании.

Его отец внезапно оживляется и, говоря, тычет вилкой в воздух:

— Иногда я просыпаюсь среди ночи — непонятно почему. Я поворачиваюсь и смотрю на нее. Она лежит рядом со мной на спине, совершенно неподвижно, а ее глаза широко раскрыты, и в них ужас. Вот что всегда меня пугает. Никак не привыкну. — Он накалывает на вилку куски и набивает себе полный рот.

— Чувствую большую тяжесть. На груди, — признается мать Джейка. — Мне часто трудно дышать.

Снова пикает мой телефон. На сей раз это долгое послание, я сразу понимаю. Джейк роняет вилку. Все поворачиваются к нему.

— Извините, — говорит он.

Наступает тишина. Никогда еще я не видела, чтобы Джейк так сосредоточенно смотрел в тарелку. Он смотрит в тарелку, но есть перестал.

Неужели его так вывел из себя мой телефон?

Или я сказала что-то, смутившее его? С тех пор как мы приехали, он как будто стал другим человеком. У него резко поменялось настроение. Как будто я сижу здесь одна.

— Ну, как доехали? — спрашивает отец, вынуждая Джейка наконец-то принять участие в разговоре.

— Хорошо. Сначала были пробки, но где-то через полчаса дороги освободились.

— Наши проселочные дороги не очень оживленные.

Джейк похож на своих родителей в чем-то гораздо более важном, чем внешность. У них одинаковые движения. Жесты. Он, как и они, складывает ладони, когда думает. И говорит он тоже как они. Внезапно меняет тему, если не хочет что-то обсуждать. Поразительно! Когда видишь человека рядом с родителями, сразу понимаешь, что все мы созданы из разных элементов.

— Никто не любит путешествовать в холоде и в снегу, и я их не виню, — говорит мать Джейка. — Здесь нет ничего интересного. На целые мили вокруг. Зато по пустым дорогам легко ехать, верно? Особенно ночью.

— А после того как построили новое шоссе, по этим проселочным дорогам почти никто и не ез-

дит. Можно сколько угодно идти пешком посреди дороги, и тебя не собьют.

— Пешком долго добираться, так и замерзнуть можно. — Его мать смеется, хотя я не понимаю почему. — Но жизни там ничто не угрожает.

— Я привыкла к плотному потоку, — замечаю я. — А сегодняшняя поездка была приятной. Я нечасто бываю за городом.

— Вы из пригорода, да?

— Там родилась и выросла. Примерно в часе езды от большого города.

— Да, мы бывали в ваших краях. Есть там рядом вода?

— Да.

— Тогда вряд ли мы были там, — говорит она.

Я не знаю, как ей отвечать. Разве одно не противоречит другому? Она зевает, устав от воспоминаний о прошлых поездках или их отсутствии.

— Странно, что ты не помнишь, когда мы были там в последний раз, — подает голос отец Джейка.

— Я много чего помню. Джейк уже приезжал к нам… со своей прошлой подружкой. — Мать Джейка подмигивает мне, а может быть, у нее такой тик, трудно сказать. — Джейк, разве ты не помнишь? Мы тогда прямо объелись!

— Я такое не запоминаю, — отвечает Джейк.

Он уже закончил есть. Его тарелка совершенно чистая. Я не съела и половины. Переключаю внимание на еду, отрезаю кусок мяса с кровью. Снаружи оно темное и с корочкой, внутри розовое, нежное и сочится кровью. Кроме того, я не притронулась к какому-то салату в желе. Голод у меня поутих. Я набираю на вилку картошку, морковь и вместе с кусочком мяса отправляю в рот.

— Так хорошо, что вы приехали, — говорит мать Джейка. — Джейк никогда не привозит своих подружек. Это просто замечательно.

— Вот именно, — кивает отец. — Когда мы одни, здесь слишком тихо, и…

— Я кое-что придумала, — оживляется мать Джейка. — Будет весело!

Мы все смотрим на нее.

— Раньше мы часто играли в игры. Чтобы скоротать время. Одну игру я особенно любила… Мне кажется, у вас получится замечательно. Если хотите, конечно. Сделаете Джейка? — обращается она ко мне.

— Да, верно, — подхватывает отец Джейка. — Отличная мысль!

Джейк смотрит на меня и опускает голову. Заносит вилку над пустой тарелкой.

— Значит, мне придется… изобразить Джейка? — уточняю я. — В этом заключается игра?

— Да, — отвечает его мать. — Изобразите его голос, говорите как он, делайте все, что угодно, как он. Да, будет весело!

— Отличная игра! — Отец Джейка откладывает в сторону столовые приборы.

— Я не… Понимаете… я не слишком хорошо умею делать такие вещи.

— Изобразите его голос. Просто для смеха, — настаивает его мать.

Я смотрю на Джейка. Он упорно отводит взгляд в сторону.

— Ладно, — говорю я, стараясь потянуть время. Мне как-то не по себе оттого, что придется изображать Джейка при его родителях, но я не хочу их разочаровывать.

Они ждут. И внимательно смотрят на меня.

Я откашливаюсь.

— Здрасте, я Джейк, — говорю я, понижая голос. — В биохимии много достоинств, как, впрочем, и в литературе и философии.

Его отец улыбается и кивает. У матери улыбка от уха до уха. Я смущена. Не хочу играть в эту игру.

— Неплохо, — одобряет отец. — Совсем непло-

хо!

— Так и знала, что у нее хорошо получится, — поддерживает его мать. — Она знает его. Вдоль и поперек.

Джейк поднимает голову.

— Теперь я, — говорит он.

Вот первое, что он произносит за долгое время. Джейк не любит игры.

— Вот молодец! — Его мать хлопает в ладоши.

Джейк начинает говорить, явно подражая мне. Он повышает голос, но не слишком комично. Он не передразнивает меня — он мне подражает. Делает не слишком нарочитые, но точные жесты руками и лицом, заправляет за ухо невидимые волоски. Поразительно, как он точен; меня это смущает. Делается не по себе. Он изображает меня не смеха ради. Он все воспринимает всерьез, слишком всерьез! При всех становится мной.

Я смотрю на его родителей. Они сидят, широко раскрыв глаза, и наслаждаются представлением. Когда Джейк заканчивает, наступает пауза, а потом его отец разражается хохотом. Мать присоединяется к нему. Джейк не смеется.

И тут звонит телефон. Правда, ради разнообразия, это не мой телефон. Это местная линия; телефон резко звонит в соседней комнате.

— Я подойду, — говорит мать после третьего звонка; уходя, она хихикает.

Отец берет вилку и нож и снова принимается за еду. Я больше не чувствую голода. Джейк просит меня передать салат. Я передаю, но он не говорит мне «спасибо».

Возвращается мать.

— Кто звонил? — спрашивает Джейк.

— Никто, — отвечает она, садясь. — Ошиблись номером. — Она качает головой и накалывает на вилку морковный медальон. — А вы все-таки проверьте свой телефон, — говорит она и пристально смотрит на меня. У меня внутри что-то сжимается. — Серьезно, мы не против.

Я не могу есть десерт. Не только потому, что наелась. Была неловкая минута, когда вынесли десерт — шоколадный торт в виде полена со взбитыми сливками. Я просила Джейка напомнить родителям, что у меня непереносимость лактозы. Должно быть, он забыл. Так что торт — не для меня.

Пока Джейк и его родители были на кухне, я проверила свой телефон. Он разрядился. Возможно, все к лучшему. Завтра утром посмотрю. Когда мать Джейка возвращается к столу, на ней другое платье. Никто этого как будто не заметил. Может

быть, она так всегда поступает — переодевается к десерту? Перемена, правда, почти незаметная. Новое платье того же фасона, только другого цвета. Как будто из-за ошибки в программе платье немного изменилось. Может быть, она что-нибудь пролила на то, первое платье? Кроме того, она заклеила пластырем отсутствующий ноготь на пальце ноги.

— Может, вам принести еще что-нибудь? — в очередной раз спрашивает отец Джейка. — Вы точно не будете торт?

— Нет, нет, спасибо. Обед был замечательный, и я наелась.

— Жаль, что вы не любите крем, — вздыхает мать Джейка. — Знаю, от него толстеют. Но он вкусный.

— Крем в самом деле выглядит замечательно, — говорю я, воздерживаясь от того, чтобы поправить ее. Я вовсе не «не люблю» крем. К любви это не имеет никакого отношения.

Джейк тоже не ест десерт. Он не прикоснулся ни к вилке, ни к тарелке. Откинулся на спинку стула и теребит прядь волос на затылке.

Я вдруг вздрагиваю, как будто меня ущипнули, и в ужасе соображаю, что грызу ногти. Указательный палец у меня во рту. Я смотрю на руку. Ноготь

на большом пальце наполовину изгрызен. Интересно, когда я начала? Не могу вспомнить, но, должно быть, я грызу ногти весь вечер! Поспешно опускаю руку.

Не потому ли Джейк так смотрит на меня? Как я могла не сознавать, что грызу ногти? Чувствую, что кусочек ногтя застрял у меня между зубами. Как противно!

— Джейк, вынесешь сегодня за меня компост? — спрашивает его мать. — У отца болит спина, а корзина уже полная.

— Конечно, — отвечает Джейк.

Может быть, дело только во мне, но кажется, весь ужин прошел немного странно. Дом, его родители, сама поездка — все не такое, как я себе представляла. Мне вовсе не было ни забавно, ни интересно. Я не ожидала, что все окажется таким старым, несовременным. Мне не по себе с тех самых пор, как мы приехали. Родители хорошие, особенно отец, но ни одного из них не назовешь интересным собеседником. Они много говорили, но в основном о себе. Во время ужина случались и довольно долгие перерывы, когда слышались только звон посуды, музыка, тиканье часов, треск поленьев.

Наверное, из-за того, что Джейк такой интерес-

ный собеседник, один из лучших, кого я знаю, мне казалось, что и его родители будут такими же. Я думала, мы поговорим о работе и, может быть, даже о политике, философии, искусстве — о чем-то таком. Я думала, дом будет больше и в лучшем состоянии. Я думала, здесь будет больше живых зверей.

Помню, Джейк когда-то говорил, что для хорошего интеллектуального общения необходимы две главные составляющие. Первое. Говорить о простом просто, а о сложном сложно. Второе. Не вступать в разговор, если у тебя в голове какая-то схема или заранее принятое решение.

— Извините, — говорю я. — Можно мне в ванную? Куда идти — туда? — Я нащупываю языком кусочек ногтя между зубами.

— Совершенно верно, — кивает отец Джейка. — Как и все в нашем доме, ванная там, в конце длинного коридора.

Я не сразу нахожу выключатель в кромешной темноте; пару секунд вожу ладонью по стене. Когда вспыхивает яркий белый свет, вместе с ним начинается тихое вибрирующее жужжание. Здесь не обычный желтый свет, какой бывает в туалетах. Он белый в антисептическом, хирургическом смысле слова и такой яркий, что

я невольно жмурюсь. Не знаю, что неприятнее — свет или жужжание.

Здесь, при ослепительно-ярком свете, я отчетливее осознаю, как темно во всем доме.

Первым делом, закрыв дверь, я выплевываю в ладонь кусочек ногтя. Он большой. Огромный. Отвратительный. Бросаю его в унитаз. Смотрю на свои руки. Ноготь на безымянном пальце, как и на указательном, изгрызен почти до половины. Вижу кровь в том месте, где ноготь соприкасается с кожей. Над раковиной нет зеркала. Правда, мне все равно не хочется видеть свое отражение — во всяком случае, сегодня. Мне кажется, что у меня мешки под глазами. Я смущена, раздражена. Сказываются бессонница последних дней и вино за ужином. Бокалы были большими. И отец Джейка постоянно мне подливал. Наверное, мочиться придется полчаса, не меньше. Я сажусь на унитаз, и мне становится немного легче. Не хочу возвращаться — пока не хочу. У меня еще болит голова.

После десерта родители Джейка вскочили, убрали со стола и отправились на кухню, оставив нас с Джейком одних. Мы сидели за столом, почти не разговаривая. Я слышала, как его мать и отец переговариваются на кухне. Точнее, я не слышала их, не совсем слышала. Я не могла разобрать

слов, слышала только голоса. Они ссорились. Видимо, ссора началась из-за чего-то сказанного за ужином. Спор вышел жаркий. Я рада, что это произошло не при мне… кстати, и не при Джейке.

— Что здесь происходит? — шепотом спросила я у Джейка.

— Где «здесь»?

Я спускаю воду и встаю. Возвращаться я все равно еще не готова. Осматриваюсь. Вижу ванну и душ. На кронштейне висят кольца, но занавески нет. Вижу маленькую корзинку для мусора. И раковину. Все очень чистое, опрятное.

Белый кафель на стенах того же оттенка, что и на полу. Ощупываю зеркальный шкафчик над столешницей, точнее, дверцу, где положено быть зеркалу. Дверца открывается. Кроме пустого флакона из-под лекарств, какие продают по рецепту, полки совершенно пустые. Я закрываю дверцу аптечки. Свет слишком яркий.

Мою руки и замечаю маленькую уснувшую мушку на краю раковины. Почти все мухи улетают, если провести рядом с ними рукой. Я машу рукой. Ничего. Я дотрагиваюсь пальцем до крыла мухи. Мушка шевелится, но не делает попыток улететь.

Если она больше не может летать, она никак

отсюда не выберется. Она не может выползти. Прилипла. Интересно, понимает ли она это? Конечно нет. Большим пальцем я раздавливаю мушку о край раковины — сама не знаю зачем. Обычно я так не поступаю. Наверное, я ей помогаю. Так быстрее. Так лучше, чем другой конец, когда тебя кружит и медленно, по спирали, уносит вниз, к смерти. Так лучше, чем просто оставить муху в раковине. Она — лишь одна из многих.

Я еще смотрю на раздавленную муху, когда у меня возникает чувство, будто кто-то шел за мной к туалету. Что я не одна. За дверью не слышно шороха. Никто не стучит. Я не слышу шагов. Просто у меня такое чувство. Но оно сильное. По-моему, кто-то стоит за дверью. Неужели меня подслушивают?

Я не двигаюсь. Ничего не слышу. Подхожу к двери и медленно берусь за ручку. Жду еще секунду, держа руку на прежнем месте, и рывком распахиваю дверь. Там никого. Только мои тапочки, которые я, входя, оставила снаружи — сама не знаю почему.

Надо было сказать «тапочки Джейка». Те, что он дал. Мне казалось, что я поставила их носками к двери. Но теперь носки смотрят в коридор. Точно

я не помню. Может, я сама их так расположила. Да, наверное, я сама.

Оставляю дверь открытой, но делаю шаг назад к раковине. Включаю воду, чтобы смыть останки мухи. В раковину падает красная капля. За ней другая. В сверкающем кране вижу кусок своего носа. Из него идет кровь. Я отрываю кусок туалетной бумаги, комкаю, прижимаю к лицу. Почему у меня идет носом кровь?

Уже много лет у меня не было носового кровотечения.

Я выхожу из туалета и направляюсь в прихожую. Прохожу мимо двери, которая ведет в подвал. Она открыта. Узкая крутая лестница уходит вниз. Я останавливаюсь, прикладываю ладонь к открытой двери. От движения в любую сторону дверь скрипит — нужно смазать петли. На площадке протертый коврик; он доходит до деревянных ступенек.

Из кухни доносятся звон посуды, шум воды и голоса. Джейк тоже там, с родителями. Мне вовсе не нужно спешить назад. Дам ему немного времени, пусть поговорит с ними.

Сверху лестницы почти ничего не видно. Там, внизу, темно. Правда, из подвала доносятся какие-то звуки — я их слышу. Иду вперед. Справа у

двери белый шнурок. Дергаю за него, и загорается единственная лампочка. Теперь звук слышен отчетливее. Монотонный скрип, резче, выше, чем скрип петель. Приглушенный, унылый, повторяющийся скрежет.

Мне хочется осмотреть подвал. Джейк сказал, что родители им не пользуются. Так что же там? Что служит источником звука? Водонагреватель?

Ступеньки неровные и шаткие. Перил нет. Вижу дощатую крышку люка; ее можно поднять, если потянуть за металлическую скобу. Когда крышка закрыта, ступенек не видно. Вся крышка в царапинах, таких же, как и на двери, которая ведет из гостиной. Провожу по царапинам пальцами. Они не очень глубокие. Но выглядят так, словно их нанесли в неистовстве.

Начинаю спускаться. Такое чувство, будто я спускаюсь в трюм корабля. Без перил. Придерживаюсь рукой за стену.

Внизу я наступаю на большую бетонную плиту, которая лежит прямо на утоптанной земле. Места тут не очень много. Низкий балочный потолок. Впереди полки, заставленные коричневыми картонными коробками. Коробки старые, отсыревшие, грязные и, похоже, вот-вот развалятся.

Они покрыты слоем пыли. Ряды и ряды коробок на полках. Сколько же всего спрятано здесь, под крышкой люка! Похоронено. «Мы туда не ходим, — сказал Джейк. — Там ничего нет». Это не совсем так. Вернее, совсем не так.

Я разворачиваюсь. У меня за спиной, у лестницы, стоят печь, водонагреватель и электрощит. Там же что-то еще, какие-то инструменты. Старые, ржавые, уже не работающие. Точно не знаю, что именно.

Здесь в самом деле почти настоящая нора. Возможно, такие подвалы обычны для старых домов на фермах. Наверное, весной подвал затапливает. Стены обмазаны глиной, в которой видны большие куски породы. Это не совсем стены, как и пол — не совсем пол. В подвале нет ни бара, ни бильярдного стола, ни настольного тенниса. Несколько секунд здесь в одиночестве до смерти напугают любого ребенка. Кроме того, тут неприятно пахнет — не знаю, чем именно. Сыростью. Затхлостью. Плесенью. Гнилью. Что я здесь делаю?

Я уже собираюсь подняться наверх, когда в дальнем конце подвала, за водонагревателем, замечаю источник звука. На одной полке стоит маленький белый колебательный вентилятор. В

темноте его почти не видно… В самом деле, пора возвращаться наверх, за стол.

Вряд ли Джейк обрадуется, узнав, что я побывала здесь. Однако эта мысль заставляет меня задержаться. Я ненадолго. Осторожно схожу с бетонной плиты и направляюсь к вентилятору.

Он качается туда-сюда. Зачем здесь зимой работает вентилятор? И без него холодно.

У печки на мольберте стоит картина. Может быть, поэтому включили вентилятор — чтобы высохла краска? Не могу себе представить, чтобы здесь можно было находиться долгое время, тем более — рисовать. Не вижу ни краски, ни кистей, ни других принадлежностей для рисования. Ни стула. Неужели художник стоит? Скорее всего, рисует мама Джейка. Но она выше меня ростом, а даже мне приходится нагибаться, чтобы не удариться головой о потолочные балки. И зачем вообще рисовать в подвале?

Я подхожу ближе к картине. Она написана крупными, небрежными мазками и полна весьма специфических подробностей. На ней изображено какое-то помещение. Скорее всего, то, где я нахожусь, — подвал. Картина очень темная, и все же на ней можно различить лестницу, бетонную плиту, полки. Недостает только печи. На ее

месте женщина. А может, и мужчина. В общем, человеческое существо с длинными волосами, длиннорукое. Фигура слегка наклонена. У нее длинные ногти, по-настоящему длинные, почти как когти. Хотя они не загибаются и не заостряются. Но выглядят очень похоже на когти. В нижнем углу картины — второе существо, гораздо меньше. Ребенок?

Глядя на картину, я вдруг вспоминаю, о чем Джейк говорил по пути сюда. Я слушала его вполуха, поэтому сама удивляюсь, как отчетливо его слова вспоминаются сейчас. Он говорил о том, почему в философии используются примеры того, как в большинстве случаев понимание и правда сочетают в себе не только уверенность и рациональное умозаключение, но и обобщение.

— Важнее всего, — сказал он, — объединить первое и второе.

Я смотрела в окошко на пробегающие мимо поля, следила, как мимо проносятся голые деревья.

— Такое объединение отражает работу нашего сознания, то, как мы функционируем и общаемся, наш разрыв между логикой, разумом и чем-то еще, что находится ближе к чувству или духу, — сказал он. — Сейчас я произнесу слово, от которого у тебя, наверное, волосы встанут

дыбом. Но даже самые практичные из нас не в состоянии понять мир, опираясь только на разум — исключительно на разум. Поэтому приходится в поисках смысла опираться на символику.

Я покосилась на него, ни слова не говоря.

— И я сейчас имею в виду не только греков. Это довольно общее место и на Западе, и на Востоке. Универсальное.

— Говоря «символика», ты имеешь в виду…

— Аллегорию, — ответил он, — сложную метафору. Мы не просто оцениваем или признаем важность и действенность чего-то через опыт. С помощью символики мы принимаем, отвергаем и проводим различия. Символы так же важны для нашего познания жизни, нашего понимания существования и того, что имеет ценность, что достойно, как и математика и естествознание.

Учти, сейчас я говорю как ученый. Все то, о чем я сказал, является составной частью нашей способности познавать и принимать решения. Сам знаю, мои слова звучат слишком очевидно и слишком банально, но это любопытно.

Я снова смотрю на картину. У изображенного на ней существа некрасивое, невыразительное лицо. Длинные ногти опущены вниз, они мокрые, с них только что не капает. Вентилятор качается

туда-сюда.

Рядом с картиной маленький грязный стеллаж. На нем много старых бумаг. Листы и листы. В основном там лежат рисунки. Я беру один, на толстой бумаге. За ним — еще один. На всех рисунках изображено одно и то же помещение — подвал. И на всех рисунках на месте печи разные фигуры. У одних волосы короткие, у других длинные. У одного рога. У некоторых есть груди, у других пенисы, у кого-то и то и другое. Но у всех длинные ногти и одинаковое застывшее выражение.

На каждой картине есть и ребенок. Обычно он нарисован в углу. Иногда в других местах — на земле, смотрит снизу вверх на большую фигуру. На одном рисунке ребенок в животе у женщины. На другом у женщины две головы, и одна из них — голова ребенка.

Я слышу наверху шаги. Тихие, мягкие. Мать Джейка? С чего я взяла, что она рисует здесь, внизу? Наверху снова слышатся шаги, они тяжелее.

Я снова слышу голоса. Два голоса. Почему я их слышу? Там, наверху, отец и мать Джейка. Они снова ссорятся.

Ну, может, и не ссорятся, может, это слишком сильно сказано. Во всяком случае, говорят они недружелюбно. О чем-то пылко спорят. Что-то

не так. Они расстроены. Мне нужно подобраться ближе к решетке вентиляции. У стены напротив стоит ржавая банка из-под краски. Придвигаю ее к вентилятору. Встаю на нее, держась за стену, чтобы не упасть. Они разговаривают на кухне.

— Так дальше не может продолжаться.

— Это нерационально.

— Он потратил столько времени на то, чтобы туда попасть, и все только для того, чтобы уйти? Он от всего отказался. Конечно, я беспокоюсь.

— Ему нужна предсказуемость, что-то надежное. Он слишком много бывает один.

Неужели они говорят о Джейке? Я поднимаю руку повыше и привстаю на цыпочки.

— Ты все время говорила ему, чтобы он поступал как хочет.

— А что мне еще было говорить? Невозможно день за днем быть таким — застенчивым, интровертом… так что…

Что она говорит? Ничего не понимаю.

— Ему нужно выбраться из своей головы и жить дальше.

— Он ушел из лаборатории. Он сам так решил. Он вообще не должен был идти по этой стезе. Самое главное… — Дальше неразборчиво.

— Да, да. Знаю, он умный. Знаю. Но он вовсе не

обязан идти этой дорогой.

— …работа, которую он способен выполнять. Удержаться на месте…

Бросил лабораторию? Значит, они говорят о Джейке? Что они имеют в виду?! Джейк по-прежнему работает в лаборатории! Разбирать слова становится труднее. Если бы можно было подняться повыше, подобраться поближе…

Банка скользит, я падаю и ударяюсь о стену. Голоса умолкают. Я замираю.

Вверху какой-то шорох. Не надо было сюда спускаться. Я не должна была подслушивать. Оборачиваюсь к лестнице, но там никого нет. Только полки с коробками, тусклый свет падает сверху. Я больше не слышу голосов, совсем не слышу. Все тихо. Я одна.

Меня охватывает ужасное чувство клаустрофобии. Что, если кто-то захлопнет крышку люка? Тогда я застряну здесь. Будет темно. Сама не знаю, что делать. Я встаю, мне даже думать об этом не хочется. Растираю колено, ушибленное о стену.

На обратном пути я замечаю на крышке люка замок, а на стене засов; когда крышка закрыта, лестницы не видно. Засов привинчен к стене рядом с лестницей, а замок — на днище крышки. Логичнее было бы приделать замок сверху, чтобы

можно было запирать люк снаружи. Крышку люка можно открывать и закрывать с обеих сторон; либо толкать наверх, если вы в подвале, либо тянуть, если вы на площадке. Но запереть люк можно только снизу.

– Какова официальная причина смерти?

– Обильное кровотечение из колотых ран.

– Какой ужас!

– Мы считаем, что он истекал кровью несколько часов. Лежал в луже крови.

– Представляю, каково было наткнуться на него.

– Да уж. Кошмар. Такое не забудешь.

Когда я возвращаюсь в гостиную, там никого нет. Со стола все убрали, кроме моей десертной тарелки.

Осторожно заглядываю на кухню. Грязные тарелки составлены стопкой и сполоснуты, но не вымыты. В раковине много мутной воды. Из крана капает.

— Джейк! — зову я. Где он? Где все? Может быть, Джейк выносит остатки со стола в компост в сарае.

Я вижу лестницу, которая ведет на второй этаж. На ступеньках мягкий зеленый ковер. Стены

обиты деревом. Снова фотографии. На многих запечатлена одна и та же пожилая пара. Все фотографии старые; здесь нет ни одной фотографии Джейка в детстве.

Джейк обещал показать мне второй этаж после ужина, так почему бы не осмотреть его сейчас? Поднимаюсь на площадку второго этажа; там есть окно. Выглядываю наружу, но на улице слишком темно и ничего не видно. Слева от меня дверь с маленькой стилизованной буквой «Д». Старая комната Джейка! Вхожу. Сажусь на кровать Джейка и озираюсь по сторонам. Много книг. Четыре стеллажа забиты сверху донизу. На каждом стеллаже — свечи. Кровать мягкая.

Покрывало именно такое, какое и ждешь увидеть на ферме — вязаное, домашнее. Кровать маловата для такого высокого парня; кроме того, она узкая, односпальная. Вытягиваю руки за спиной, ладонями вниз, и нажимаю на матрас, как будто покачиваю яблоко, опущенное в воду. Пружины поскрипывают, выдавая возраст и многолетнее использование. Старые пружины. Старый дом.

Я встаю. Прохожу мимо продавленного, но уютного с виду синего кресла. У окна стоит письменный стол. На нем почти ничего нет. Ручки и

карандаши в стакане. Коричневый заварочный чайник. Несколько книг. Большие серебряные ножницы. Я выдвигаю верхний ящик стола. Там обычные вещи — вырезки, блокноты. И коричневый конверт. На нем многочисленные буквы «У». Почерк похож на почерк Джейка. Не в силах удержаться, я вскрываю конверт.

Внутри фотографии. Наверное, я не должна была их доставать. Это в самом деле меня не касается. Я перебираю их. Их штук двадцать или тридцать. Все сняты с близкого расстояния. Части тела. Колени. Локти. Пальцы. Много пальцев ног. Губы, зубы, десны. Несколько очень увеличенных снимков, только волосы и кожа, может быть, прыщи. Трудно сказать, принадлежит ли все одному человеку или разным. Кладу снимки обратно в конверт.

Я никогда не видела таких фотографий. Что это — своеобразные произведения искусства? Какая-нибудь инсталляция, подготовка к выставке? Джейк когда-то говорил, что увлекается фотографией и, помимо школы, занимался в художественной студии. Сказал, что у него есть хорошая камера, на которую он долго копил.

В комнате тоже много фотографий: пейзажи, цветы, деревья и люди. Лица все незнакомые.

Единственный снимок Джейка, который я видела в доме, висит у печки; он еще уверял, что на снимке он сам в детстве. Но там не он. Я уверена, что на снимке не он. Значит, я никогда не видела ни одной фотографии Джейка. Он застенчив, да, я знаю, и все же…

Беру с полки фото в рамке. Светловолосая девушка. На голове у нее синяя бандана, завязанная спереди. Его подружка, с которой он встречался в старших классах школы? Она была сильно влюблена в него, во всяком случае, так утверждал Джейк, но для него их отношения значили совсем не то же, что для нее. Подношу фото к лицу, почти касаюсь его носом. Но Джейк говорил, что его школьная подружка была высокой брюнеткой. Девушка на снимке блондинка, как я, небольшого роста. Кто она?

На заднем плане я замечаю еще кое-кого. Это мужчина, но не Джейк. Он смотрит на девушку. Он как-то связан с ней. Он близко и смотрит на нее. Интересно, кто их снимал — Джейк? Я вздрагиваю, когда чья-то рука касается моего плеча.

Это не Джейк. Это его отец.

— Вы меня напугали! — говорю я.

— Извините. Я думал, вы здесь с Джейком.

Я ставлю снимок назад, на полку. Он падает на

пол. Я нагибаюсь и поднимаю его.

Когда я снова оборачиваюсь к отцу Джейка, он улыбается. Он успел наклеить на лоб вторую полоску пластыря, над первой.

— Я вовсе не собирался вас пугать, только хотел проверить, все ли с вами в порядке. Вы дрожали.

— Со мной все в порядке. Наверное, немного замерзла. Я ждала Джейка. Я еще не видела его комнату и подумала… Неужели я правда дрожала?

— Мне так показалось со спины — да, немножко.

Не знаю, о чем он говорит. Я не дрожала. Да и как я могла дрожать? Неужели мне холодно? Может быть. Мне холодно с тех самых пор, как мы сели за стол.

— Вы точно хорошо себя чувствуете?

— Да, точно. Я чувствую себя нормально.

Он прав. Опустив глаза, я вижу, что моя рука слегка дрожит. Я складываю ладони перед собой.

— Бывало, он проводил здесь много времени. Мы постепенно превращаем его комнату в комнату для гостей, — говорит отец Джейка. — Нам как-то не хотелось селить сюда гостей, ведь здесь все напоминает о старшекласснике-«книжном черве». Джейк всегда любил книги и истории. И

еще он вел дневники. Они его утешали. Так он легче справлялся.

— Очень мило. Я заметила, что он до сих пор любит писать. Много времени проводит за письмом.

— Так он познает мир.

В его последних словах я угадываю сочувствие к Джейку и даже нежность.

— Здесь так тихо, — говорю я, — особенно в тыльной части дома. Наверное, здесь хорошо пишется.

— Да, и спится тоже. Но Джейк, как вам, наверное, известно, всегда спал плохо. Кстати, вы можете у нас заночевать. Мы рассчитывали, что вы останетесь. Ни к чему вам спешить назад. Я уже говорил Джейку. Мы хотим, чтобы вы остались. А утром доедим то, что осталось от ужина… Вы кофе пьете?

— Спасибо за приглашение… наверное, пусть Джейк решает. Да, я люблю кофе. Но Джейку утром на работу.

— Да? — На лице у его отца появляется озадаченное выражение. — Ну ладно… в общем, мы будем рады, если вы останетесь. Пусть даже на одну ночь. И еще хочу, чтобы вы знали: мы очень благодарны вам, что вы приехали. Благодарны за

все, что вы делаете.

Я заправляю за ухо прядь волос. Что я делаю? Сама не понимаю.

— Мне здесь хорошо, и приятно познакомиться с вами.

— Все, что происходит, очень полезно для Джейка. Вы благотворно на него влияете. Прошло уже столько времени с тех пор, как… В общем, по-моему, в конечном счете это идет ему на пользу. Мы надеемся.

— Он часто рассказывает о ферме.

— Он очень хотел, чтобы вы ее увидели. Мы так давно его ждем! Уже начали думать, что он никогда не привезет вас сюда, ведь прошло столько времени.

— Да. — Вот и все, что приходит мне в голову. — Я знаю.

Что за ерунда насчет времени?! Отец Джейка оглядывается и делает шаг ко мне. Он так близко, что если я протяну руку, то смогу дотронуться до него.

— Кстати, она не сумасшедшая. Вам следует это знать. Простите за сегодняшний вечер.

— Что?

— Я имею в виду свою жену. Догадываюсь, каким ее поведение может показаться со стороны.

Я знаю, о чем вы думаете. Простите. Вы думаете, что она сходит с ума или у нее психическое расстройство. Но ничего подобного нет. У нее просто проблемы со слухом. Она пережила сильный стресс.

Я снова не знаю, что ответить.

— Да я вовсе так и не думала, — говорю я. По правде, я сама не знаю, что я думала.

— Соображает она по-прежнему хорошо. Ну да, она говорит, что слышит голоса, но не так все страшно, как кажется. Она слышит только шепотки и бормотания. И она… разговаривает с ними. С шепотками. Иногда это просто дыхание. Совершенно безобидное.

— И все же ей и вам, наверное, тяжело, — говорю я.

— Врачи советуют, если слух ухудшится, подобрать ей кохлеарный имплантат.

— А что это такое? — спрашиваю я.

— И постоянная улыбка… Знаю, это выглядит странновато, просто у нее такая реакция. В прошлом ее улыбка меня немного раздражала, но теперь я к ней привык. Бедняжка. У нее болит лицо от постоянной улыбки. Но к такому привыкаешь.

— Я не заметила… почти не заметила.

— Ему с вами хорошо. — Он поворачивается к двери. — Вы хорошая пара. Хотя не мне вам говорить. Определенные вещи хорошо сочетаются — например, математика и музыка, ведь так?

Я улыбаюсь, киваю. Снова улыбаюсь. Не знаю, как еще реагировать.

— Было замечательно познакомиться с Джейком, а теперь с вами и его матерью.

— Вы нам всем нравитесь. Особенно Джейку. Все логично. Вы ему нужны.

Я не перестаю улыбаться. Как будто не могу перестать.

Я готова к отъезду. Мне не терпится поскорее убраться отсюда. Я в куртке. Джейк уже на улице, греет машину. Я жду его маму. Мне нужно попрощаться, а она вернулась на кухню, чтобы завернуть нам еды в дорогу. Я ничего не хочу, но отказываться невежливо. Стою одна и жду. Дергаю молнию на куртке. Вверх-вниз, вверх-вниз. Лучше бы я погрела машину, а он задержался здесь.

Она выходит из кухни.

— Я положила вам всего понемногу, — говорит она, — и пару кусков торта тоже. — Она протягивает мне тарелку, обернутую фольгой. — Держите ровно, иначе испачкаете руки.

— Хорошо. Еще раз спасибо за прекрасный вечер.

— Вам правда понравилось? Вы точно не хотите остаться на ночь? Мы были бы очень рады, если бы вы остались. У нас хватит для вас места. — Она почти умоляет. Она теперь стоит так близко ко мне, что я замечаю, какое морщинистое у нее лицо. Теперь она кажется старше. Усталая, сморщенная. Мне бы не хотелось запоминать ее такой.

— Мы хотели остаться, но, по-моему, Джейку нужно вернуться.

Мы какое-то время молчим; потом она склоняется ко мне, чтобы обнять меня. Обнимает довольно крепко и долго, как будто не хочет отпускать. Неожиданно для себя я тоже крепко обнимаю ее. Впервые за вечер я чувствую запах ее духов. Лилии. Знакомый аромат…

— Погодите, чуть не забыла, — говорит она. — Не уезжайте, я сейчас! — Она выпускает меня и снова уходит на кухню.

Интересно, где отец Джейка? От тарелки пахнет едой. Это неаппетитно. Надеюсь, за то время, что мы будем ехать, едой не пропахнет вся машина. Может, лучше поставить ее в багажник?

Мать Джейка возвращается.

— Вот, решила, пусть это будет у вас.

Она протягивает мне сложенный в несколько раз лист бумаги. Он такой маленький, что умещается в карман.

— Спасибо, — говорю я. — Спасибо вам большое!

— Сейчас я, конечно, забыла, сколько точно затрачено времени, но я работала над ним довольно долго.

Я начинаю разворачивать лист. Она поднимает руку:

— Нет-нет. Не разворачивайте его здесь! Вы еще не готовы!

— Что, простите?

— Это сюрприз. Для вас. Развернете, когда приедете.

— Когда приеду — куда?

Вместо ответа, она снова улыбается. Потом говорит:

— Это рисунок.

— Спасибо. Ваш?

— Мы с Джейком, бывало, часто вместе рисовали, когда он был младше; иногда рисовали часами. Он любил рисовать.

Интересно… они рисовали в сыром подвале?

— У нас есть студия. Там тихо. Она была нашей

любимой комнатой в доме.

— Была?

— И есть. Была… Ну, не знаю, спросите лучше Джейка.

Глаза у нее наполняются слезами; я боюсь, что она вот-вот расплачется.

— Спасибо за подарок, — говорю я. — Как мило с вашей стороны. Нам обоим он очень понравится, не сомневаюсь. Спасибо.

— Это для вас. Только для вас. Это портрет, — говорит она. — Портрет Джейка.

* * *

Мы так толком и не поговорили о вечере. Мы не обсуждали его родителей. Я думала, мы сразу начнем говорить о них, как только снова окажемся в машине — вспомним все, что произошло. Я хочу спросить его о матери, о подвале, рассказать о разговоре с отцом в комнате наверху, о том, как его мать меня обняла, о ее подарке. Мне столько хочется у него спросить. Но вот мы уже довольно давно в машине. Сколько прошло времени? Я точно не знаю. И я понемногу выпускаю пар. Начинаю оттаивать. Может, просто подождать и поговорить обо всем завтра, когда у меня будет больше сил?

Я рада, что мы не остались ночевать. Вздыхаю с облегчением. Неужели нам с Джейком пришлось бы тесниться на его узкой, крошечной кровати? Не могу сказать, что его родители мне не понравились. Просто все было странно, я устала и сегодня хочу спать в своей постели. Я хочу остаться одна.

Мне трудно представить, как бы я утром вела светскую беседу с его родителями. Слишком много пришлось бы терпеть. Кроме того, в доме было холодно и темно. Сначала, когда мы только вошли, мне показалось, что там тепло, но, чем дольше мы там находились, тем больше я замечала сквозняки. Вряд ли бы я там выспалась.

— Слезы обтекаемые, — говорит Джейк. — Все машины должны быть в форме слез.

— Что? — Его слова кажутся особенно неожиданными на фоне мыслей, воспоминаний о сегодняшнем вечере, обо всем, что случилось. Джейк почти все время молчал, я так и не знаю почему. В присутствии родителей все начинают дергаться, а я увидела их в первый раз. И все-таки… Он определенно был слишком молчаливым, как будто находился где-то в другом месте.

Мне нужно поспать. Две или три ночи долгого, непрерывного сна. Тогда я восстановлюсь. Никаких трудных мыслей, никаких дурных снов,

никаких телефонных звонков. Никто не должен меня отвлекать. Никаких кошмаров. Последние несколько недель плохо сплю. А может, и дольше.

— Смешно видеть, что некоторые машины по-прежнему создаются и рекламируются как экономичные. Смотри, какая квадратная вон та! — Он показывает в мое окошко, и я поворачиваю голову, хотя в темноте трудно что-либо рассмотреть.

— Я не против уникальности, — говорю я. — Даже против тех вещей, которые слишком уникальны, я не возражаю. Мне нравится все, что выделяется из общей массы.

— По определению ничто не может быть *слишком* уникальным. Вещь либо уникальна, либо нет.

— Да-да, знаю. — Я слишком устала для таких разговоров.

— А машины и не должны быть уникальными. Владелец той машины, наверное, жалуется на глобальное потепление и перемены климата, и все же ему хочется «уникальную» машину.

Каждая машина должна быть в форме слезы. Вот что покажет, что люди серьезно думают об экономичности двигателей, об оптимальном

расходе топлива.

Джейк начинает типичную для него тираду. Экономичность двигателя не волновала меня даже в лучшие времена, не волнует и сейчас. Я хочу другого — обсудить, что произошло в доме его родителей, и попасть домой, где мне удастся поспать.

— Кто была та девушка на фото у тебя на полке?

— Какое фото? Какая девушка?

— Светловолосая девушка; она стоит в поле или на краю поля. Фото в твоей комнате.

— Наверное, Стеф. Почему ты спрашиваешь?

— Мне просто любопытно. Она хорошенькая.

— Она привлекательная. Никогда не считал ее красавицей…

Она очень хорошенькая.

— Ты с ней встречался, или она просто подруга?

— Была подругой. Какое-то время мы встречались. Несколько месяцев после окончания школы.

— Она тоже увлекалась биохимией?

— Нет, музыкой. Она была музыкантшей.

— На чем она играет?

— На целом ряде инструментов. Преподавала.

Она первая познакомила меня кое с какими старыми вещами. Классика, кантри, Долли Партой и все такое. Песни, которые можно слушать.

— Ты продолжаешь с ней встречаться?

— Нет. У нас ничего не получилось.

Он смотрит не на меня, а вперед, на дорогу. Он грызет ноготь на большом пальце. Будь у нас другие отношения и случись это в другое время, может, я и пристала бы к нему с расспросами. Донимала его. Настаивала. Но я понимаю, к чему все клонится, поэтому нет смысла начинать.

— А кто тот тип на заднем плане?

— Что?

— На заднем плане, за ней, на земле лежал какой-то парень. Он смотрел на нее. И это был не ты.

— Не знаю. Надо будет взглянуть на тот снимок.

— Ты должен помнить снимок, о котором я говорю.

— Я давно уже не пересматривал старые снимки.

— С той девушкой снимок только один. И он странный, потому что тот парень… — Мне трудно говорить. Почему?

Проходит минута. Мне кажется, что он собира-

ется замять тему, проигнорировать мой вопрос, но вдруг он отвечает:

— Наверное, там мой брат. Припоминаю, что он попал на какие-то фотографии.

Что?! У Джейка есть брат? Почему он не говорил о нем раньше?

— Не знала, что у тебя есть брат.

— Я думал, ты знаешь.

— Нет! Ерунда какая-то. Почему я о нем ничего не знаю? — Я говорю это в шутку, но Джейк настроен серьезно; наверное, и мне тоже лучше не шутить. — Вы с ним дружите?

— Я бы так не сказал.

— Почему?

— Семейные неприятности. Все сложно. Он похож на маму.

— А ты нет?

На секунду он поворачивается ко мне, потом снова смотрит на дорогу. Мы здесь одни. Уже поздно. После той квадратной машины других больше не попадалось. Джейк сосредоточенно смотрит вперед. Не поворачиваясь ко мне, он спрашивает:

— Тебе это показалось нормальным?

— Что?

— Мой дом. Мои родители.

— Что ты называешь «нормальным»?

— Ты ответь. Я хочу знать.

— Конечно. В основном да.

Не собираюсь вдаваться в подробности и рассказывать, что я чувствую на самом деле. Во всяком случае, сейчас, ведь мы в последний раз ездили куда-то вместе.

— Не собираюсь лезть в твою жизнь, но… в самом деле, у тебя есть брат… в каком смысле он похож на твою маму?

Сама не знаю, как он отреагирует на мой вопрос. Скорее всего, сменит тему, лишь бы не говорить о брате. Но, по-моему, сейчас лучшее время для того, чтобы спросить. Вернее, другого раза у меня не будет.

Джейк вытирает лоб одной рукой, а второй держит руль.

— Несколько лет назад у брата начались проблемы. Мы не думали, что у него что-то серьезное. Он всегда был крайне замкнутым. Не мог общаться с другими. Мы думали, что у него депрессия. Потом он начал повсюду ходить за мной. Он не делал ничего опасного, но его поведение было странным. Я просил его прекратить, но он не прекращал. У меня не оставалось другого выхода; я… можно сказать, выбросил его из своей жизни,

вытеснил его. Главное, дело не в том, что он не способен позаботиться о себе. Он все может. Не думаю, что у него серьезное психическое расстройство. Если что-то и есть, то это не опасно. По-моему, он может восстановиться. Я верю, что он — гений, и он глубоко несчастен. Трудно проводить столько времени в одиночестве. Трудно, когда у тебя никого нет. Так можно жить какое-то время, но… Брат стал очень грустным, очень одиноким. Ему кое-что было нужно; но с тем, о чем он меня просил, я не мог ему помочь. Конечно, сейчас все уже позади. Но жизнь нашей семьи сильно изменилась.

То, о чем он говорит, очень важно. Мне кажется, за последние полминуты я лучше поняла родителей Джейка и самого Джейка тоже. Я сделала открытие и не готова сменить тему. Возможно, прошлое оказало влияние и на меня, и на нас, и на вопрос, над которым я все время думаю.

— Что значит «он начал повсюду ходить за тобой»?

— Не важно. Его здесь больше нет. Все кончено.

— А мне интересно!

Джейк делает погромче звук у магнитолы — совсем чуть-чуть. Но, поскольку мы разговариваем,

меня его жест раздражает.

— Мой брат вот-вот должен был стать профессором, но не вынес того, что на работе приходится постоянно общаться. Ему пришлось уйти с работы. То есть свое дело он может делать, но все остальное, особенно общение с коллегами, оказалось для него слишком тяжелым. Каждый день у него начинался с панической атаки при мысли о том, что придется как-то взаимодействовать с людьми. Самое странное, что люди ему нравились. Просто для него было невыносимо разговаривать с ними — вести разговоры ни о чем и так далее.

Я замечаю, что, рассказывая о брате, Джейк постепенно увеличивает скорость. Вряд ли он сознает, как быстро мы едем.

— Ему нужно было зарабатывать себе на жизнь, но пришлось подыскивать такую работу, где не нужно выступать перед публикой, где можно, так сказать, сливаться со стенами. Примерно в то время ему стало хуже, и он начал всюду за мной ходить, как тень, постоянно разговаривать со мной, приказывать, делать ультиматумы. Он всегда был рядом, как голос в моей голове. Он вмешивался в мою жизнь, как какой-то диверсант. В разных щекотливых вещах.

— В каких, например?

Мы по-прежнему несемся с большой скоростью.

— Он начал носить мою одежду.

— Носить твою одежду?

— Повторяю, у него есть проблемы… то есть были проблемы. Не думаю, что это навсегда. Сейчас ему лучше, гораздо лучше.

— Вы с ним дружили до того, как он заболел?

— Мы никогда особенно не дружили. Но мы ладили. Мы оба умны и любим соперничество, так что у нас много общего. Не знаю. Я не предвидел того, что случится, — я имею в виду его болезнь. Он вдруг как-то сразу все потерял. Бывает… Но в таких случаях невольно задаешься вопросом, знаешь ли ты кого-то по-настоящему. Он мой брат. Но я понятия не имею, знал ли я его когда-нибудь по-настоящему.

— Наверное, тяжело пришлось… всем.

— Да. — Джейк больше не прибавляет газу, но мы по-прежнему едем слишком быстро. Мне неприятно. Кроме того, уже совсем стемнело.

— Значит, именно это имел в виду твой отец, когда сказал, что твоя мама пережила сильный стресс?

— Когда он тебе такое говорил? И почему он

тебе это говорил?

Джейк снова вдавливает педаль газа в пол. На сей раз я слышу, как мотор набирает обороты.

— Он увидел, что я сижу в твоей комнате. И вошел, чтобы поговорить со мной. Упомянул состояние твоей мамы. Не подробно, но… Джейк, с какой скоростью мы едем?

— Он упоминал трихотилломанию?

— Что?

— Рассказывал, как она выдергивает себе волосы? У брата было то же самое. Она очень этого стесняется. Она выщипала себе почти все брови и ресницы. И уже начала выдирать волосы на голове. Сегодня я заметил у нее несколько проплешин.

— Какой ужас!

— Мама очень болезненная. Она поправится. Я не понимал, что все настолько плохо. Знай я, что сегодня будет такая напряженная атмосфера, я бы не пригласил тебя. Я совсем не так себе все представлял. Но мне хотелось, чтобы ты увидела, где я вырос.

Впервые с тех пор, как мы приехали на ферму, впервые за весь вечер я чувствую себя немного ближе к Джейку. Он во что-то меня впускает. Я высоко ценю его откровенность. Ему вовсе не

нужно было все это мне рассказывать. О таком нелегко говорить, нелегко думать. Такое… такие чувства все осложняют. Может быть, я еще ничего не решила — насчет его, насчет нас, насчет того, чтобы все закончить.

— Во всех семьях свои странности. Абсолютно во всех.

— Спасибо, что поехала со мной, — говорит он. — В самом деле… — Он пожимает мне руку.

– Мы поговорили почти со всеми его сотрудниками, и теперь у нас есть более-менее цельная картина. У него развивались соматические проблемы. И психические тоже. Все это замечали. У него появились высыпания на плече и шее. Лоб постоянно был в поту. Несколько недель назад кто-то видел, как он сидит за столом как будто в трансе; он сидел и смотрел в стену.

– Тревожные признаки.

– Теперь я тоже так считаю. Но тогда все казалось его личным делом — проблемы со здоровьем и все остальное. Никто не хотел вмешиваться. Было несколько инцидентов. В последний год он довольно громко включал музыку на переменах. А когда его просили сделать потише, он как будто не слышал и заводил ту же песню сначала.

– Никто не думал подать официальную жа-

лобу?

– На что? На то, что он слушает музыку? Нет, это казалось мелочью.

– Видимо, нет.

– Двое из опрошенных упомянули, что у него были блокноты. Он много писал. Но никто и никогда не спрашивал, что он пишет.

– Да, наверное.

– Мы нашли эти блокноты.

– И что в них?

– Его записи. У него очень аккуратный, каллиграфический почерк.

– А содержание?

– Содержание чего?

– Тех блокнотов. Разве не это самое важное? О чем он писал? Что там? Что это может означать?

– Ах да. Ну, мы их еще не прочли.

* * *

— Не хочешь остановиться и заправиться чем-нибудь сладким?

Мы больше не молчали, но я перестала задавать ему вопросы. Я больше не упоминала родных Джейка. Лучше мне его не донимать. Наверное, не стоит вмешиваться в личную жизнь. Однако

я до сих пор думаю над тем, что он сказал. Кажется, только теперь я начинаю по-настоящему понимать его, ценить то, через что ему пришлось пройти. Я ему сочувствую. С тех пор как мы сели в машину, я тоже больше не упоминаю о своей головной боли. Наверное, мне стало хуже от вина. И от общей атмосферы старого дома. Болит вся голова. Если сидеть, чуть подавшись вперед, боль немного ослабевает — совсем чуть-чуть. Любое движение, рытвина или поворот сразу отзываются новым приступом.

— Конечно, можно сделать остановку, — говорю я. — А ты-то хочешь?

— Мне все равно, но буду рад, если ты хочешь.

— Ох уж эти твои уклончивые ответы!

— Что? Так поздно открыты только кафе-молочные «Дейри куин». Но там наверняка можно найти и что-нибудь без молока.

Значит, он все-таки помнит о моей непереносимости.

За окошками уже темно. Мы меньше говорим на обратном пути, чем на пути туда. Оба устали, наверное, и каждый думает о своем. Трудно сказать, идет снег или нет. По-моему, идет. Хотя и не сильный. Снегопад только начинается. Я негромко усмехаюсь и поворачиваюсь к окошку.

— Что? — спрашивает он.

— Странно. Я не могла попробовать торт у твоих родителей, потому что в нем было молоко, а мы собираемся остановиться, перекусить, в кафе-молочной «Дейри куин». К тому же сейчас середина зимы. Подмораживает, наверное, и снег идет. Все хорошо, только странно.

По-моему, странно и многое другое, но решаю больше ничего не говорить.

— Я уже целую вечность не ел мороженого из «Дейри куин». Наверное, возьму их фирменное, — говорит он.

Мороженое! Так я и знала! Все очень предсказуемо…

Мы тормозим. На парковке пусто. В одном углу — телефон-автомат, в другом — металлический мусорный контейнер. Сейчас телефоны-автоматы встречаются редко. Почти все будки убрали.

— У меня еще болит голова, — признаюсь я. — По-моему, я устала.

— Я думал, тебе лучше.

— Не совсем. — На самом деле мне хуже. Головная боль граничит с мигренью.

— Плохо? Что, мигрень?

— Нет, не настолько.

Снаружи холодно, ветрено. Снег точно пошел

сильнее. Скорее кружится, чем падает. Но пока еще не оседает на земле. Ляжет, когда будет сильнее. Надеюсь, к тому времени я буду лежать в своей постели, приняв таблетку обезболивающего. Если завтра голова пройдет, все утро буду чистить дорожку. Холод всегда благотворно сказывается на моей голове.

— Похоже, надвигается настоящая метель, — замечает Джейк. — Ветер ледяной.

Я смотрю на ярко освещенные окна «Дейри куин», и меня тошнит. Конечно, в «Дейри куин» никого нет. Странно, что сегодня они вообще открыты. Я замечаю на двери часы работы и соображаю, что через восемь минут закусочная закроется. Над входом нет колокольчика; не слышится и привычной для таких мест музыки. Внутри чистые пустые столики; нигде не видно скомканных салфеток, пустых стаканов и крошек. Закусочная готова к закрытию. Фоном слышится унылое металлическое жужжание автоматов и холодильников. Жужжание напоминает мне телефон. Здесь чем-то пахнет — чем-то химическим. Мы ждем, глядя на мерцающее меню.

Он читает меню. Я по его глазам вижу, по тому, как он трогает свой подбородок.

— Не сомневаюсь, у них найдется что-нибудь

немолочное, — повторяет он.

Джейк вертит в руках длинную красную пластмассовую ложку, которую он выудил из корзины. Меня немного раздражает, что он взял ложку себе, хотя мы даже не знаем, найдется ли здесь что-нибудь безмолочное для меня. Нам еще ехать и ехать. Путь будет еще дольше, если начнется настоящая метель. Может быть, все-таки надо было остаться ночевать на ферме.

Просто там мне было совсем неудобно. Не знаю.

Джейк зевает.

— Ты хорошо себя чувствуешь? Может, дальше я поведу? — предлагаю я.

— Нет-нет, все в порядке. Я выпил меньше, чем ты.

— Мы выпили поровну.

— Но на тебя выпивка действует сильнее. Субъективность и все такое… — Он снова зевает, на сей раз прикрывая рот рукой. — Да, вот видишь, у них есть лимонад с разными вкусами. Он со льдом, без молока… Тебе понравится.

— Да, конечно, — говорю я. — Пожалуй, выпью лимонаду.

Из подсобки выходят две девицы. Они нам явно не рады. Мы им помешали. Обе совсем молодые,

еще подростки. У них разные фигуры, разное телосложение, но во всем остальном они как близнецы. У них одинаковые крашеные волосы, одинаковые черные легинсы, одинаковые коричневые сапоги. Обе явно хотят очутиться где-нибудь в другом месте, и я их не виню.

— Маленький лимонад, пожалуйста. Нет, лучше два лимонада… А средняя порция у вас большая? — спрашивает Джейк.

Одна девчонка хватает большой с виду бумажный стакан и показывает ему.

— Средний, — без выражения говорит она.

Ее напарница отворачивается и хихикает.

— Отлично, — говорит он. — Один маленький, один средний.

— Маленький клубничный, а не обычный, — обращаюсь я к первой девчонке. — В нем нет молока?

Девчонка спрашивает свою напарницу:

— В лимонаде ведь нет мороженого?

Напарница все еще хихикает, ей трудно отвечать. Теперь смеется и первая. Они переглядываются.

— У вас аллергия, что ли? — спрашивает вторая девчонка. — Сильная?

— Умереть я не умру, просто мне будет плохо.

Они нас как будто узнают, и им это странно, как если бы в закусочную вдруг вошел приятель родителей или кто-то из учителей, и им пришлось бы их обслуживать. Именно так они на нас реагируют. Я смотрю на Джейка, но он, похоже, ничего не замечает. Первая девчонка смотрит на него и что-то шепчет второй девице. Обе снова хохочут.

Из подсобки выходит третья девчонка. Должно быть, она подслушивала наш разговор, потому что начинает молча делать мне лимонад. Две другие девицы ее как будто не замечают.

Третья девчонка поднимает голову от аппарата.

— Извините, что тут такой запах, — говорит она. — В подсобке полы покрывают лаком.

Покрывают лаком полы? В «Дейри куин»?

— Ничего страшного, — отвечаю я.

Внезапно у меня появляется чувство — я знаю эту девчонку. Я узнаю ее, но понятия не имею, откуда я ее знаю и когда я ее видела. Лицо, волосы, фигура — все кажется знакомым.

Больше она ничего не говорит. Молча делает мне лимонад. Достает стаканы. Нажимает кнопки, поворачивает рычажки. Стоит перед аппаратом, как будто ждет в очереди в магазине. Пока машина работает, девчонка подставляет

руку под бумажный стакан, ожидая, когда из аппарата польется жидкость.

Такого со мной никогда раньше не случалось — я вдруг узнаю совершенно незнакомого человека. И Джейку ничего не могу сказать. Слишком все было бы странно. Это в самом деле слишком странно.

Третья девчонка тощая и костлявая. С ней что-то не так. Мне ее жаль. Длинные прямые темные волосы падают на спину и на лицо. Руки у нее маленькие. Никаких украшений она не носит — ни цепочки, ни колец. Она выглядит болезненной и какой-то напуганной. А еще у нее сыпь. Сильная сыпь.

Чуть выше запястья я вижу выпуклые бляшки, такие крупные, что их видно даже издали. Выше, у локтя, бляшки еще крупнее, краснее. Я внимательно рассматриваю их. Некоторые нарывают и, наверное, чешутся. А потом сохнут и затягиваются корочками. Должно быть, она все время чешется. Когда я поднимаю глаза, то вижу, что она смотрит на меня. Смотрит в упор. Я краснею и отвожу глаза вниз, смотрю в пол.

Джейк не обращает на нас никакого внимания. Правда, я все время чувствую на себе его взгляд. Слышу, как одна из девчонок сдавленно хихи-

кает. Костлявая накрывает стакан крышкой и ставит на стойку. Потом начинает чесать свою сыпь, стараясь, чтобы было не очень заметно. Не хочу смотреть на нее. Она вроде как выдавливает свои бляшки, почти старается выкопать их из руки. Теперь рука у нее дрожит.

Аппарат крутится. Конечно, ни одной из девчонок не хочется здесь находиться. Не хочется находиться в этой стерильной атмосфере с холодильниками, морозильниками, флуоресцентными лампами, металлическими аппаратами, красными ложками, соломинками, обернутыми в пластик, автоматами со стаканами и тихим, но постоянным жужжанием над головой.

Наверное, еще тяжелее, когда две твои напарницы постоянно тебя дразнят. Не потому ли у костлявой девчонки такой расстроенный вид?

Дело не только в этом кафе «Дейри куин»; дело в самом месте, в этом городке, если здесь есть городок. Сама не знаю, когда можно назвать поселение городком или когда маленький городок становится большим городом. Может быть, здесь ни то ни другое. Кафе на отшибе, вдали от всего. Вдали от всего мира. Я бы здесь заплесневела, если бы не могла отсюда уехать, если бы мне некуда было ехать.

Где-то внутри серебристого аппарата дробится лед и смешивается с концентрированным лимонным соком и сахарным сиропом. Не сомневаюсь, что здешний лимонад без молока очень сладкий.

Ледяной лимонад вытекает из аппарата во второй стакан. Когда стакан наливается до краев, аппарат останавливается, и девчонка накрывает стакан крышкой. Она придвигает стаканы поближе ко мне. Вблизи она выглядит еще хуже. Все дело в ее глазах.

— Спасибо, — говорю я, протягивая руку за лимонадом. Я не ожидаю ответа, поэтому застигнута врасплох, когда девчонка вдруг подает голос.

— Я боюсь, — бормочет она себе под нос.

Я оглядываюсь, желая проверить, слышат ли ее другие девушки. Они не обращают на нее внимания. Как и Джейк.

— Что, прости?

Она смотрит в пол. Руки сцепила перед собой.

— Не должна я так говорить, знаю, что не должна. Я знаю, что будет. И боюсь. Я знаю. Это нехорошо. Это плохо.

— Ты хорошо себя чувствуешь?

— Не надо вам уезжать.

Чувствую, как учащается мой пульс. Джейк достает из корзины соломинки и, наверное, сал-

фетки. Ложки нам не понадобятся.

Одна из девиц смеется — на этот раз громче. Костлявая девчонка напротив меня по-прежнему смотрит в пол, и волосы падают ей на лицо.

— Чего ты боишься?

— Дело не в том, чего я боюсь. Дело в том, за кого я боюсь.

— За кого ты боишься?

— За вас, — говорит она. Передав мне стаканы с лимонадом, она уходит в подсобку.

Джейк, как обычно, ничего не замечает. По пути к машине он ничего не говорит о трех девчонках из «Дейри куин». Временами он как будто отключается и сосредотачивается только на себе.

— Ты заметил ту девушку?

— Которую?

— Ту, что готовила нам лимонад.

— Там было несколько девушек.

— Но лимонад готовила только одна. Костлявая. С длинными волосами.

— Не знаю, — говорит он. — Не знаю. Разве они не все были костлявыми?

Мне хочется поговорить. Рассказать о странной девчонке, о ее сыпи и грустных глазах. Хочется поделиться тем, что она сказала. Надеюсь, ей есть с кем пообщаться. Понять бы, почему она

боится… С чего вдруг она боится за меня?

— Как твой лимонад? — интересуется Джейк. — Не слишком сладкий?

— Нормальный. Не слишком сладкий.

— Я не люблю напитки со льдом, всякие там лимонады и фруктовые коктейли, потому что они всегда приторные. Надо было мне взять мороженое.

— Должно быть, приятно съесть мороженое, когда хочешь.

— Ты понимаешь, что я имею в виду.

Я встряхиваю свой стакан и со скрипом двигаю соломинкой в отверстии крышки — вверх-вниз.

— Он еще и кислый, — говорю я. — Пусть кислота и ненастоящая, и все-таки. Кислота возмещает сладость.

Лед в лимонаде Джейка тает — его стакан стоит в подстаканнике. Скоро у него останется одна вода. Он выпил примерно половину.

— Всегда забываю, как трудно бывает допить до конца. Надо было взять маленькую порцию. Их средняя — на самом деле совсем не средняя.

Я наклоняюсь вперед и включаю печку.

— Холодно? — спрашивает Джейк.

— Да, есть немножко. Наверное, из-за лимонада.

— А еще тут метель. Кстати, кому пришла в голову мысль заказать напитки со льдом? — Он смотрит на меня и поднимает брови. — Не знаю, о чем я думал, — говорит он. — Меня затошнило после четырех глотков.

— Я ничего и не говорю. — Я поднимаю обе руки. — Ни слова!

Мы оба смеемся.

Наверное, я в последний раз сижу в машине с Джейком. Особенно жаль его, когда он такой — шутит, почти счастлив. Может, и не стоит ничего заканчивать? Может, лучше перестать думать об одном и том же и просто радоваться, наслаждаться им? Наслаждаться нами. Радоваться тому, что узнаешь кого-то. Зачем я так давлю на нас? Может, в конце концов мне удастся полюбить и избавиться от страхов, которые сейчас не дают мне покоя. Может быть, тогда все станет лучше. Надеюсь, такое возможно. Может быть, именно так бывает, если затратить время и силы. Но что означает невозможность сказать другому, о чем ты думаешь?

По-моему, это дурной знак. А если он сейчас то же самое думает обо мне? Что, если это он сейчас думает о том, как все закончить, но отчасти ему приятно со мной или я еще не до конца ему на-

доела, поэтому он и держит меня рядом. Просто для того, чтобы посмотреть, что будет. Обидно, если именно такие процессы сейчас происходят в его голове.

Закончить все следует мне. У меня нет другого выхода.

Всякий раз, когда я слышу банальную фразу «Дело не в тебе, а во мне», я с трудом удерживаюсь от смеха. Но в нашем случае все так и есть. Джейк остается Джейком. Он хороший. Умный и по-своему красивый. Будь он придурковатым, полоумным, злобным, уродливым или еще каким-нибудь, тогда я все закончила бы по его вине, из-за него… в некотором смысле. Но он совсем не такой. Он — личность. Просто мне не кажется, что мы с ним пара. Чего-то недостает, и, честно говоря, так было с самого начала.

Так что, наверное, именно так я ему скажу: дело не в тебе, а во мне. Это моя проблема. Проблема у меня. Я ставлю тебя в несправедливое положение. Ты хороший человек. Мне нужно кое в чем разобраться. Тебе нужно жить дальше. Мы старались, мы в самом деле старались. И никогда не знаешь, что произойдет в будущем.

— Похоже, ты устала, — говорит Джейк.

Я вижу, что поставила стакан с лимонадом в

подстаканник. Лед тает. Я устала. Устала.

— Мне холодно. Интересно смотреть, как лед тает, и мерзнуть. Напрасно мы останавливались…

Он смотрит на меня:

— Извини.

— По крайней мере, теперь я могу сказать, что побывала в «Дейри куин» где-то в глухомани, в метель. Больше такого не повторится.

— Надо выкинуть стаканы. Они размокнут, и подстаканник будет липким.

— Да, — говорю я.

— Кажется, я знаю, куда можно поехать.

— Чтобы выкинуть стаканы?

— Скоро будет поворот налево. Если мы повернем и немного проедем, то окажемся возле школы. Там можно выкинуть стаканы.

Неужели в самом деле так важно избавиться от стаканов? Зачем делать крюк только ради того, чтобы выкинуть их?

— Это ведь недалеко? — спрашиваю я. — Снег не ослабевает. Мне в самом деле хочется домой.

— Нет, не очень далеко… по-моему. Просто не хочу выбрасывать стаканы из окна. И у тебя появится возможность лучше осмотреть окрестности.

Не уверена, шутит ли он о том, чтобы я что-то

«осмотрела». Выглядываю в окошко. Вижу только вихри снежинок, кружащих во мраке.

— Ты понимаешь, что я имею в виду, — говорит он.

Еще через несколько минут мы поворачиваем налево. Джейк крутит руль. Если я считала проселочной ту дорогу, по которой мы ехали раньше, то после поворота мне приходится переосмыслить само понятие «проселочная дорога». Здесь, пожалуй, не разъедутся две машины. По обочинам деревья — настоящий лес.

— Точно, школа там, — говорит Джейк. — Теперь припоминаю.

— Неужели ты ходил в эту школу? Она далеко от твоего дома.

— Нет, я здесь никогда не учился. Но мне уже приходилось здесь бывать.

Дорога узкая и извилистая. Вижу только то, что высвечивается фарами. Деревья сменились полями. Видимость почти нулевая. Прижимаюсь носом к стеклу. Окошко холодное.

— Сколько нам еще ехать?

— По-моему, здесь недалеко. Не помню точно.

Я гадаю, зачем мы едем куда-то в глушь. Почему нельзя оставить стаканы на месте — пусть лимонад тает… Предпочла бы поскорее попасть

домой и помыться, а не петлять где-то среди полей. Все как-то непонятно. Я хочу, чтобы это закончилось.

— Наверное, днем здесь красиво, — говорю я. — Мирно. — Стараюсь быть позитивной.

— Да, места здесь труднодоступные.

— Как дорога?

— Грязная, скользкая; я еду медленно. Ее еще не расчищали. Наверное, скоро мы увидим школу. Извини, мне казалось, что она ближе.

Я начинаю тревожиться. Не сильно. Чуть-чуть. Вечер выдался трудным. Дорога сюда, прогулка вокруг фермы, знакомство с родителями. Его мать. То, что сказал его отец. Его брат. И при этом я неотступно думаю о том, как все закончить. Все. А теперь еще этот крюк.

— Смотри, — говорит он. — Так я и знал. Вон она. Я так и знал! Видишь? Вон она! — В нескольких сотнях ярдов впереди справа высится большое здание. Кроме этого, я почти ничего не различаю.

Наконец-то. А после этого мы, может быть, попадем домой.

В конце концов он оказался прав: я с радостью рассматриваю школьное здание. Оно огромное. Должно быть, каждый день сюда приезжают две

тысячи учеников. Типичная большая старая сельская школа. Конечно, я понятия не имею, сколько народу здесь учится, но, наверное, очень много. И все ездят по этой длинной, узкой дороге.

— Ты ведь не ожидала, что она окажется такой? — спрашивает он.

Я сама не знаю, чего я ожидала. Во всяком случае, ничего подобного.

— Зачем такую школу построили здесь, в глуши?

— Сейчас найдем, куда выкинуть стаканы. — Джейк притормаживает, мы останавливаемся у парадного входа.

— Вон там, — показываю я. — Там, видишь?

Впереди, под окнами, велопарковка с единственным велосипедом, прикованным замком, и зеленый мусорный контейнер.

— Точно, — говорит он. — Ну ладно, я сейчас вернусь.

Он хватает оба стакана одной рукой, держа их большим и указательным пальцами, как клещами. Вылезает из машины и с глухим стуком хлопает дверцей. Бежит прочь.

Я смотрю, как Джейк проходит мимо велопарковки и направляется к мусорному контейнеру. Он, как всегда, чуть косолапит, сутулится, идет

опустив голову. Если бы я сейчас увидела его впервые, я бы решила, что он горбится от холода, от снега. Но он просто такой. Я знаю его походку, его осанку. Я узнаю ее. Он шагает широко и размашисто, чуть ли не вприпрыжку. Поставьте его и нескольких других на беговые дорожки и покажите мне их ноги. Я сразу узнаю его по одной походке — даже на процедуре опознания в полиции.

Смотрю в лобовое стекло. «Дворники» включены, они работают со скрипом. Слишком сильно скребут по стеклу. Джейк держит стаканы одной рукой. В другой у него крышка мусорного контейнера. Он заглядывает в контейнер. Ну скорее, бросай же их! Нет, он просто стоит на месте. Что там случилось?

Он оглядывается на машину, на меня. Пожимает плечами. Снова накрывает контейнер крышкой и идет вперед, удаляется от машины. Куда он? Вот он ненадолго останавливается, а потом поворачивает направо, за угол, и скрывается из вида. Стаканы по-прежнему у него.

Почему он их не выкинул?

Темно. Фонарей нет. Наверное, никакого освещения нет с тех пор, как мы повернули на эту проселочную дорогу. А я и не заметила. Здесь

единственный источник света — желтая лампочка на крыше школы. Джейк как-то рассказывал, как темно бывает за городом. На ферме я не так это сознавала. А здесь определенно темно.

Куда он пошел? Я наклоняюсь влево, к рулю, выключаю фары. Передо мной все исчезает. Только одинокая лампа на весь школьный двор. Столько темноты, столько пространства. И снегопад усилился.

Я нечасто оказывалась рядом со школами по ночам, не говоря уже о сельских школах где-то в глуши. Кто на самом деле ходит в эту школу? Должно быть, дети фермеров. Наверное, их привозят на автобусе. Но вокруг нет домов. Здесь вообще ничего нет. Только дорога, лес и поля, поля…

Помню, однажды, когда я училась в старших классах, мне пришлось вернуться в школу поздно ночью. Иногда я задерживалась после уроков на час-другой, если у нас было какое-то мероприятие или собрание. Тогда все было почти таким, как во время обычного школьного дня. Но однажды мне пришлось вернуться поздно, после ужина, когда все уже ушли. Ни учителей. Ни учеников. Я что-то забыла, но уже не помню, что именно.

К моему удивлению, парадная дверь оказалась

открыта. Сначала я постучала в двойные двери, решив, что они заперты. Казалось странным стучать в дверь школы, и все же я попробовала. Потом дернула дверь, а она оказалась открыта. Я проскользнула внутрь. Было так тихо, пустынно — полная противоположность тому, чем обычно бывает школа. Раньше я никогда не оказывалась в школе одна.

Мой шкафчик находился в другом конце здания, так что пришлось долго идти по пустым коридорам. Я подошла к своему классу английского языка. Собралась пройти мимо, но почему-то остановилась у двери и заглянула *внутрь*. Все стулья стояли на столах. Мусорные корзины вынесли в коридор; опустив голову, я увидела их. В школе был сторож, он и убирал в классах. Я понимала, что не должна там находиться, и все же не уходила. Какое-то время я наблюдала за ним. Он был в очках, лохматый. Он подметал. Двигался размеренно, не торопясь. Раньше я ни разу не задумывалась над тем, почему наши классы всегда чистые. Мы приходили на уроки каждый день, занимали классы, а потом расходились по домам, оставляя после себя беспорядок. На следующий день мы приходили, и от нашего беспорядка не оставалось и следа. А я ничего не замечала.

Не обращала внимания. Как и все остальные. Наверное, я бы что-то заметила, только если бы беспорядок не был убран.

Сторож слушал кассету на большом двухкассетнике. На кассете была не музыка, а рассказ — вроде аудиокниги. Звук был включен на полную громкость. Один голос. Рассказчик. Сторож убирал методично. Он меня не видел.

Девчонки из «Дейри куин»… Возможно, они учатся в этой школе. Хотя ездить сюда далековато. Но городок, в котором находится кафе «Дейри куин», наверное, ближайший к школе. Снова включаю фары. Где Джейк? Чем он там занимается?

Я распахиваю дверцу. Снегопад точно усилился; снег покрыл землю, хотя частично подтаял. У меня промокают ноги. Я высовываюсь наружу и прищуриваюсь, вглядываюсь в темноту.

— Джейк! Что ты там делаешь? Иди сюда!

Никакого ответа. Я держу дверцу открытой несколько секунд, высунув голову и прислушиваясь.

— Джейк, поехали! — Тишина.

Я закрываю дверцу. Понятия не имею, где я нахожусь. Вряд ли мне удастся найти свое местонахождение на карте. Точно не удастся.

Возможно, этого места и на карте-то нет. А Джейк меня бросил. Я теперь одна. Одна-одинешенька. Сижу в машине. По пути сюда нам не попалось ни одной машины — правда, я не особенно за ними следила. Но по этой дороге явно не ездят машины, особенно ночью. Не припомню, когда я последний раз сидела в машине в незнакомом месте. Нагибаюсь к рулю, жму на клаксон — раз, другой. В третий раз долго не отпускаю. Я должна была лечь спать несколько часов назад!

Нигде. Вот что значит «нигде». Здесь не большой и не маленький город. Только поля, деревья, снег, ветер, небо, но этого недостаточно. Интересно, что бы подумали девчонки из «Дейри куин», увидев нас здесь? И та, с сыпью на руке. С крупными, выпуклыми бляшками. Наверное, удивилась бы, зачем мы приехали сюда среди ночи, зачем мы подъехали к ее школе. Мне очень жаль ту девчонку. Хотелось бы с ней поговорить.

Зачем она сказала, что боится за меня? Чего она боялась? Может, я могла бы ей помочь. Может быть, мне следовало что-то сделать.

Наверное, в школе ей приходится несладко. Скорее всего, у нее нет друзей. Поэтому в школе ей не нравится. Она умная и способная, но по разным причинам ей больше нравится уходить

из школы, чем приходить туда. Школа должна быть местом, которое ей нравится, где она чувствует себя желанной. Скорее всего, все наоборот. Конечно, это мне только кажется. Может быть, я придаю всему слишком большое значение.

Открываю бардачок. Он забит под завязку, но не обычными для бардачка картами и документами. В нем полно скомканных бумажных носовых платков «Клинекс». Их использовали? Или просто скомкали?

Их очень много. На одном что-то красное. Пятна крови? Я сдвигаю бумажные платки в сторону. Вижу карандаш. Блокнот. Под блокнотом — какие-то фотографии и пара мятых конфетных оберток.

— Что ты делаешь?

Он распахивает дверцу, нагибается, садится в машину; лицо у него раскраснелось, голова и плечи в снегу.

— Джейк! Боже, как ты меня напугал! — Я захлопываю бардачок. — Где ты так долго пропадал? Что ты там делал?

— Избавлялся от стаканов.

— Да ладно, — говорю я. — Залезай быстрее. Поехали!

Он захлопывает дверцу, наклоняется ко мне и

открывает бардачок. Заглядывает внутрь и снова захлопывает крышку. Снег на нем постепенно тает. Его кудри спутаны и *липнут* ко лбу. Очки запотели в машине от тепла. Он довольно красив, особенно с раскрасневшимся лицом.

— Почему ты не выкинул стаканы в мусорный контейнер? Ведь ты там стоял. Я тебя видела.

— Там не мусорный контейнер. Что ты искала в бардачке?

— Ничего. Просто смотрела. Я ждала тебя. Что значит «там не мусорный контейнер»?

— Он заполнен противогололедным реагентом. На те случаи, когда на дорогах гололедица. Я решил, что мусорный контейнер находится сзади, за школой, — говорит он, снимая очки. У него уходит несколько попыток на то, чтобы найти устраивающий его кусок рубашки под курткой, чтобы протереть линзы от влаги. Я уже видела, как он это делает — вытирает очки о рубашку. — Там он и оказался… Мусорный бак. Но я пошел еще дальше. Там, за школой, огромное поле. Кажется, что оно тянется бесконечно. За ним уже ничего не видно.

— Мне здесь не нравится, — говорю я. — Я понятия не имела, чем ты занимался. Должно быть, ты замерз. Зачем, кстати, построили такую

огромную школу в глуши, ведь вокруг нет никаких домов? Там, где строят школу, нужны дома, люди и дети.

— Эта школа старая. Она здесь целую вечность. Вот почему она в таком плохом состоянии. Сюда ходят дети со всех окрестных ферм.

— Точнее, ходили.

— Что ты имеешь в виду?

— Мы ведь не знаем, открыта ли школа до сих пор! Может, она закрыта, просто ее еще не снесли. Ты только что сам сказал, что она в ужасном состоянии. Я не знаю. Здесь как-то пусто. Вакуум.

— Возможно, школу закрыли на каникулы. Такое бывает. Каникулы уже закончились?

— Не знаю. Я ведь только рассказываю о том, что чувствую.

— Зачем им противогололедный реагент в контейнере, если школа не работает?

Верно. Этого я не могу объяснить.

— Здесь очень влажно, — говорит Джейк. Теперь он вытирает лицо полой рубашки, по-прежнему держа в другой руке очки. — Кстати, сзади стоит пикап. Так что, как ни печально, твое предположение, что школу давно закрыли и она не работает, — полная ахинея.

Только он из всех известных мне парней еще

употребляет в разговоре выражения вроде «как ни печально». И еще «ахинея».

— Где «сзади»?

— За школой. Рядом с мусорным баком стоит черный пикап.

— Правда?

— Да, ржавый старый черный пикап.

— Может, его бросили. А что? Идеальное место для того, чтобы бросить развалюху, — за старой полуразвалившейся школой в глухомани. Наверное, лучшего места не найти.

Джейк смотрит на меня. Он думает. Я уже видела у него на лице такое выражение. Многие его манеры и жесты мне хорошо знакомы, они мне нравятся, они подкупают и утешают. Во многом из-за этого я рада, что он здесь. Он надевает очки.

— Под выхлопной трубой лужица.

— Ну и что?

— А то, что на пикапе ездят. Конденсат из выхлопной трубы означает, что мотор недавно заводили. Машина не просто брошена. Кажется, под снегом есть колея… Но конденсат — это точно.

Сама не знаю, что ответить. Постепенно теряю интерес. Быстро.

— Кстати, что значит пикап?

— Значит, в школе кто-то есть, — отвечает Джейк. — Например, рабочий. Не знаю, кто угодно. В школе кто-то есть, вот и все.

Перед тем как заговорить, я немного выжидаю. Сразу вижу, что Джейк на взводе, — сама не знаю почему.

— Нет, пикап может означать все, что угодно. Например…

— Нет, — отрезает он. — «Что угодно» быть не может. В школе кто-то есть. Кто-то, кому не пришло бы в голову сюда приехать, если бы не дела. Если бы тот человек мог быть в другом месте, где угодно, там бы он и находился.

— Ладно, я ведь просто так говорю. Я ничего не знаю. Может, кто-то кого-то подвозил, а машину оставил здесь… Да что угодно.

— Он там один и работает. Уборщик. Прибирает после школьников. Вот чем он занимается всю ночь, пока все спят. Чистит туалеты.

Выносит мешки с мусором. Подбирает объедки. Мальчишки часто писают на пол развлечения ради. Задумайся об этом.

Я отворачиваюсь от Джейка и смотрю в свое окошко на школу. Наверное, тяжело содержать в чистоте такое огромное здание. После того как

куча школьников провела здесь день, школа буквально утопает в грязи. Особенно туалеты и столовая. Неужели убирать здесь приходится одному человеку? Всего за несколько часов?

— Да ладно, кому какое дело? Поехали. Мы и так задержались. Тебе завтра на работу.

И моя голова… она снова разламывается. Впервые после того, как мы вышли из «Дейри куин», Джейк вынимает ключ из замка зажигания и кладет в карман. А я и забыла, что мотор все время работал на холостых оборотах. Иногда чего-то не замечаешь до того, как это не заканчивается.

— К чему вдруг такая спешка? Сейчас еще даже полночь не наступила.

— Что?

— Не так сейчас и поздно. Да еще метель. Раз уж мы здесь… Смотри, как красиво… уединенно. Давай немного подождем.

Я не хочу спорить. Не сейчас, не здесь. Особенно когда я уже приняла решение насчет Джейка… насчет нас. Я снова отворачиваюсь и смотрю в окошко. Как я здесь оказалась? Я громко смеюсь.

— Что? — спрашивает он.

— Ничего, просто…

— Что «просто»?

— В самом деле ничего. Я вспомнила кое-что

забавное, что было на работе.

Он смотрит на меня так, словно не может поверить, что я способна на такую откровенную ложь.

— Что ты думаешь о ферме? О моих родителях?

Неужели он только сейчас решил меня расспросить? Прошло столько времени… Не знаю, что сказать.

— Забавно было посмотреть, где ты рос. Я тебе уже говорила.

— Ты думала, что все окажется именно таким? Ты так все себе представляла?

— Я не знаю, что я думала. Мне нечасто приходилось бывать за городом или на ферме. На самом деле я понятия не имела, как все выглядит. Ну да, примерно так я все и представляла.

— Ты удивилась?

Я ерзаю на сиденье, смещаюсь влево, ближе к Джейку. Странные вопросы. Совершенно ему не свойственные. Конечно, на самом деле я вовсе не думала, что все окажется именно таким.

— Почему, собственно, я должна была удивиться? Почему?

— Мне просто любопытно, что ты подумала. Как по-твоему, там подходящее место для ребенка?

— Твои родители очень славные. Спасибо, что

они меня пригласили. Мне понравился шнурок для очков у твоего отца. Такой милый, старомодный. Он хотел, чтобы мы у них заночевали.

— В самом деле?

— Да. Обещал утром сварить кофе.

— Они показались тебе счастливыми?

— Твои предки?

— Да, мне любопытно. Последнее время я часто о них думаю. Счастливы ли они? Им пришлось много пережить. Я беспокоюсь за них.

— По-моему, они неплохо справляются. Твоей маме определенно досталось, но отец ее всегда поддерживает.

Были ли они счастливы? Я не уверена. Его родители не показались мне откровенно несчастными. Правда, они ссорились — отчасти я их подслушала. И немного пикировались после ужина. Трудно сказать, что такое счастье. Мне показалось, что у них в самом деле что-то не так. Может быть, все связано с братом Джейка. Не знаю. Он сам говорил, что они испытывают сильный стресс.

Он дотрагивается до моей ноги:

— Я рад, что ты поехала со мной.

— Я тоже, — говорю я.

— Правда, для меня это много значит. Я давно

уже хотел, чтобы ты увидела ферму.

Неожиданно он целует меня в шею. Я инстинктивно напрягаюсь, откидываюсь на спинку сиденья. Он склоняется ко мне, привлекает меня к себе. Его рука у меня под рубашкой, он гладит меня по груди поверх бюстгальтера — снизу вверх, сверху вниз. Гладит меня по голому животу, по боку, по пояснице.

Левой рукой он гладит меня по лицу, по щеке. Кладет ладонь мне на затылок, заправляет за ухо прядь волос. Моя голова падает на подголовник. Он целует меня в мочку уха, за ухом.

— Джейк, — говорю я.

Джейк отбрасывает мою куртку, задирает на мне рубашку. Мы останавливаемся, рубашка нам мешает. Он сдирает ее через голову, рубашка падает к моим ногам. Мне хорошо с ним. Его руки. Его лицо. Не надо бы мне… Особенно когда я думаю, как все закончить. Но сейчас мне хорошо с ним. Очень хорошо.

Он целует меня в шею над ключицей…

Может быть, сейчас еще рано. Не важно. Боже… Хочу только одного — чтобы он продолжал делать то, что он делает. Я хочу его поцеловать.

— Стеф… — шепчет он.

— Что?! — Я замираю.

Он стонет, целует меня в шею.

— Что ты сейчас сказал?

— Ничего.

Неужели он назвал меня «Стеф»? В самом деле? Я отстраняюсь, когда он начинает целовать меня в грудь. Закрываю глаза.

— Какого хрена?! — вдруг восклицает он.

Джейк напрягается, отшатывается от меня, а затем снова прижимается ко мне, закрывая меня собой. Меня пробирает дрожь. Он проводит ладонью по стеклу, стирая конденсат.

— Какого хрена? — громче повторяет он.

— Что? — Я нагибаюсь за рубашкой. — Что случилось?

— Ч-черт, — говорит он, по-прежнему прикрывая меня собой. — Как я и говорил, в школе кто-то есть. Сядь. Быстро! Надень рубашку. Скорее!

— Что?

— Не хочу тебя пугать. Одевайся! Он нас видит. Он подсматривал.

— Джейк, о чем ты говоришь?

— Он смотрит на нас!

Мне не по себе. У меня сосет под ложечкой.

— Не могу найти рубашку. Она где-то там, на полу.

— Когда я поднял голову и посмотрел поверх

твоего плеча, я кое-кого увидел. Мужчину.

— Мужчину?

— Да. Он стоял у того окошка, вон там, не двигался, ничего не делал, просто смотрел прямо на машину, на нас. Он нас видел!

— Джейк, ты меня до смерти пугаешь. Мне это не нравится. Зачем он на нас смотрел?

— Не знаю, но это как-то неправильно. — Джейк ошеломлен и расстроен.

— Ты уверен, что там кто-то стоял? Я никого не вижу. — Я разворачиваюсь лицом к школе. Стараюсь сохранять спокойствие. Не хочу еще больше его расстраивать. Вижу окна, о которых он говорит. Но там никого нет. Никого и ничего. Если там кто-то и стоял, оттуда нас, конечно, видно.

— Я убежден! Я его видел! Он… пялился на нас. Наслаждался тем, что следил за нами. Извращенец!

Я нахожу рубашку и надеваю ее через голову. С выключенным мотором в машине стало холодно. Мне нужно снова надеть куртку.

— Расслабься. Наверное, ты был прав и там просто старый уборщик, которому скучно. Вряд ли сюда часто кто-то приезжает. Только и всего.

— Расслабиться? Нет, это ерунда какая-то. Он вовсе не тревожился за нас, не хотел проверить,

все ли с нами в порядке. И скучно ему не было. Он пялился на нас!

— Что ты имеешь в виду?

— Он ухмылялся. Настоящий извращенец!

Я закрываю лицо руками и зажмуриваюсь.

— Джейк, мне все равно. Поехали отсюда!

— А мне не все равно. Он долбаный извращенец. Он не просто смотрел на нас, я уверен. Он совсем рехнулся. Получал удовольствие…

— Откуда ты знаешь?

— Я его видел. Я его знаю. Точнее, знаю таких, как он. Ему должно быть стыдно! Он даже помахал нам или что-то сделал рукой, как будто помахал. Он знает!

— Остынь. Не думаю, что он что-то делал. Да и как ты можешь быть в этом уверен?

— Нет, не могу забыть. Не могу. Прямо вижу его!

— Джейк, пожалуйста, поехали отсюда! Слушай, я тебя прошу! Пожалуйста!

— Сейчас я ему задам! Он не имеет никакого права!

— Что?! Нет! Даже не думай. Поехали! Мы уезжаем!

Я наклоняюсь вперед, но Джейк отбрасывает мою руку — совсем не нежно и не мягко. Он тря-

сет головой. Он в ярости. Его глаза… Руки у него дрожат.

— Мы никуда не поедем, пока я с ним не поговорю. Так нельзя!

Никогда не видела Джейка в таком состоянии, даже близко. Он с силой отбрасывает мою руку. Мне нужно его успокоить.

— Джейк, опомнись! Посмотри на меня! Джейк!

— Мы никуда не поедем, пока я с ним не поговорю.

Я недоверчиво слежу за тем, как он распахивает свою дверцу. Что происходит? Что он делает? Я тянусь к нему, хватаю его за правую руку.

— Джейк! Сейчас метель! Возвращайся в машину. Не думай о нем. Джейк, серьезно, поехали отсюда!

— Жди меня здесь.

Он не просит, а приказывает. Не оборачиваясь, с силой захлопывает дверцу.

— Что? Как глупо, — говорю я в пустой, тихой машине. — Боже! — Я смотрю, как он поворачивает за угол и скрывается из вида. Проходит почти минута, прежде чем я обретаю способность двигаться. Что здесь произошло?

Я в недоумении. Ничего не понимаю. Думала,

я лучше знаю Джейка; мне казалось, что я могу, по крайней мере, предсказать его настроение и реакцию. То, что сейчас происходит, совершенно ему не свойственно. И голос, и выражения… Обычно он не ругается.

Я понятия не имела, что он такой вспыльчивый.

Я слышала о вспыльчивых людях, которые вспыхивают как порох, о хамах на дороге и тому подобном. Видимо, у Джейка то же самое. И никакие мои доводы и просьбы не привели его в чувство, не подействовали на него. Он ушел один, без меня; он как будто меня не слышал.

Не понимаю, зачем ему понадобилось говорить с тем типом, или орать на него, или что он там собрался делать. Почему не оставить все как есть? Тот тип увидел машину перед школой, и ему стало любопытно, кто в ней. Вот и все. Я на его месте тоже бы полюбопытствовала.

Наверное, я просто не сознавала, что Джейк способен на такие эмоции. По-моему, именно этого мне и хотелось. Он никогда не показывал признаков эмоций. Никогда не вдавался в крайности. Вот почему мне так странно. Надо было пойти с ним. Хотя бы предложить. Тогда он, наверное, понял бы, как глупо врываться в школу.

Я нахожу куртку на полу перед задним сиденьем и надеваю ее. Надо было хотя бы попробовать его успокоить. Пошутить, например. Просто… все случилось очень быстро. Смотрю на школу, в ту сторону, куда ушел Джейк. Снег еще идет. И ветер… настоящая метель. Нам вообще не нужно было никуда ехать в такую погоду.

Понимаю, из-за чего он так расстроился. Он снял с меня рубашку. Мы собирались заняться сексом. Все бы получилось. Джейк чувствовал себя уязвимым. Из-за сознания своей уязвимости мы теряем способность рассуждать здраво. Но ведь без рубашки-то осталась я. А мне хотелось одного — уехать. Уехать отсюда. Так нам и надо было поступить.

Джейк заметил того типа. Если бы я подняла голову и увидела, что кто-то пялится на нас из окна школы, когда мы в таком виде, в таком положении, независимо от того, чем он там занимался, не исключено, что и я бы тоже вышла из себя. Особенно если бы тот тип оказался странным с виду. Я бы точно испугалась.

Кто он такой?

Ночной сторож? Уборщик, как предположил Джейк? Только это и имеет какой-то смысл, хотя кажется каким-то устаревшим.

Что за работа — ночной сторож? Ночь за ночью он здесь совершенно один. Особенно в такой школе. В безлюдном месте, где вокруг на много миль никого. Хотя… может быть, ему это нравится, может, он любит одиночество. Работать не спеша, в удобном для себя ритме. Просто делать свое дело. Никто не говорит ему, как и когда убираться. Лишь бы дело было сделано. Так приятно работать. За долгие годы у него накопились определенные привычки, и он все делает машинально, даже не задумываясь. И даже если кто-то оказывается рядом, уборщика, как правило, не замечают.

Да, в такой работе определенно что-то есть. Мне нравится не уборка помещения как таковая, а одиночество, уединение. Пусть он всю ночь на ногах, зато не приходится сталкиваться с учениками, не нужно видеть, как они беспечны, какие они грязнули, неряхи и свиньи. Правда, это ему известно лучше, чем кому-либо другому, потому что он прибирает за ними. Больше никто не изъявил такого желания.

Если бы я могла работать одна, наверное, я бы предпочла такую работу. Я в этом почти уверена. Никаких разговоров ни о чем, никаких обсуждений грядущих планов. Никто не подходит к

твоему столу, чтобы донимать тебя вопросами. Делаешь свое дело, и все. Если бы я могла в основном работать одна и по-прежнему жила одна, все было бы проще. Все было бы гораздо естественнее.

И все-таки… один всю ночь, особенно в такой большой школе. От такой работы мурашки по коже. Я смотрю на школу. Во всем здании темно. Темно и тихо, как сейчас в машине.

Единственная книга, которую Джейк мне подарил, а подарил он мне ее примерно через неделю после нашего знакомства, называется «Пропащий», и написал ее немецкий писатель, какой-то Бернхардт. Он уже умер, и я не знала о книге, пока Джейк мне ее не подарил. На обороте титула он написал: «Еще одна печальная история».

Вся книга — сплошной монолог. Джейк подчеркнул один абзац: «Существовать ведь значит не что иное, как отчаиваться… мы ведь даже не в состоянии просто жить, не способны существовать, мы не существуем, нами существуют!» После того как я прочла книгу, я все время думала о том, что это означает. Еще одна печальная история.

Слышу откуда-то справа резкий металлический лязг. Он доносится со стороны школы. Он меня

пугает. Я оборачиваюсь на звук. Ничего, кроме снежного вихря. Никакого признака движения или света, кроме желтой лампы. Жду других звуков, но не слышу ничего.

Мне показалось, или что-то мелькнуло в окне? Не знаю. Я определенно что-то слышала. Не сомневаюсь.

Снег повсюду. Он почти замел даже дорогу, по которой мы приехали. Дорога шагах в пятидесяти от школы. В машине очень холодно. Инстинктивно подношу руку к вентиляционной решетке. Джейк заглушил мотор, а ключи унес с собой. Он поступил так, не думая.

Снова громкий лязг. И еще. Сердце скачет — бьется быстрее, тяжелее. Я оборачиваюсь и снова выглядываю из окошка. Не хочу больше смотреть. Мне здесь не нравится. Я хочу уехать. Теперь я правда хочу уехать. Хочу, чтобы все закончилось. Где Джейк? Что он делает? Давно ли он ушел? Где мы?

Я — человек, который проводит много времени в одиночестве. Я высоко ценю свое уединение. Джейк считает, что я провожу в одиночестве слишком много времени. Возможно, он и прав. Но сейчас я не хочу быть одна. Особенно здесь. Как мы с Джейком говорили по пути сюда, контекст

— это все.

Снова лязгающий удар. Он громче предыдущих и определенно доносится изнутри школы. Как глупо! Ведь это Джейку утром нужно на работу, а не мне. Я могу и поспать. Почему я на это согласилась? Я вообще не должна была с ним ехать. Надо было давным-давно все закончить.

Как я здесь оказалась? Я не должна была соглашаться ехать к его родителям, смотреть дом, в котором он вырос. Я поступила некрасиво. Но мне было любопытно. Сейчас мне положено сидеть дома, читать или спать. Не вовремя я здесь оказалась! Я должна лежать в постели. Я знала, что у нас с Джейком все не затянется. Знала! Знала с самого начала. И вот я сижу в этой дурацкой стынущей машине. Я распахиваю дверцу. Снаружи проникает больше холода.

— Дже-е-ейк!

Никакого ответа. Сколько прошло времени? Десять минут или больше? Ему давно пора вернуться… Все произошло так быстро. Он ничего не желал слушать; твердил, как одержимый, что должен найти того типа. Для чего? Для того, чтобы поговорить с ним, наорать на него, подраться или… в чем суть?

Похоже, Джейк расстроен из-за чего-то другого,

о чем я даже не догадываюсь. Надо бы пойти и поискать его. Я не могу вечно торчать тут, в машине. Но он велел мне оставаться здесь. Такими были его последние слова.

Мне все равно, пусть злится. Он не должен был бросать меня здесь совсем одну. В темноте. На холоде. В то время, когда я думаю, как все закончить. Просто безумие. Мы забрались в какую-то самую настоящую глушь, глухомань. Так нечестно — бросать меня в полном дерьме! И сколько мне здесь торчать?!

Но что еще я могу делать? Вариантов у меня немного. Наверное, придется остаться. Пешком отсюда никуда не доберешься. И вообще слишком холодно и темно. И позвонить никому нельзя, потому что мой дурацкий телефон сел. Придется ждать. Но я не хочу просто сидеть на холоде. Тем более что холодает все сильнее. Я должна его найти.

Я оборачиваюсь и шарю рукой по полу за водительским сиденьем. Я ищу шерстяную шапку Джейка. Я видела, как он надевал ее, когда мы только садились в машину. Я нащупываю ее. Хотя она мне великовата, сейчас шапка очень пригодится. Я надеваю ее. Не очень-то она и велика. Сидит на мне лучше, чем ожидалось.

Я открываю дверцу, спускаю ноги на землю, вылезаю из машины. Осторожно, не хлопая, закрываю дверцу.

Медленно иду к школе. Меня пробирает дрожь. Слышу только хруст шагов, скрип снега. Ночь темная. Темно, хоть глаз выколи! Наверное, здесь всегда так темно. Вижу пар, который выходит у меня изо рта и рассеивается вокруг меня. Ветер несет снег под углом. Ненадолго задираю голову и смотрю на небо. Вижу звезды. Как странно, что здесь столько звезд. Можно подумать, что ветер нагонит облака. Но все небо усыпано звездами. Они повсюду!

Я подхожу к окну и заглядываю внутрь. Приставляю руку ко лбу в виде козырька. Изнутри окна закрыты жалюзи. В щелях между панелями почти ничего не видно. Судя по всему, там библиотека или канцелярия. Вижу стеллажи. Стучу по холодному стеклу. Оглядываюсь на машину. Я шагах в тридцати от нее. Снова стучу, сильнее.

Вижу зеленый контейнер. Подхожу к нему и снимаю крышку. Джейк был прав. Контейнер до половины заполнен противогололедным реагентом, технической солью. Кладу крышку на место. Крышка зазубренная, покореженная; она не ложится в пазы. Не могу больше сидеть в машине.

Мне нужно поискать Джейка. Иду за угол, куда скрылся Джейк. Я еще различаю его следы, хотя и с трудом.

Я ожидала найти за школой игровую площадку. Правда, это старшая школа; скорее всего, там нет никакой площадки. Поворачиваю за угол, иду по следу Джейка. Я просила, умоляла его остаться в машине со мной. Нам здесь совсем не место!

Вижу впереди два зеленых мусорных бака, а за ними — огромное темное пространство поля. Должно быть, в эти мусорные баки он выкинул стаканы. Где он?

— Джейк! — кричу я, идя к бакам. Мне не по себе, все как-то зыбко. Мне здесь совсем не нравится. И еще больше не нравится, что я здесь одна. — Что ты там делаешь? Джейк! Дже-е-ейк! — Я ничего не слышу. Ветер. Слева от меня — баскетбольная площадка. На погнутых кольцах нет ни сетки, ни цепей. Впереди в поле футбольные ворота — тоже без сетки. Ржавые стойки по обе стороны поля.

Для чего мы сюда приехали? Неужели мне правда нужно какое-то оправдание для того, чтобы все закончить? Я намерена долгое время оставаться одинокой, возможно, вечно, и мне это нравится. В самом деле нравится. Наедине с собой я счастлива. Одинока, но довольна. Одиночество

— не самое плохое. Быть одной совсем не плохо. С одиночеством я справляюсь. Мы не можем получить все. Я не могу получить все.

Впереди, сразу за мусорными баками, виднеется дверь. Должно быть, Джейк в школе.

За школой ветер сильнее. Дует как в аэродинамической трубе. Приходится придерживать ворот куртки. Быстро, опустив голову, подхожу к окну рядом с дверью.

У нас все равно ничего бы не получилось. Я знала. Знала с самого начала. Он очень ждал этой поездки, считая, что наши отношения развиваются. Вряд ли он захотел бы повезти меня к родителям, знай он все, о чем я думаю. Редко бывает, чтобы другие знали все, о чем мы думаем. Даже те, кто нам ближе всех, или считают, что ближе всех. Может быть, такое вообще невозможно. Может быть, даже в самых долгих, близких, самых успешных семейных союзах один партнер не всегда знает, о чем думает другой. Влезть в голову другому невозможно. Как невозможно узнать, о чем другой думает. Его мысли. А ведь мысли — самое главное. Мысль — это реальность. Поступки можно подделать.

Я подхожу к окнам, заглядываю внутрь. Длинный коридор — такой длинный, что конца не

видно. Там темно. Я стучу в стекло. Хочу закричать, но понимаю, что это бесполезно.

Что-то движется в дальнем конце коридора. Джейк? Нет, вряд ли. Джейк был прав. Кто-то. Там действительно кто-то есть.

Я пригибаюсь, отхожу от окна. Сердце готово выскочить из груди. Приподнимаюсь, осторожно заглядываю внутрь. Ничего не слышу. Там кто-то есть! Это мужчина.

Он очень высокий. У него на руке что-то болтается. Он смотрит в мою сторону. Стоит не двигаясь. Вряд ли он меня видит. К тому же он очень далеко. Почему он не двигается? Что он делает? Просто стоит. Неподвижно.

Он держит метлу или швабру. Хочу присмотреться, но вдруг мне делается страшно. Прижимаюсь головой к кирпичной стене. Не хочу, чтобы он меня увидел. Закрываю глаза, зажимаю рот ладонью. Я не должна здесь находиться. Не должна. Дышу носом, втягиваю воздух и с силой, встревоженно выдыхаю.

У меня чувство, будто я под водой, меня тянет вниз, и я беспомощна. Чувствую, как бьется, бьется пульс. А если он может мне помочь? Может, спросить его, где Джейк? Жду секунд двадцать и очень медленно поднимаю голову, чтобы загля-

нуть внутрь.

Он еще там, на том же месте. Стоит и смотрит в мою сторону. Смотрит на меня. Хочу закричать: «Что вы сделали с Джейком?!» — но зачем? Откуда мне знать, сделал он что-нибудь с Джейком или нет? Я должна стоять неподвижно, тихо. Я слишком напугана. Вижу, что он долговязый, но не могу его отчетливо разглядеть. Коридор такой длинный. Тот тип кажется старым, а может, он просто сутулый. На нем темно-синие штаны. И рубашка тоже темная; наверное, это его рабочая одежда.

Что у него на руках? Желтые перчатки? Резиновые перчатки? Желтое тянется почти до локтей. И еще что-то на голове. Не могу разглядеть его лицо. Он в маске! Не надо туда смотреть. Я должна оставаться внизу, прятаться. Надо придумать, как выбраться отсюда. Меня прошибает пот. Чувствую, как он течет по шее, по спине.

У него в руках швабра. Возможно, сейчас он водит ею по полу. Я прищуриваюсь. Он движется. Как будто танцует со шваброй.

Прижимаюсь к стене, чтобы он меня не видел. Когда я снова смотрю в окно, его там нет. Нет, он там! Он на полу. Он лежит ничком на полу. Руки прижаты к бокам. Он просто лежит и, кажется,

водит головой из стороны в сторону. И вверх-вниз — тоже, чуть-чуть. Мне это не нравится. Он что, ползет? Да. Он ползет, скользит по коридору, смещается вправо.

Как нехорошо… Я должна найти Джейка. Нам надо выбраться отсюда. Мы должны сейчас же уехать. Здесь что-то не так. Серьезно, здесь что-то не так!

Подбегаю к двери черного хода. Я должна войти.

Дергаю ручку. Дверь открыта. Я переступаю порог. Под ногами плиточный пол. Тускло освещенный коридор кажется бесконечным.

— Джейк!

Сильно пахнет антисептиком, чем-то химическим, чистящими порошками. Не слишком полезно для моей головы. На время я забыла о своей головной боли, а сейчас она напомнила о себе. Тупая боль, как раньше.

— Эй!

Я делаю несколько шагов. Дверь с глухим стуком закрывается у меня за спиной.

— ДЖЕЙК!

Слева от меня застекленная витрина на деревянном каркасе. За стеклом кубки, памятные таблички, вымпелы. Чуть дальше впереди,

справа, должно быть, канцелярия. Я подхожу к стеклянной перегородке и заглядываю внутрь. Все выглядит старым: мебель, стулья, ковер. Вижу несколько письменных столов.

В коридоре впереди меня сплошные шкафчики. Темные, выкрашенные в синий цвет. Иду дальше; в нишах между шкафчиками двери. Все они закрыты. Свет не горит. В конце этого коридора есть еще один коридор.

Подхожу к одной из дверей, дергаю ручку. Заперто. В дверном полотне прямоугольная стеклянная панель. Заглядываю внутрь. Вижу столы и стулья. Самый обычный школьный класс. Коридорные светильники, наверное, ночью переключают на половинную мощность — видимо, экономят электричество. Во всяком случае, коридор освещен еле-еле.

Мои мокрые туфли скрипят на ходу. Идти бесшумно невозможно. В конце коридора открытые двойные двери. Осторожно подхожу к ним, высовываю голову. Смотрю направо, потом налево.

— Джейк! Эй! Есть кто-нибудь? Эй!

Ничего.

Иду дальше, поворачиваю налево. Снова шкафчики. Только рисунок на полу отличается цветом и узором; в остальном этот коридор такой же,

как предыдущий. У следующего поворота вижу открытую дверь. Она деревянная, сплошная, без стекла. Но она широко распахнута. Осторожно переступаю порог. Стучусь, зову:

— Эй!

Первым делом мне на глаза попадается серебристое ведро, в котором плещется мутноватая вода. В комнате что-то знакомое. Я знала, как она выглядит, еще до того, как вошла туда. Ведро стоит на четырех колесиках. Швабры нет. Думаю, не позвать ли Джейка, но не делаю этого.

Комната — она больше напоминает просторный чулан — в основном пустая и грязная. Отойдя на пару шагов от порога, замечаю календарь, который прикреплен к дальней стене клейкой лентой. Посреди бетонного пола канавка. В ней вода.

В дальнем левом углу у стены стоит деревянный стол. Стула я не вижу. Рядом шкаф. Не какой-то особенный, а самый обыкновенный высокий шкаф. Похожий на гроб, который поставили на попа.

Осторожно подхожу, переступив через канавку. Здесь на стене тоже висят картины. На столе чашка с остатками кофе. Столовые приборы — один комплект. Тарелка. Белая микроволновка.

Подхожу ближе, чтобы рассмотреть фотографии. На одной фотографии, приклеенной к стене, мужчина и женщина. Супружеская пара. Или, может быть, брат и сестра; они похожи. Мужчина старый. Он высокий, гораздо выше, чем женщина. У нее прямые седые волосы. У обоих длинные лица. Ни один из них не улыбается. Они не выглядят ни счастливыми, ни несчастными. Застыли без всякого выражения. Странное фото — зачем его повесили на стену? Чьи-то родители?

На нескольких других фото запечатлен мужчина. Похоже, он не догадывался, что его снимают, а если даже и догадывался, то не хотел сниматься. Верх его головы не уместился на снимке; он вырезан из рамки. На одной фотографии он сидит на столе; возможно, это его рабочий стол. Отклонился назад и закрывает лицо левой рукой. Снимок не слишком хороший. Все фотографии в пятнах. Выцветшие. Должно быть, на них он, тот человек, которого видел Джейк, и которого я видела в коридоре.

Вглядываюсь, изучаю его лицо на фотографиях. Глаза у него грустные. И знакомые… Знакомое выражение…

Сердце бьется быстрее, еще быстрее. Я его чувствую. Чем он занимался до того, как приехали

мы? Он никак не мог знать, что мы приедем сюда, — мы или кто-то еще. Я его не знаю.

Посреди стола, рядом с несколькими документами, валяется кусок материи, обыкновенная скомканная тряпка. Я не сразу замечаю ее. Осторожно беру в руки. Она чистая и очень мягкая, как будто ее стирали несколько сотен или даже тысяч раз.

Но нет. Это вовсе не тряпка. Когда я разворачиваю кусок материи, то вижу, что у меня в руках маленькая рубашка, детская рубашка. Голубая в белый горошек. Один рукав оторван.

Я переворачиваю ее. На середине спинки крошечное пятнышко краски. Я роняю рубашку на стол. Я ведь знаю ее! Горошек, пятно краски… У меня была такая же.

Это была *моя* рубашка. Это не может быть моя рубашка… и все-таки. Когда я была маленькая. Я совершенно уверена. Как она здесь оказалась? На другой половине стола маленькая видеокамера. От нее отходят два кабеля; они присоединены к телевизору.

Беру камеру в руки. Она старая, но довольно легкая. Нахожу на телевизоре кнопку включения. Изображения нет, только серый экран с помехами. Я хочу уйти. Мне здесь не нравится. Хочу

уехать домой.

— Эй! — кричу я. — Джейк!

Осторожно кладу камеру на стол. Осторожно нажимаю кнопку «Воспроизведение». Экран оживает. Там уже не помехи. Я наклоняюсь к телевизору. Вижу какую-то комнату. Передо мной стена. Доносятся какие-то звуки… Нахожу на телевизоре нужную кнопку, делаю погромче. Слышу жужжание или мурлыканье. И дыхание. Чье дыхание? Передо мной та же самая комната. Комната, в которой стою я. Узнаю стены, фотографии и письменный стол. Изображение сдвигается ниже; я вижу пол.

Камера двигается. Тот, кто ее держит, выходит за дверь, идет по коридору. Я слышу медленные шаги того, кто снимает; такое впечатление, что он идет по плиточному полу в резиновых сапогах. Шагает нарочито медленно и осторожно. Камера показывает большую комнату — наверное, школьную библиотеку. Она движется целеустремленно, вперед, сквозь ряды столов, стопки книг и стеллажи. На противоположной стороне окна. Камера приближается к окнам. Они высокие и закрыты горизонтальными жалюзи от пола до потолка. Камера замирает, но запись продолжается.

Видимо, чья-то рука — ее не видно — сдвигает жалюзи чуть влево. Они звенят. Камера двигается выше, показывает то, что за окном. Снаружи стоит пикап. Старый пикап.

Изображение увеличивается. Становится крупнее и хуже. Качество при таком увеличении, конечно, страдает. В пикапе кто-то сидит. Сидит на водительском месте. Он… похож на Джейка. Неужели там Джейк? Нет, не может быть. Но он правда похож…

Съемка резко обрывается. Слышу громкий треск помех. От неожиданности я вздрагиваю.

Надо уходить отсюда. Сейчас же!

Я быстро иду к той двери, в которую я вошла. Не знаю, кто тот человек, который здесь находится, что здесь вообще происходит и где Джейк, но мне нужна помощь. Я не могу здесь оставаться. Я побегу назад, к городку; пусть даже пробежка займет всю ночь. Пусть даже я замерзну до полусмерти. Мне нужно с кем-нибудь поговорить. Может, удастся остановить какую-нибудь машину, когда я выберусь на главную дорогу. Там ведь где-то должны быть какие-то машины.

Помощь нужна мне с того мига, как я сюда попала.

Поворачиваю налево, потом направо. Иду быст-

ро. Точнее, стараюсь. Я не могу идти так быстро, как мне хочется; ноги словно увязают в жидкой грязи. В коридоре пусто. Никаких признаков Джейка.

Озираюсь по сторонам. Темнота. Пустота. Понимаю, что я не одна, так не может быть, но я чувствую себя одинокой. В течение дня школа такая оживленная, полная народу. Каждый шкафчик олицетворяет какого-то человека, чью-то жизнь. Там оставляет свои вещи ребенок, у которого есть свои интересы, друзья и мечты. Но сейчас все это совершенно ничего не значит.

Школа — такое место, куда все обязаны ходить. Школа — это перспектива. Школа связана с будущим. С ожиданием чего-то, с прогрессом, ростом, созреванием. Предполагается, что здесь безопасно. Но сейчас все наоборот. Здесь похоже на тюрьму.

Дверь в конце коридора. Можно сидеть в машине и надеяться, что Джейк придет, а можно пешком пробраться на главную дорогу. А если Джейк уже в машине и ждет меня? Так или иначе, в машине можно посидеть спокойно и все обдумать.

Прохожу канцелярию. На двери что-то тускло поблескивает. Цепочка?! Не может быть. Я ведь

совсем недавно вошла в ту дверь. Да. На двери металлическая цепочка. И замок.

Кто-то закрыл дверь на цепочку и запер ее на замок. Изнутри. Оборачиваюсь, смотрю в конец коридора. Когда я останавливаюсь, наступает полная тишина. Здесь ни звука. Это та самая дверь, в которую я вошла. Тогда она была открыта. Сейчас она заперта. Должно быть, ее запер он… Не понимаю, что происходит.

— Кто здесь? Кто здесь? Эй! Джейк! Отзовись! Пожалуйста!

Тишина. Мне нехорошо. Что-то не так.

Прислоняюсь лбом к стеклянной перегородке. Она холодная. Закрываю глаза. Хочу одного — оказаться далеко отсюда, снова в своей квартире, в своей постели. Не нужно было ехать сюда с Джейком.

Смотрю в окно. Черный пикап по-прежнему на месте. Где он?

— Джейк!

Бегу назад по коридору; подошвы скрипят. Подбегаю к окнам, которые выходят на фасад. Нет! Не может быть. Машины нет. Нет машины Джейка. Ничего не понимаю. Он же не мог оставить меня здесь! Кто угодно, только не Джейк… Оборачиваюсь и бегом возвращаюсь туда, откуда

я пришла; пробегаю мимо шкафчиков к двери, в которую я вошла, к двери, которая сейчас заперта на цепочку.

— Кто здесь? Эй! Чего вы хотите? — И тут я вижу лист бумаги. Он засунут в одну из петель металлической цепочки. Маленький скомканный лист бумаги. Беру, разворачиваю. Руки у меня дрожат. Единственная строчка, написанная кое-как: «Каждый год в Америке совершается более миллиона тяжких преступлений. А что творится в этой школе?»

Бросаю бумажку, отхожу от нее. Меня охватывают внезапный страх и тревога. Он что-то сделал с Джейком. А теперь охотится на меня. Мне нужно выбираться отсюда! Надо перестать кричать. Мне нужно спрятаться. Я не должна была кричать и шуметь. Он поймет, что я здесь, узнает, где я. Интересно, видит ли он меня сейчас? Нужно срочно найти другое место. Главное — не стоять в коридоре, который просматривается со всех сторон.

Комната, класс… стол, под которым можно спрятаться.

Что-то слышу. Шаги. Медленные. Резиновые сапоги скрипят по плитке. Скрип доносится из другого коридора. Мне нужно спрятаться. Сроч-

но!

Отбегаю от лестницы, прохожу в двойные двери, оказываюсь в просторном помещении. Напротив, у стены, тускло мерцают торговые автоматы. Зал уставлен длинными столами. Я в школьной столовой. В передней части зала возвышение. В дальней стене единственная дверь. Подбегаю к ней.

За дверью лестница. Мне нужно двигаться, убраться подальше. Единственный выход — подняться наверх. Понимаю, что не должна шуметь, но здесь сильное эхо. Не знаю, идет ли он за мной. Останавливаюсь на полпути и прислушиваюсь. Я ничего не слышу. На этой лестнице нет окон. Но запах тот же самый — химический запах. Здесь он даже сильнее. Голова болит все сильнее.

Добравшись до площадки, я обливаюсь потом. Пот течет по мне. Я расстегиваю куртку. Справа от меня дверь; можно зайти, а можно подняться еще выше, на третий этаж. Пробую дверь. Она не заперта; прохожу в нее. Дверь мягко закрывается у меня за спиной.

Еще один коридор со шкафчиками и классами. Впереди слева фонтанчик с питьевой водой. До сих пор я даже не сознавала, как сильно хочу пить. Наклоняюсь, отпиваю глоток. Плескаю во-

дой в лицо, мою шею, затылок. Я выбилась из сил. Коридор очень похож на тот, что внизу. Длинные коридоры и вообще вся школа — огромный лабиринт. Ловушка.

В динамиках слышится негромкая музыка.

Это старая песня кантри. Я знаю ее: «Эй, красотка». Та же песня, которую мы с Джейком слушали в машине, когда ехали на ферму. Та же самая!

Сбоку длинная скамья. Опускаюсь на колени и кое-как устраиваюсь за ней, скрючившись. Прячусь за спинкой. Пол твердый. Зато с моего места видна дверь. Я увижу, если кто-то войдет. Не свожу с двери взгляда. Слушаю песню до конца. Секунда или две паузы, а потом песня начинается с самого начала. Зажимаю уши, но все равно слышу ее — ту же песню. Я долго креплюсь, но не выдерживаю. Я начинаю плакать.

До последнего времени, до всего этого, до сегодняшней ночи, когда меня спрашивали о самом страшном происшествии в моей жизни, я всем говорила одно и то же. Рассказывала о миссис Вил. Большинство из тех, кому я это рассказывала, вовсе не находили историю страшной. Мне казалось, что им скучно слушать меня, а когда я доходила до конца, они бывали разочарованы. Да, надо признаться, что моя история не похожа

на кино. От нее волосы не встают дыбом, сердце не останавливается, ее не назовешь леденящей кровь, в ней нет ничего особенно яркого или жестокого. Никаких внезапных поворотов, способных напугать. Кстати, меня все это не пугает. Зато вещи, способные сбить с толку, нарушить привычный ритм, исказить и извратить реальность, — вот это по-настоящему страшно.

Может быть, происшествие с миссис Вил не трогает других, потому что в нем отсутствует драма. Это просто случай из жизни. Но для меня именно поэтому все было так страшно. И страшно до сих пор. Я не хотела переехать к миссис Вил и жить с ней.

Первый раз я увидела миссис Вил у нас на кухне. Мне было семь лет. Ее имя я слышала много лет. Она часто звонила маме по телефону. Звонила и подробно рассказывала обо всех своих невзгодах. Мама всегда выслушивала ее. И нельзя сказать, чтобы мама не рассказывала ей о своих делах. Их телефонные разговоры длились часами. Иногда, когда она звонила, подходила я, и, как только я слышала голос миссис Вил, мне делалось не по себе. Иногда я все же пыталась подслушивать, если мама подходила к другому аппарату, но она всегда почти сразу же говорила:

— Все хорошо. Я подошла, так что можешь повесить трубку.

Правая рука у миссис Вил была в гипсе. Помню, мама говорила, что с миссис Вил вечно что-то происходит: то бандаж на запястье, то скобка на колене. Лицо у нее было именно таким, как мне казалось, когда я слышала ее голос по телефону — острым и старым. На голове — каштановые кудряшки.

Она приехала к нам домой за свиным салом. Обычно мама хранила сало в контейнере в морозилке. Миссис Вил готовила на сале йоркширский пудинг, а само сало не ела. Время от времени мама где-нибудь с ней встречалась или отвозила сало к ней домой.

В тот раз мама пригласила миссис Вил к нам. Я в тот день не пошла в школу, потому что болела. Я сидела на кухне. Мама заварила чай; миссис Вил принесла овсяное печенье. Мама отдала ей сало, а потом они пили чай и разговаривали.

Миссис Вил не поздоровалась со мной, даже не взглянула в мою сторону. Я была по-прежнему в пижаме. У меня была температура. Я ела тост. Мне неприятно было сидеть с ней за одним столом. А потом мама вышла — не помню зачем; может быть, пошла в туалет. И я осталась на-

едине с этой женщиной, миссис Вил. Я едва могла шевелиться. Миссис Вил прекратила делать то, чем она занималась, и посмотрела на меня.

— Ты хорошая или плохая? — спросила она, наматывая себе на палец прядь волос. — Сдаешься — значит, плохая.

Я понятия не имела, о чем она говорит, не знала, что ей ответить. Ни один взрослый, особенно незнакомый, никогда раньше так со мной не разговаривал.

— Если ты хорошая, возьми печенье. Если ты плохая, тебе, наверное, придется переехать ко мне. Я заберу тебя у родителей.

Я оцепенела. Лишилась дара речи.

— Нельзя быть такой застенчивой. Ты должна себя преодолеть.

Ее голос был точно таким, как по телефону — тонким, скрипучим и визгливым. В ней не было ничего приветливого или дружелюбного. Она смотрела на меня в упор.

Даже в лучшие времена я не любила разговаривать с чужими людьми. Я боялась незнакомцев и часто испытывала унижение, если все же приходилось что-нибудь объяснять им или говорить с ними, даже о мелочах. Мне всегда сложно было знакомиться с новыми людьми. Приходилось

заставлять себя смотреть людям в глаза. Я положила корку тоста на тарелку и посмотрела куда-то поверх ее плеча.

— Я хорошая, — не сразу ответила я и почувствовала, как краснею. Я не понимала, зачем она задала мне такой вопрос, и это меня пугало. Меня всегда обдавало жаром, если я пугалась или тревожилась. Откуда человеку знать, хороший он или плохой? Печенья я не хотела.

— А я какая? Что мама рассказывает обо мне? Что она говорит обо мне?

Она улыбнулась — такой улыбки я никогда раньше не видела. Ее губы растянулись и стали похожи на алую рану. Пальцы у нее были жирные и блестели — она держала банку с салом.

Когда мама вернулась на кухню, миссис Вил начала перекладывать сало из маминого контейнера в свою банку. Она ни словом не обмолвилась о нашем разговоре.

Всю ночь маме было плохо. Она не спала, ее рвало, она плакала. Я не спала и все слышала. Это она! Маму тошнило от печенья миссис Вил. Я знаю. Позже мама сказала, что, наверное, она подхватила желудочную инфекцию, но я-то знаю правду. У нее было пищевое отравление.

Мы с мамой ели на ужин одно и то же, но меня

не тошнило. И гриппа в то время не было. К утру у мамы все прошло. Она была немного обезвожена, но в остальном все нормально. Она отравилась, потому что съела печенье. А я нет.

Мы не можем знать и не знаем, что думают другие. Мы не можем знать и не знаем, что служит причиной для тех или иных поступков других. Никогда. Не до конца. Таким было мое ужасное детское прозрение. Просто мы никогда никого не знаем до конца. Я не знаю. И вы тоже.

Поразительно, как можно завязывать отношения и жить в них, понимая, что так никогда ничего и не узнаешь. Никогда не узнаешь наверняка, о чем думает другой. Никогда не узнаешь наверняка, кто он. Мы не можем делать все, что нам хочется. Есть определенные шаблоны, в соответствии с которыми мы обязаны поступать. Есть вещи, которые мы обязаны говорить.

Но думать, что хочется, мы можем.

Кто угодно может думать о чем угодно. Мысли — вот единственная реальность. Так и есть.

Теперь я в этом убедилась. Мысли невозможно подделать или ввести в заблуждение. Тот простой вывод остался со мной навсегда. Он много лет волнует меня. До сих пор волнует.

«Ты хорошая или плохая?»

Больше всего сейчас меня пугает то, что ответа на этот вопрос я не знаю.

Сколько я пролежала за скамьей — час или намного дольше? Сама не знаю. Сколько длится час? А минута? А год? Из-за неудобной позы у меня затекли бедро и колено. Пришлось лежать, скрючившись в неестественной позе. Я потеряла счет времени. Конечно, теряешь счет времени, когда ты один. Время идет всегда.

Песня все повторялась снова и снова: «Эй, красотка». Двадцать, тридцать или сто раз. Кажется, звук стал громче. Час — то же самое, что два часа. Час — это вечность. Трудно понять. И вдруг песня прекратилась. Оборвалась на полуслове. Ненавижу эту песню. Ненавижу то, что мне пришлось ее слушать. Я не хотела слушать. Но теперь я выучила все слова наизусть. Когда она прекратилась, я испытала шок. Я как будто проснулась. Я лежала ничком, подложив под голову шапку Джейка вместо подушки.

Понимаю, что надо двигаться дальше. Нет ничего хорошего в том, чтобы лежать и прятаться за скамьей. Я — мишень. Здесь меня хорошо видно. Вот первое, что сказал бы мне Джейк, если бы был здесь со мной. Но его нет. Очень болит колено. И голова болит и кружится. Я почти забыла о ней.

Просто она болит. Джейк наверняка сказал бы, чтобы я перестала думать о боли.

Никогда не думаешь заранее, что окажешься в такой ситуации. Когда за тобой следят, когда тебя преследуют, держат тебя в плену, когда ты одна. О таком только слышишь. Время от времени читаешь. Мутит при одной мысли о том, что один человек способен так мучить другого. Что стряслось с людьми? Почему люди делают такое? Почему люди оказываются в таких ситуациях? Возможность зла потрясает. Но, если жертва не ты, все еще ничего. О таком быстро забываешь. Живешь дальше. Это не с тобой происходит. Это происходит с кем-то другим.

Так было до сих пор. Я встаю, стараясь не поддаваться страху. Крадусь по коридору — тихо, удаляясь от скамьи, от лестницы, по которой я поднялась. Пробую несколько дверей. Все они заперты. Отсюда нет выхода. Эти коридоры нагоняют тоску. На стенах ничего нет — никаких признаков существования школьников. Я столько раз бывала в этих самых стенах! Они повторяются, затягивают в себя, как «Рисующие руки» Эшера. Когда думаешь обо всем с этой точки зрения, кажется нелепым, что некоторые люди проводят здесь столько времени.

Все мусорные корзины, мимо которых я прохожу, чистые и пустые. Там новые мешки. В них совсем нет мусора. Я просматриваю их, думая найти в них что-нибудь, что может мне пригодиться — что окажется полезным, поможет мне вырваться, бежать. Все мешки пустые. Пустые черные мешки.

Я попала в то крыло, где, должно быть, проходят уроки естествознания. Бывала ли я здесь раньше? Заглядываю в двери. Вижу классы-лаборатории. В этом крыле двери другие. Они массивнее и выкрашены в голубой цвет, небесно-голубой. В конце коридора большая растяжка, раскрашенная вручную. Объявление о танцевальном вечере. Школьные танцы… Все ученики соберутся вместе. Их так много! Растяжка — первое подтверждение того, что здесь бывают школьники.

«Танцы всю ночь напролет. Билеты по 10 долларов. Чего ты ждешь?» — гласит надпись на растяжке.

Мне кажется, что я слышу скрип резиновых подошв. Шаги.

Меня как будто одурманили. Я не могу двигаться. Я не должна двигаться. Страх выбивает из колеи. Застываю на месте. Хочу повернуться, закричать, убежать, но не могу. Что, если там

Джейк? Что, если он до сих пор бродит по школе, запертый, как я? Если он тоже здесь, это означает, что я не одна, что меня можно спасти.

Можно вернуться на лестницу. Надо только дойти до конца коридора. Подняться на третий этаж. Может быть, Джейк там. Я зажмуриваюсь. Стискиваю кулаки. Сердце бьется все быстрее. Снова слышу сапоги. Это он. Он ищет меня.

Шумно выдыхаю; меня мутит. Слишком долго я здесь пробыла. Чувствую, как сжимается грудь. Сейчас меня стошнит. Нет, нельзя.

Бросаюсь на лестницу. Он меня не видел. Вряд ли он меня видел. Я не знаю, где он. Наверху, внизу, подо мной, надо мной — где-то в другом месте. Мне кажется, он где-то прячется, выжидает, держится в тени. Не знаю.

Просто не знаю.

Класс рисования. Третий этаж. Другой коридор. Дверь не заперта. Я могу оказаться где угодно. В жизни не испытывала такого облегчения, как когда толкнула дверь в тот класс и она оказалась открытой! Закрываю ее за собой — очень медленно, но не трогаю задвижку. Прислушиваюсь. Ничего не слышу. Наверное, здесь можно спрятаться, хотя бы ненадолго. Первым делом я кидаюсь к телефонному аппарату на стене, но

стоит набрать на нем больше трех цифр, он пикает и сбрасывает вызов. Пробую набрать девятку, потом 911. Безнадежно. Он не работает.

Учительский стол напротив двери чистый и пустой. Выдвигаю верхний ящик. Наверное, здесь найдется что-нибудь, что мне пригодится. Быстро роюсь в ящиках и нахожу пластмассовый нож для бумаги с выдвижным лезвием. Только лезвие из него вынули. Бросаю его на пол.

В коридоре какой-то шум. Прячусь за стол, съеживаюсь, закрываю глаза. Снова жду. Вдоль стен стоят флаконы с краской, кисти и другие принадлежности. Белые доски вытерты дочиста.

Интересно, сколько я здесь продержусь? Сколько способен продержаться человек без жизненно необходимых вещей — без еды, без воды? Прятаться вот так — слишком пассивно. Мне нужно проявить активность.

Проверяю окна. Нижнее окно открывается, но совсем чуть-чуть, чтобы проветрить класс. Если бы снаружи был карниз, может, я бы рискнула прыгнуть. Может быть. Приоткрываю щель до предела — в нее можно только высунуть руку. На улице ветер. Привстаю, прижимаюсь носом к щели, втягиваю свежий воздух.

В школе я любила уроки рисования. Только у

меня не было таланта. Хотя и отчаянно хотелось рисовать. Мне недостаточно было добиваться успехов и быть уверенной в одной математике. С рисованием все было по-другому.

Старшие классы были для меня странным временем. Для кого-то старшая школа — лучшее время жизни. Я делала уроки и получала хорошие оценки. С учебой проблем не возникало. Проблемы возникали с другим — с общением, с вечеринками, с попытками влиться в коллектив. Мне это давалось с трудом даже тогда. К концу дня мне хотелось одного — очутиться дома.

Я была неприметной в том смысле, в каком это важно в школе. На протяжении многих лет меня просто не замечали, — вот что было хуже всего. Я словно превращалась в невидимку. Ничего, вот повзрослеет… Некоторые расцветают поздно… И я такая. По крайней мере, все так думали. Все считали, что, когда я стану старше, все будет хорошо. Тогда я раскроюсь. Расцвету.

Я всегда была так осторожна. Всегда склонна к самоанализу. Сейчас я себя не узнаю. Я в замешательстве. Мне никогда не было свойственно безрассудство. Я понимаю себя. Свой безграничный потенциал. У меня столько скрытых возможностей! И вот пожалуйста. Как я сюда

попала? Это несправедливо!

И Джейк. У нас с ним все равно ничего бы не получилось. Наши отношения не затянулись бы, хотя сейчас это не важно. Ему и без меня будет хорошо. Он постепенно раскрывается. Точно знаю: он совершит что-нибудь великое. Ему это не нужно. Ему не нужна я. И его родителям это не нужно. Они не в моем вкусе, но это не важно. Они многое пережили. Наверное, я и половины не знаю. Скорее всего, его родители думают, что мы уже вернулись домой. А может быть, сейчас они крепко спят.

Это еще не конец. Так не должно быть. Я должна его найти. А потом можно сделать шаг назад, начать сначала, попытаться снова. Я могу начать сначала. И Джейк тоже может.

Приятно отдыхать у окна, чувствовать, как тебя овевает ветерок. Вдруг на меня наваливается усталость. Наверное, мне нужно полежать. Поспать. Может быть, даже увидеть сны.

Нет. Нельзя. Не спать! Больше никаких кошмаров. Нет!

Я должна двигаться. Я еще не свободна. Оставляю окно открытым и крадусь к двери.

Задеваю обо что-то правой ногой. На полу флакон. Пластиковый флакон с краской. Поднимаю

его, встряхиваю. Флакон полупустой. У меня руки в краске… Снаружи флакон испачкан краской.

Краска влажная. Свежая. Чувствую ее запах. Ставлю флакон на стол.

Он был здесь. Недавно он побывал здесь! Смотрю на свои красные руки… Вытираю их о штаны.

Вижу еще краску на полу. Растираю ее носком туфли. Замечаю надпись — она сделана маленькими буквами: «Я знаю, что ты собиралась сделать».

Послание. Для меня. Он хотел, чтобы я зашла сюда и увидела надпись. Вот почему дверь была открыта. Он заманил меня сюда.

Не знаю, что это значит… Нет, погодите. Знаю! Да, я знаю!

Он видел, как Джейк целовал меня в шею. Видел нас в машине. Он стоял у окна и наблюдал. В этом дело? Он знал, чем мы собираемся заняться в машине. И он не хотел, чтобы мы занимались сексом? В этом дело? Впереди на полу еще что-то написано: «Теперь остались только я и ты. Осталось решить только один вопрос».

Меня переполняет ужас. Полный ужас. Никто не знает, что это такое. Не может знать. Этого нельзя понять, пока не окажешься в таком одиночестве. Как я сейчас. И я не понимала — до

последней минуты.

Откуда он знает? Откуда он знает про вопрос? Он не может знать, о чем я сейчас думаю. Невозможно! Никто не может по-настоящему знать, о чем думает другой!

Не может быть, чтобы все происходило на самом деле. Голова болит все сильнее. Я подношу ко лбу дрожащую руку. Я так устала! Мне нехорошо. Но я не могу здесь оставаться. Я должна двигаться дальше. Я должна спрятаться, убраться отсюда. Откуда он всегда знает, где я, куда иду? Он вернется.

Я знаю.

Жаль, что все не настолько сверхъестественно. Как, например, истории с привидениями. Не что-то сюрреалистичное. Не плод воображения, больного или не очень. Тогда было бы не так страшно. Если бы это сложнее было почувствовать или понять, если бы осталось больше места для сомнений, я бы не так испугалась. То, что происходит, — реально. Слишком реально. В большой, совершенно пустой школе — человек с опасными намерениями; последствия того, что он задумал, необратимы. И во всем виновата я сама. Мне вообще не надо было заходить сюда.

Это не кошмар. Жаль, что это не кошмар. Очень

хотелось бы просто проснуться. Я бы что угодно отдала, чтобы очутиться в моей старой постели, в моей старой комнате. Я одна, и кто-то хочет причинить мне вред или охотится на меня. С Джейком он уже что-то сделал. Что-то нехорошее. Я знаю.

Больше не хочу ни о чем думать. Если мне удастся пробраться в спортивный зал, там наверняка есть черный ход или какой-то другой выход отсюда. Вот что я придумала. Мне нужно выбраться на дорогу, даже если на улице слишком холодно. Может быть, я долго не протяну. С другой стороны, здесь я, скорее всего, тоже долго не протяну.

Глаза постепенно привыкают к темноте. Через какое-то время к темноте привыкаешь. Но не к тишине. Металлический привкус во рту все хуже. Он в моей слюне или глубже. Не знаю. И пот кажется здесь другим. Все как-то разладилось.

Я уже давно грызу ногти. Жую их. Ем. Мне нехорошо.

А еще у меня выпадают волосы. Может, от стресса? Провожу рукой по голове; когда подношу ладонь к лицу, у меня между пальцами пряди волос. Я поправляю волосы пальцами, и снова вылезает большой клок. Волосы вылезают еще

не прядями, но почти. Должно быть, это какая-то реакция. Физический побочный эффект.

Молчи. Сохраняй спокойствие. В этом коридоре кирпичи покрашены. Потолок сделан из больших прямоугольных плиток, они вынимаются. Можно ли спрятаться там, наверху? Если бы можно было забраться туда!

Не останавливаюсь. Двигаюсь медленно. По спине течет пот. Спортзал в конце коридора. Должен быть там. Я помню. Помню? Откуда я могу помнить такие вещи? Вижу двойные двери с металлическими ручками. Вот моя цель. Надо добраться туда. Войти быстро и бесшумно.

На ходу я держусь левой рукой за стену, веду по ней пальцами. Шаг за шагом. Осторожно, медленно, тихо. Если я могу себя слышать, он тоже может. Если я могу, он тоже может. Если я, то и он. Если. Тогда. Я. Он.

Добираюсь до дверей. Заглядываю внутрь через высокие, узкие стеклянные панели. Да, там спортзал. Хватаюсь за ручку. Я знаю эти двери. Когда их открывают и закрывают, они звякают, как ковбойские шпоры. Громко звякает холодный металл. Приоткрываю двери совсем чуть-чуть, только чтобы протиснуться между ними.

Висят канаты. В углу на металлической стойке

лежат оранжевые баскетбольные мячи. Резкий химический запах. Едкий. У меня слезятся глаза. Катятся слезы.

Я слышу… Какие-то звуки из раздевалки для мальчиков. Мне все труднее дышать.

Раздевалка. Здесь не так темно, как в спортзале. Под потолком горят две лампочки. Теперь я узнаю звук — шум льющейся воды. Похоже, какой-то кран выкручен до конца. Я пока его не вижу, но знаю.

Можно помыть руки, смыть с них краску. Может быть, попить. Прохладная, успокаивающая вода во рту; она бежит по горлу. Переворачиваю руки, смотрю на ладони. Они в красных полосах. Дрожат. Ногтя на правом большом пальце нет.

Впереди слева ниша. Вот где льется вода! Я обо что-то спотыкаюсь. Поднимаю то, обо что спотыкаюсь. Ботинок. Ботинок Джейка. Я хочу закричать, позвать Джейка. Но не могу. Зажимаю рот ладонью. Надо вести себя тихо.

Смотрю вниз и вижу другой ботинок Джейка. Поднимаю его. Иду к нише. Заглядываю за угол. Никого. Нагибаюсь, заглядываю под трибуны. Ног не видно. В каждой руке держу по ботинку. Делаю еще шаг вперед.

Теперь я вижу раковины. Вода ни в одной не

включена. Я иду к душам.

Одна головка выкручена на полную мощность. Только одна. Много пара. Должно быть, вода горячая, очень горячая.

— Джейк, — шепчу я.

Мне нужно подумать, но здесь так жарко и влажно. Вокруг меня пар. Мне нужно понять, как можно выбраться отсюда. Нет смысла гадать, почему он так поступает и кто это — «он». Это не важно. Ничего не важно.

Если мне удастся как-нибудь выбраться из школы, я побегу к дороге. Если я доберусь до дороги, я побегу. Не останавливаясь. Легкие будут гореть, ноги превратятся в желе, но я не остановлюсь. Обещаю. Я не буду останавливаться. Побегу как можно быстрее и как можно дальше. Убегу отсюда в другое место — все равно куда. Туда, где все по-другому. Где возможна жизнь. Где все не такое старое.

А может быть, я и продержусь здесь в одиночку. Может быть, дольше, чем я думаю. Может, мне удастся найти новые укромные места, где можно спрятаться, слиться со стенами. Может быть, здесь можно остаться и жить… В углу. Под столом. В раздевалке.

Кто-то там есть. В дальнем конце душевой. Пол

скользкий. Влажные плитки, везде пар. Хочется встать под струю обжигающе горячей воды. Просто стоять. Но я этого не делаю.

Его одежда. У последней кабинки. Я подбираю ее. Штаны, рубашка — скомканные, мокрые. Одежда Джейка. Это одежда Джейка! Я бросаю ее. Почему его одежда здесь? И где он сам?

Пожарный выход. Мне нужен пожарный выход. Срочно!

Выйдя из раздевалки, я снова слышу музыку. Та же песня. Сначала. В раздевалке, в классах, в коридорах. Динамики повсюду, но я их не вижу. Прекратится ли она когда-нибудь? Да, наверное, но больше я ни в чем не уверена. Может быть, та же песня звучала здесь все время.

Знаю, все любят рассуждать о том, что противоположно правде и что противоположно любви.

А что противоположно страху? Противоположно беспокойству, тревоге, сожалению? Я так и не узнаю, зачем мы сюда приехали, как я очутилась здесь, почему я в одиночестве. Все не должно было быть так. Почему я?

Сажусь на твердый пол. Выхода нет. Нет выхода из этого спортзала. Нет выхода из этой школы. И никогда не было. Я хочу думать о чем-нибудь приятном, но не могу. Закрываю уши. Я плачу.

Выхода нет.

Я целую вечность брожу и ползаю по этой школе.

Наверное, многие думают, что страх, ужас и угроза недолговечны. Что они поражают тяжело и быстро, а потом проходят. Так вот, все не так. Страх, ужас и тревога не проходят, если не замещаются каким-нибудь другим чувством. Глубокий страх старается задержаться и укорениться, если получится. Его нельзя ни обогнать, ни перехитрить, ни подавить. Если с ним ничего не делать, он постепенно отравляет весь организм. Страх — как сыпь.

Вижу себя; я сижу в синем кресле рядом с книжной полкой в своей комнате. Горит лампа. Я стараюсь думать о ней, об идущем от нее приглушенном свете. Хочу, чтобы у меня в голове были такие мысли. Думаю о своих старых туфлях, синих, которые у меня вместо домашних тапочек. Мне нужно сосредоточиться на чем-то за пределами этой школы, за пределами мрака, калечащего, враждебного молчания — и песни.

Моя комната! Я провожу в ней много времени, и она все еще существует. Она еще там, пусть даже меня в ней нет. Она реальна. Моя комната реальна. Надо только думать о ней. Сосредото-

читься на ней. Тогда она реальна.

В моей комнате у меня есть книги. Они меня утешают. У меня есть старый коричневый заварочный чайник. Носик у чайника выщерблен. Он куплен очень давно на «гаражной распродаже» за доллар. Вижу, как чайник стоит на письменном столе среди ручек, карандашей, блокнотов… рядом с тесно уставленными книжными полками.

Мое любимое синее кресло просело под моей тяжестью. Постепенно приняло мои очертания. Я сижу в нем очень давно. Оно приняло мою форму, приспособилось ко мне, только ко мне. Сейчас я могу пойти туда и посидеть в тишине своего сознания, там, где я бываю часто. У меня есть свеча. Одна, только одна; ее никогда не зажигали. Ни разу. Свеча темно-красная, почти малиновая. Она в форме слона, белый фитиль вырастает из спины. Подарок от родителей на конец учебного года — я стала лучшей ученицей в классе.

Я всегда думала, что когда-нибудь зажгу эту свечу. Но так и не зажгла. Шло время, и мне все труднее было ее зажечь. Всякий раз, как я думала, что случай подходит для того, чтобы зажечь свечу, казалось, что я все никак не могу решиться. Так что я ждала более подходящего случая. Она и до сих пор там — незажженная — на книжной

полке. Ни разу не было подходящего случая. Как такое могло случиться?

– Он проработал в школе больше тридцати лет. Раньше никаких инцидентов не было. В его личном деле никаких особых пометок.

– Никаких? Это тоже необычно. Больше тридцати лет на одном месте. В одной школе.

– Жил неподалеку отсюда, в старом доме. Кажется, раньше там была ферма его родителей. Они оба давно умерли, так мне сказали. Все, с кем я разговаривал, утверждают, что он был довольно тихий. Просто ему как будто трудно было разговаривать с людьми. Он не умел общаться. Или не пытался. Наверное, ему было просто неинтересно. В обеденный перерыв он обычно сидел в своем пикапе — за школой. Сидел, и все. Вот и весь отдых.

– А что у него со слухом?

— У него были кохлеарные имплантаты. Он слышал все хуже. У него развилась аллергия на определенные виды пищи, на молоко и молочные продукты. Он вообще был довольно болезненный. Он не любил спускаться в бойлерную в подвале. Если там надо было что-то сделать, он всегда просил спуститься кого-нибудь другого.

– Странно.

– И куча блокнотов, дневников и книг… Вечно он сидел, уткнувшись носом в книгу. Помню, как-то я увидел его в классе естествознания, когда уроки уже закончились; он просто стоял и смотрел в пространство. Я понаблюдал за ним и пошел в класс. Он меня не заметил. Он не убирал, как ему было положено. У него не было никаких причин там находиться, поэтому я очень осторожно спросил, что он там делает. Он не сразу ответил, а потом обернулся, спокойно приложил палец к губам и шикнул на меня. Просто невероятно!

– Очень странно.

– А прежде чем я успел ответить, он сказал: «Я даже часы не хочу слышать». Потом он прошел мимо меня и скрылся. Я не вспоминал о том происшествии до последнего времени.

– Интересно… если он был. так умен, почему он так долго работал уборщиком? Почему не занялся чем-то другим?

– Почти на любой работе приходится общаться с сотрудниками. И в перерыв не отсидишься в своем пикапе.

– И все-таки… школьный сторож? Вот чего я не понимаю. Если он стремился к одиночеству, почему работал в таком месте, где его окружали люди? Не было ли это такой добровольной

пыткой?

– Да, если вдуматься, возможно, так и было.

На четвереньках ползу вдоль стены — по-моему, за ней музыкальный класс. Кровь из носа капает на пол. Я не в классе. Я оказываюсь в узком коридоре снаружи. В класс можно заглянуть через перегородку. Голова раскалывается, горит. За перегородкой много красных стульев и черных пюпитров для нот. Они стоят в беспорядке.

Никак не могу выкинуть из головы родителей Джейка. Как его мама меня обняла. Она не хотела меня отпускать. К концу вечера она выглядела довольно жалко. Она была встревожена и напугана. Она боялась не за себя. За нас. Может быть, она знала. По-моему, она всегда знала.

В голове одновременно миллион мыслей. Я теряю способность ориентироваться, я путаюсь. Он спросил, что я о них думаю. Теперь я знаю, что я думаю. Не то чтобы они были несчастны, просто они застряли. Застряли друг в друге, застряли в том месте. От каждого по отношению к другому исходила скрытая обида. Поскольку в доме была я, они старались вести себя как можно лучше. И все равно не могли полностью скрыть правду. Что-то их расстроило.

Я думаю о детстве. Меня одолевают воспоми-

нания. Не могу остановиться. Думаю о событиях детства, о которых я много лет не вспоминала. Не могу сосредоточиться. Не могу отчетливо вспомнить людей. Я думаю обо всех.

«Мы просто разговариваем», — сказал Джейк.

«Мы общаемся, — просто ответила я. — Мы думаем».

Когда я останавливаюсь отдохнуть и потираю рукой затылок, то нащупываю проплешину размером с четвертак. Выдергиваю еще прядь волос. Волосы неживые. Все видимые клетки уже отмерли. То, что мы причесываем, подстригаем и укладываем — уже мертво, лишено жизни. Мы видим волосы, трогаем их, моем, ухаживаем за ними, но они мертвые.

Руки у меня по-прежнему в чем-то красном.

А сердце? Я сержусь на него. Оно постоянно бьется. Мы по привычке этого не замечаем, так почему сейчас я замечаю, как оно бьется? И почему сердцебиение меня злит? Потому что у меня нет выбора. Когда сознаешь, замечаешь собственное сердцебиение, ты хочешь, чтобы сердце остановилось, перестало биться. Хочется отдохнуть от постоянного ритма. Сделать перерыв. Нам всем нужно отдохнуть.

Самые важные вещи постоянно не замечают.

Пока не случается что-нибудь такое. Тогда на них уже невозможно не обращать внимания. О чем это говорит?

Мы злимся на поставленные границы и наши потребности. Человек конечен и хрупок. Ты не можешь быть только один. Все одновременно легкое и тяжелое. От столького зависеть, столького бояться. Столько требований…

Что такое день? Ночь? Приятно поступать правильно, принимать человеческое решение. У нас всегда есть выбор. Каждый день. У всех. Ведь, пока мы живы, у нас всегда есть выбор. Все, с кем мы в жизни встречаемся, снова и снова делают выбор, думают над ним. Можно не обращать на это внимания, но вопрос для всех нас только один.

Мы думаем, что конец этого коридора ведет назад, в один из больших коридоров с множеством шкафчиков. Мы уже всюду побывали. Больше идти некуда. Везде та же старая школа. Та же, что и всегда.

Мы не можем снова подняться наверх. Не можем. Мы пробовали. В самом деле пробовали. Старались как могли. Сколько нам еще можно страдать?

Мы сидим здесь. Здесь. Мы давно уже здесь сидим.

Конечно, нам неудобно. Так и должно быть. Я так и знала. Я это знаю. Я сама это сказала: «То, что я сейчас скажу, тебя огорчит: я знаю, как ты выглядишь. Знаю, какие у тебя ноги, руки и кожа. Знаю, какая у тебя голова, какие волосы и какое сердце. Не грызи ногти!»

Я знаю, что не надо грызть ногти. Знаю. Простите нас.

Теперь мы вспоминаем. Рисунок! Он до сих пор у нас в кармане. Рисунок, который подарила нам мама Джейка. Портрет Джейка, который должен был стать сюрпризом. Мы повесим его на стену рядом с другими фотографиями. Мы достаем его из кармана, медленно разворачиваем. Мы не хотим смотреть, но вынуждены. На то, чтобы нарисовать его, ушло много времени — много часов, дней, лет, минут, секунд. Лицо на портрете смотрит на нас. Все мы там. Искаженные. Расплывчатые. Фрагментарные. Подробно разработанные. Несомненно, это мы. У меня на руках краска.

Лицо определенно мое. Мужчина. Оно узнаваемо так, как узнаваемы все автопортреты. Это я. Джейк.

«Ты хорошая? Да?»

Приятно поступать правильно, делать выбор.

Разве не так?

«Танцы всю ночь напролет. Билеты по 10 долларов.

Чего ты ждешь?»

Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?

Чего ты ждешь?

Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?

Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?

Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?

Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?

Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?

Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?

Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?

Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?

Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?

Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты

ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты

ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты

ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты

ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты

ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты

ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты

ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты

ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты

ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?
Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты

ждешь?

Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?

Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?

Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?

Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?

Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?

Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?

Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?

Чего ты ждешь? Чего ты ждешь? Чего ты ждешь?

Мы вернулись в комнату сторожа. Это было неизбежно. Теперь мы это понимаем. Мы ведь знали, что так будет. Другого выхода не было. После всего ничего другого не остается.

Мы прошли мимо кабинетов технологии и автодела. Прошли мимо двери с табличкой «Танцевальная студия». Была и другая, «Совет школы». Мы видели театральный кружок. Мы не пробовали войти ни в одну из этих дверей. Какой смысл?

Мы много лет ходим мимо этих дверей, по этим этажам. После стольких лет даже пыль знакома. Нам все равно, чисто здесь или нет.

Комната сторожа наша. Здесь нам положено находиться. В конце концов, мы не можем отрицать того, кто мы есть, кем мы были, где мы были. И не важно, кем мы хотим стать, ведь туда никак не попасть. Мы прошли дверь в подвал.

Вот кто мы такие. Ногти. Пригоршни волос. Кровь на наших руках.

Мы видели фотографии. Того мужчины. Мы понимаем. Правда понимаем. Мы бы хотели, чтобы это оказалось неправдой.

Того, кто здесь работает, сторожа, здесь нет. Мы понимаем это, когда смотрим на его лицо на фотографии. Больше его здесь нет. Он уже ушел.

Это мы. Сейчас здесь мы. Мы с Джейком. Только мы. Мы совершенно одни. В машине. Мы никогда не видели того человека в школе. Сторожа. Только Джейк видел его. Он хотел, чтобы мы пошли за ним в школу, пошли его искать. Он хотел быть здесь с нами, когда выхода нет.

Ботинки Джейка. В раздевалке. Он снял их. Он снял их сам и оставил в спортзале. Он надел резиновые сапоги. Все время это был он. Это был Джейк. Тот человек. Потому что он и есть Джейк.

Мы. Мы больше не можем сдерживаться… Подступают слезы. Снова слезы.

Его брат. Рассказ о том, что проблемы — у его брата. Понятно, что это выдумки. Вот почему его отец был так рад, что мы приехали в гости, что мы по-доброму отнеслись к Джейку. Это *у него* были проблемы. У Джейка. Не у его брата. Никакого брата нет. Он мог быть, но его не было. А родители Джейка? Они давно умерли, как волосы, которых мы не видим, волосы, которые вырастают из головы, которые выпадают. Они уже мертвы. Мертвы уже давно.

Как-то Джейк сказал мне: «Иногда мысль ближе к истине, к действительности, чем поступок. Сказать можно все, что угодно, сделать можно все, что угодно, но подделать мысль нельзя».

Джейку уже не поможешь. Он пытался. Но помощь так и не пришла.

Джейк знал, что мы собираемся все закончить. Каким-то образом он знал. Мы ничего ему не говорили. Мы только думали об этом. А он знал. Он не хотел быть один. Не мог с этим смириться.

Музыка начинается снова — сначала. На сей раз громче. Не важно. Шкаф рядом с письменным столом пуст. Мы сдвигаем в сторону пустые проволочные вешалки и заходим внутрь. Трудно

дышать. Здесь будет лучше. Мы останемся здесь и подождем. Музыка прекращается. Тихо. Полная тишина. Здесь мы останемся, пока не придет время. Это Джейк. Это был Джейк. Мы были здесь вместе. Все мы.

Движения, поступки… они способны ввести в заблуждение или замаскировать правду. Поступки по определению делаются, совершаются. Поступки — действия. Поступки — обобщения. Поступки — символы.

«Аллегория… сложная метафора… Мы не просто оцениваем или признаем важность и действенность чего-то через опыт. С помощью символики мы принимаем, отвергаем и проводим различия».

В ту ночь, очень давно, когда мы познакомились в пабе. Ту песню исполняли в тот вечер. Он слушал, как его команда болтает, обсуждает вопросы, но не общался с остальными. И все же он принимал во всем участие. Он соучаствовал. Он думал. И может быть, он наслаждался. Он маленькими глотками пил пиво. И иногда казалось, что он нюхает тыльную сторону ладони, рассеянно поднося ее к носу, — одна из привычек, которая проявлялась, когда он сосредоточенно думал о чем-то, когда бывал расслаблен. Так редко можно

было расслабиться в таком окружении. Но он на самом деле выбрался, вышел из своей комнаты, пришел в паб, сидел с другими людьми. Это было трудно и важно.

И девушка.

Она. Он. Мы. Я.

Она сидела рядом с ним. Она была хорошенькая, разговорчивая. Она много смеялась. Ей было уютно в своей коже. Ему отчаянно хотелось поздороваться с ней. Она улыбнулась ему. Да, точно улыбнулась. Взяла и улыбнулась. Без всяких вопросов. Это было реально. И он улыбнулся в ответ. У нее были добрые глаза.

Он помнит ее. Она сидела рядом с ним и не отшатнулась. Она была умная и забавная. Ей было хорошо. «Вы, ребята, молодцы, хорошо отвечаете», — вот что она сказала и улыбнулась. Вот первое, что она сказала Джейку. Нам.

«Вы, ребята, молодцы, хорошо отвечаете».

Он поднял свой стакан с пивом:

«К счастью, у нас есть чем подкрепиться».

Они еще немного поговорили. Он написал на салфетке номер своего телефона. Хотел отдать ей салфетку. Но не смог. Не смог решиться. И не отдал.

Было бы приятно снова встретиться с ней, хотя

бы для того, чтобы просто поговорить, но он так этого и не сделал. Он надеялся, что, может быть, случайно наткнется на нее. Надеялся на счастливый случай. Возможно, во второй раз все было бы легче, и отношения сдвинулись бы с мертвой точки. Но такого случая ему не представилось. Так и не представилось. Надо было самому сделать так, чтобы это случилось. Он должен был думать о ней. Мысли реальны. Он писал о ней. О них. О нас.

Было бы все по-другому, если бы у нее все же был его номер? Если бы она могла позвонить ему? Если бы они поговорили по телефону, снова встретились, если бы он пригласил ее на свидание? Остался бы он тогда в лаборатории? Отправились бы они вместе в поездку? Поцеловала бы она его? Начали бы они отношения, двое вместо одного? Если бы все пошло хорошо, поехала бы она в тот дом, где он вырос? Они могли бы заехать за мороженым по пути домой, невзирая на погоду. Вместе. Но он так ничего и не сделал. Какая разница? Да. Нет. Может быть. Сейчас уже не важно. Этого не случилось. Та ноша ее не тяготит. Она наверняка все быстро забыла после того вечера, после единственной короткой встречи в пабе.

Она даже не знает, что мы еще существуем.

Ответственность лежит только на нас.

Это было так давно. Много лет назад. Для нее это не имело никаких последствий — и для всех остальных тоже. Кроме нас.

С тех пор много всего произошло. С нами, с родителями Джейка, с девушками в «Дейри куин», с миссис Вил — но мы все здесь. В этой школе. И больше нигде. Все части одного целого. Надо было попробовать сочетать ее с нами. Посмотреть, что будет. Ей нашлось бы что рассказать.

Мы снова слышим шаги в сапогах. Медленные шаги, они еще далеко. Они идут сюда. Скоро станут слышнее. Он не спешит. Он знает, что идти нам некуда. Он с самого начала все знал. И теперь он приближается.

Шаги приближаются.

Много говорят о выносливости. О необходимости терпеть, переносить невзгоды, преодолевать, жить дальше, быть сильными. Но такое возможно, только если ты не один. Вот инфраструктура, на которой построена жизнь. Близость с другими. В одиночку все становится борьбой, основанной на чистой выносливости.

Что мы можем поделать, когда никого больше нет? Когда мы пытаемся продержаться всецело в одиночку? Что нам делать, если мы всегда одни?

Если больше никого, никогда нет? Что тогда значит жизнь? Значит ли она что-нибудь? Что тогда день? Неделя? Год? Вся жизнь? Что такое жизнь? Все это значит что-то еще. Мы должны попробовать другой путь, другой способ. Единственный другой способ.

Не то чтобы мы не можем принять и признать любовь, сострадание, не то чтобы мы не способны их испытывать. Но с кем, если никого нет? Так что мы возвращаемся к тому решению, к тому вопросу. Он всегда один и тот же. В конце концов, все зависит от нас всех. Что мы решим предпринять? Продолжать или нет? Продолжать? Или…

Ты хорошая или плохая? Неверный вопрос. Вопрос всегда был неверный. На него никто не может ответить. Абонент знал об этом с самого начала, даже не думая. Я знала это. Да, знала. Есть только один вопрос, и для ответа всем нам нужна ее помощь.

Мы решаем не думать о нашем сердцебиении.

Взаимодействие, связь — обязательны. Они нужны нам всем. Одиночество не способно поддерживать себя вечно, пока оно длится. Невозможно целоваться лучше всех на свете в одиночку.

«Может быть, именно так мы понимаем, когда

отношения настоящие. Когда кто-то, кто раньше не был связан с нами, узнает нас так, как нам раньше не казалось возможным».

Я подношу руку ко рту, заглушая собственные звуки. Моя рука дрожит. Я не хочу ничего чувствовать. Не хочу его видеть. Не хочу больше ничего слышать. Не хочу видеть. Это некрасиво.

Решение принято. Другого выхода нет. Слишком поздно. После того, что случилось, после столького времени, после стольких лет. Может быть, если бы я протянул ей салфетку с моим номером в пабе. Может, если бы я сумел позвонить ей. Может быть, все не было бы вот так. Но я не смог. И не сделал этого.

Он у двери. Стоит совсем рядом. Он это сделал. Он привел нас сюда. Это всегда был он. Только он.

Я дотрагиваюсь до двери и жду. Еще шаг, ближе. Никакой спешки.

Выбор есть. Выбор есть у всех.

Что все объединяет? Что придает жизни смысл? Что придает ей образ и глубину? В конце концов до всех нас доходит. Так почему же мы ждем этого вместо того, чтобы сделать это, позволить этому случиться? Чего жду я?

Жаль, что я не поступил лучше. Жаль, что я не

успел больше. Закрываю глаза. Текут слезы. Слышу сапоги — резиновые сапоги. Сапоги Джейка. Мои сапоги. Где-то там, где-то здесь.

Он стоит у двери. Она со скрипом приоткрывается. Мы вместе. Он. Я. Мы. Наконец-то!

«Что, если страдание не заканчивается со смертью? Откуда нам знать? Что, если оно не утихает? Что, если смерть — не выход? Что, если личинки продолжают питаться, питаться, питаться, и их по-прежнему чувствуешь?»

Я завожу руки за спину и смотрю на него. Что-то закрывает его голову и лицо. Он по-прежнему в желтых резиновых перчатках. Я хочу отвернуться, закрыть глаза.

Он делает шаг ко мне. Подходит близко. Так близко, что, если я вытяну руку, я дотронусь до него. Слышу его дыхание под маской. Чувствую его запах. Я знаю, чего он хочет. Он готов. Готов к концу.

«Критическое равновесие необходимо для всего… Я показал бы тебе инкубаторы, в которых поддерживается постоянная температура, — там мы выращиваем культуры дрожжей и кишечной палочки в больших количествах, больше двадцати литров. Эти культуры были созданы с применением генной инженерии, чтобы сверх-

экспрессировать нужный нам белок…»

Когда мы решаем приблизить конец, мы создаем новое начало.

«…доказательством существования темной материи стало ее гравитационное влияние на другие объекты, в том числе на траектории движения звезд и галактик».

Он приподнимает с подбородка и рта низ маски. Я вижу щетину у него на подбородке, его обветренные, потрескавшиеся губы. Кладу руку ему на плечо. Надо сосредоточиться, чтобы рука не дрожала. Теперь мы все вместе. Все мы.

«Один день на Венере — все равно что сто пятьдесят земных дней… Венера — самое яркое небесное тело».

Он вкладывает мне в руку металлическую вешалку из стенного шкафа.

— Я думаю, как все закончить, — говорит он.

Я распрямляю вешалку и сгибаю пополам, чтобы оба острых конца смотрели в одну сторону.

— Прости за все, — говорю я. Наверное, мне жаль.

— Ты можешь… Сейчас ты можешь мне помочь.

Он прав. Я должен. Мы должны помочь. Поэтому мы здесь. Замахиваюсь правой рукой и с

силой вонзаю. Дважды: вонзаю и вынимаю.

Еще раз. Вонзить. Вытащить. С силой втыкаю концы в шею, вверх, под подбородок.

А потом я падаю на бок. Больше крови. Что-то — слюна, кровь, — пузырясь, выходит изо рта. Много мелких проколов. Больно, очень больно, но мы ничего не чувствуем.

Теперь, когда дело сделано, мне жаль.

Смотрю на руки. Одна дрожит. Пытаюсь поддержать ее другой рукой. Не получается. Скрючившись, падаю в стенной шкаф. Теперь я один, снова один. Я. Только я. Джейк. Снова один.

Я решил. Я должен был. Хватит думать. Я ответил на вопрос.

– И вот еще о чем я хотел спросить: записка.

— Что?

– Записка. Рядом с телом. Мне сказали, там была записка.

– Ты слышал об этом?

— Да.

– Скорее ее можно назвать не запиской, а… в общем, она довольно подробная.

– Подробная?

– Своего рода дневник, может быть, или рассказ.

– Рассказ?

– Я хочу сказать, что он писал о каких-то персонажах, а может быть, о своих знакомых. Правда, он тоже действовал в этом рассказе, только не был рассказчиком. А может, и был. В некотором смысле. Не знаю. Не уверен, что понимаю. Не могу сказать, что правда, а что — нет. И все же…

– Там объясняется, почему? Объясняется, почему он… все закончил?

– Не уверен. И никто толком ничего не знает. Все может быть.

– Что ты имеешь в виду? Либо он все объяснил, либо нет.

— Он…

— Что?

– Все не так просто. Не знаю. Вот. Взгляни.

– Что это? Здесь много страниц. Это то, что он написал?

– Да. Прочти. Но, может, лучше начать с конца. Потом двигайся к началу. Но вначале, наверное, тебе лучше сесть.

Благодарность

Нита Проновост, Элисон Кэллахан, Саманта Хейвуд. «Джин», «Джимми», Стефани Синклер, Дженнифер Бергстром, Меган Харрис, Нина Кордес, Адриа Ивасутяк, Эми Прентис, Лоретта Элдридж, Дэвид Уинтер, Леа Антиньи, Марта Шарп,

Крис Гарнам, Кенни Андертон, Сьон, Метц.

Все сотрудники издательства «Саймон энд Шустер» (Канада), «Скаут пресс» и «Текст паблишинг».

Мои друзья. Моя семья. Спасибо вам.